

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

I Международной научно-практической конференции

г. Новосибирск, 28 сентября, 25 октября 2017 г.

Под общей редакцией С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК

2017

ББК 81.001.2+71.05
УДК 81'271+008
Я 41

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Шервашидзе В.В., профессор кафедры Русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (г. Москва), доктор филологических наук, профессор – *председатель*.

Чернов С.С., заведующий кафедрой Производственного менеджмента и экономики энергетики Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск), руководитель ЦРНС, кандидат экономических наук, доцент – *заместитель председателя*.

Шигуров В.В., заведующий кафедрой Русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия.

Радомысленский Е.В., заведующий кафедрой Театрального искусства Института современного искусства (г. Москва), профессор, заслуженный деятель искусств РФ.

Баглиева А.З., заведующий кафедрой Философии Дагестанского государственного педагогического университета (г. Махачкала), доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент.

Кузнецова Л.В., доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических наук Ростовского юридического института (г. Ростов-на-Дону), доктор филологических наук, доцент.

Строй Л.Р., первый заместитель директора Красноярского краевого научно-учебного центра кадров культуры (г. Красноярск), кандидат искусствоведения.

Иванкова Т.А., доцент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), кандидат филологических наук.

Торопова Л.С., доцент кафедры «Иностранные языки» Дальневосточного государственного университета путей сообщений (г. Хабаровск), кандидат филологических наук.

Я 41 **Язык и культура в условиях глобализации:** сборник материалов I Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. – 148 с.

ISBN 978-5-00068-919-6

В сборник вошли материалы секций: «История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук», «Классическая филология», «Лексикология и фразеология», «Общие вопросы языкознания», «Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов мира», «Проблемы переводоведения», «Русская и зарубежная литература», «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», «Сравнительное историческое языкознание», «Стилистическая динамика в художественной литературе и в эволюции языка», «Язык и ментальность. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Сборник материалов МНПК зарегистрирован в РИИЦ и размещен на сайте Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (договор № 125-01/2014К от 28.01.2014).

ББК 81.001.2+71.05
УДК 81'271+008

ISBN 978-5-00068-919-6

© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук	5
<i>Лукасова М.М., Лукасова Э.М.</i> Ольга Горбачева: «Успех – это вера в свое дело и команда»	6
<i>Шахматова А.А.</i> Достоевский в системе укрепления национальной гордости и патриотизма студентов: особенности анализа романа «Игрок»	14
Секция 2. Классическая филология	20
<i>Миринова Ю.В., Сокольская Т.И.</i> Агіозо души в поэзии благорастворённых нот	21
Секция 3. Лексикология и фразеология	29
<i>Чиринов С.В.</i> Модусные значения в свете межъязыковых сравнений	30
Секция 4. Общие вопросы языкознания	40
<i>Bayarchimeg Ch., Bold L.</i> Improving Vocabulary Skills	41
<i>Борисова Э.О.</i> Факторы, влияющие на развитие навыка говорения на уроках английского языка	46
<i>Хитарова Е.Г.</i> Лингвокультурологический анализ паремиологических особенностей казачьих и английских пословиц	51
Секция 5. Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов мира	57
<i>Баярчимэг Ч., Tungalag Kh.</i> Повышение мотивации у студентов к изучению иностранного языка в культуре	58
<i>Чумакаев А.Э.</i> Вопросительные частицы в алтайском языке	63
Секция 6. Проблемы переводоведения	69
<i>Болотина К.А., Петрова Л.А.</i> Англицизмы-неологизмы в научно-техническом дискурсе	70
<i>Скворцова Е.Е.</i> Текстологический анализ элиминирования интеръязыковой лакунарности как элемента межкультурной коммуникации в публицистических текстах	77

Секция 7. Русская и зарубежная литература	86
<i>Карпенко В.Е.</i> Особенности структурного развития в трехстрочных стихотворениях	87
Секция 8. Русский язык: конструкционные и лексико- семантические подходы	94
<i>Скворцов Е.А.</i> Особенности элиминирования англо-американских интеръязыковых лагун терминологического характера как элемента межкультурной коммуникации в русском языке	95
Секция 9. Сравнительное историческое языкознание	103
<i>Ачкасов А.В.</i> Национально-культурный и исторический компонент интеръязыковой лагунарности как элемента межкультурной коммуникации	104
Секция 10. Стилистическая динамика в художественной литературе и в эволюции языка	111
<i>Егорова И.Д.</i> Языковое своеобразие лирических стихотворений В.Ф. Раевского	112
<i>Сараева И.В.</i> Сравнение как средство создания образа Алёши Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	121
Секция 11. Язык и ментальность	127
<i>Абильдинова Ж.Б.</i> К определению понятия «менталитет»	128
<i>Самохвалова Л.Д.</i> Прецедентная вывеска-мифологема: особенности семантического трансфера в условиях современной лингвокультуры	133
<i>Шкапенко Т.М.</i> К вопросу о роли языка-донора в лингвокультурной глобализации	140

Секция 1

***ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ
И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ИСКУССТВ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК***

ОЛЬГА ГОРБАЧЕВА: «УСПЕХ – ЭТО ВЕРА В СВОЕ ДЕЛО И КОМАНДА»

© Гукасова М.М.¹, Гукасова Э.М.²

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В сознание нынешней молодежи искусственно чипируется лик красавицы, пропагандирующей праздный образ жизни. Получается этакая гламурная картинка, пышущая «незаполненными» формами. Холодный, скользкий глянец, реактивно внедрившийся в наш менталитет, преследует нас повсюду, стоит только выйти из дома. Но, слава Богу, что есть и такая, независимо от социального положения, интеллектуальная поросль, далекая от новомодной суеты, для которой образ женщины-матери, женщины-работницы, женщины-хранительницы домашнего очага, является лакмусовым образцом. Все эти традиционные грани успешно совмещает в себе руководитель Усть-Лабинской районной территориальной организации Профсоюза работников народного образования и науки РФ О.Н. Горбачева.

Ольга Николаевна одновременно обладает красотой одной из сказочных героинь русского народного фольклора, зорким философским взглядом, изящностью и непрменным атрибутом современной деловой женщины – богатырским характером: «В игре её конный не словит, / В беде не сробеет – спасет: / Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет!». Именно ей суждено было стать профсоюзным лидером работников науки и образования в кубанском городе Усть-Лабинск.

Потомственная казачка родилась 15 декабря 1977 года в хуторе Братском Усть-Лабинского района Краснодарского края. Выросла в простой крестьянской семье. Здоровой генетикой не обделена, так как от своих родителей унаследовала целеустремленность, обязательность, трудолюбие, честность и порядочность. Но школой лидерства для нее стала сама жизнь, где иногда нужно было проявлять качества стойкого бойца. В 2000 году Ольга окончила Армавирский государственный педагогический институт с присвоением квалификации «Учитель начальных классов», а в 2005 году – Ар-

¹ Факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, магистр журналистики.

² Факультет романо-германской филологии, кандидат филологических наук, доцент кафедры Новогреческой филологии.

мавирский государственный педагогический университет по специальности «История» с присвоением квалификации «Учитель истории». Опыт работы она набирала преподавателем гуманитарных и социально-экономических дисциплин в Социально-педагогическом колледже, которым руководила ее наставница – Ю.А. Лось. Имя этого замечательного педагога значится во многих кубанских энциклопедиях, биографических справочниках, о ней до сих пор пишут СМИ. Стильная, статная, аккуратная. Женщина-профессионал во всех ипостасях: педагог, руководитель, общественно-политический деятель, замечательная мама, бабушка, хозяйка. Она выпустила шесть кандидатов наук.

– Передо мной, помимо моей мамы, был достойный пример в освоении профессиональных навыков. Юлия Анатольевна – учитель, посланный на землю из небесной канцелярии. Имея перед собой такого педагогического гения, грех было не учиться, не подражать ей, я решила «идти за ней». Ведь если быть точной, то слово «педагог» пришло к нам из Древней Греции и означает буквально «детовожделение, детоведение». Мое становление личности происходило на ее глазах. Однажды, когда я возвращалась с занятий, директор остановила меня в коридоре, пригласила в свой кабинет и рассказала, что в колледже планируется открытие новой специальности «Информатика». Юлия Анатольевна предложила изучить мне стандарт по этой специальности и разработать учебный план. Работа была сложной, но мы справились: наш план утвердили в Москве. Так было в 2003 году открыто отделение «Информатика» под моим руководством, – вспоминает О. Горбачева.

Занимая эту должность, Ольга Николаевна старалась уделять внимание каждому преподавателю, заботиться о студентах, разбираться с любой спорной ситуацией и никогда не ограничиваться поверхностной консультацией. Всем известно, что профсоюзный лидер – это ключевая фигура профсоюза. Обладая необходимыми лидерскими качествами, он, помимо знаний, опыта и умения должен еще обладать особой психической устойчивостью, большой убежденностью в правоте своего дела, развитой мотивацией, умением выходить из стрессовых состояний. Но основополагающими качествами профсоюзного флагамена являются готовность работать с людьми, организаторские способности, профессиональная компетентность, политическая и управленческая культура, высокие морально-этические качества, авторитет, ораторское мастерство, ответственность за порученное дело. К сожалению, о профсоюзе, как о враче, люди вспоминают лишь тогда, когда оказываются в сложной жизненной ситуации. Ольга Николаевна понимает, если люди нуждаются в ее помощи, то необходимо им помочь. Используя природную харизму, душевные и профессиональные качества, свое бесконечное женское обаяние, она может достучаться до руководителя любого ранга, привести убедительные доводы, доказать обратное в пользу своих подчиненных. Для нее не существует никаких преград. Став профсоюзным лидером колледжа, Ольга Николаевна воплотила в жизнь главные постулаты этой организации: умение решать человеческие проблемы и всегда первой придти на помощь любому из членов ее организации.

– Переход на работу в профсоюзный комитет означал для меня начало новой деятельности – прежним было лишь то, что вновь предстояла постоянная работа с людьми. Я сразу поняла свою ответственность за судьбы работников колледжа. Но нужно отметить, что и коллектив всегда поддерживал меня. Все мне говорили: «Оля, это твое. Ты на своем месте». Помните лозунг «Быт – забота общая»? Он и сегодня для нас является девизом. Моя задача, как руководителя профсоюза, в нужный момент поддержать своих коллег, помочь с разрешением любого сложного вопроса, а если нужно, то указать на их ошибки, чтобы качество работы было на должном уровне. Знаю, что работать надо честно, чтобы жить с чистой совестью. В профсоюзе я пытаюсь не просто передать накопленный опыт, но и выявить потенциал роста каждого своего коллеги с тем, чтобы успех отдельной личности проецировался на успех коллектива в целом, – продолжает О.Н. Горбачева.

Районная организация при поддержке краевой организации профсоюза не оставляет в беде и оказывает материальную помощь членам Профсоюза,

воспитывающим тяжелобольных детей, имеющим инвалидность или хроническое заболевание.

– Один телефонный звонок дал мне такой мощный заряд веры и надежды. Это была наш профсоюзный лидер. «Мы поможем Никите, – сказала она, – деньги на лечение есть!». Ольга Николаевна была рядом и помогала в сборе и оформлении необходимых документов. Она теплый, отзывчивый и душевный человек. Общаясь с ней, мне казалось, будто мы знакомы много лет. В эти дни, в это трудное время, я поняла, что кроме родных и близких, у меня есть еще одна семья: большая, полная беспокойных, отзывчивых на чужую боль сердец, и имя ей – профсоюз. И я рада, горда, что являюсь ее детищем, – вспоминает тот разговор с особым трепетом учительнице А.Б. Бухвалова.

Для молодой, энергичной руководительницы Профсоюз стал той новой страницей жизни, которую она открыла робко, с интересом и любопытством. Первые шаги были зыбкими. Но она поняла, что занимается полезным делом, что каждый новый день приносит ей удовлетворение от проделанной работы.

– Во главе профсоюза обычно стоят женщины, и это неслучайно, – считает О.Н. Горбачева. – Мягкость, гибкость характера, долготерпение, настойчивость, упорство, что способна объединить в себе деловая женщина, просто необходимы для успешной работы ее организации. Быть капитаном большого корабля – дело трудное и ответственное. Ее формула успеха зашифрована в трех простых словах: «Хочу. Могу. Надо». А составляющие успеха – это: а) управленческая информация, б) вера в себя, г) ответственность и профессионализм, д) команда единомышленников. По мнению Ольги Николаевны, 50 % эффективной работы ее команды являются социальные партнеры: администрация муниципального образования, руководители образовательных учреждений и председатели первичных организаций.

Огромным достижением и самым первым источником успеха эта отважная женщина считает свою команду единомышленников, «которая сможет выстоять в любом жизненном шторме». Ее профсоюзный батальон – это ее гордость, как она выражается, «дружный, инициативный, творческий экипаж», вся работа которого проходит под девизом: «Объединять. Сотрудничать. Вдохновлять».

– Моя коллектив – это моя вторая семья. Первое сходство в том, что члены профсоюзной организации, как и члены одной семьи, взаимосвязаны и дружны между собой. Второе – существует разграничение обязанностей и определенных обязательства, каждый несет какую-то ответственность. Третье – профсоюз, как и родные люди, всегда с тобой рядом: оказывает

помощь в сложных ситуациях и открывает новые горизонты. Профсоюз занимается многими областями жизни коллектива: организационной, культурно-массовой, социальной, финансовой работой, правозащитной деятельностью. В новых политико-экономических условиях возрастает его роль в создании нормативно-правовой базы для урегулирования производственных, социальных отношений между работниками и работодателями, в обеспечении социальной защите работников науки и образования. Наша работа приносит большую радость людям.

Завершая профессиональный портрет Ольги Николаевны, необходимо добавить, что она – замечательная мама и супруга. Ей удалось построить крепкую, дружную семью, где на главной семейной скрижали значатся любовь, дружба, юмор и взаимопонимание. И благодаря внутренней поддержке, у нее получается быть успешной, деловой в обществе. Она уверена, что становление женщины-руководителя зависит от того, как понимают это муж и ближайшее окружение, «иногда приходится делать не то, что хочется, а то, что нужно».

– Успех – желанный результат любого начинания, – делится лидер. – При этом профессиональный успех – это, как правило, не только персональные достижения, но и победы, принадлежащие всему коллективу, ведь большинство из нас трудится в кругу коллег.

Даниленко С.Н., председатель Краснодарской краевой организации Профсоюза работников народного образования и науки РФ вручает О.Н. Горбачевой юбилейную медаль «25 лет Общероссийскому Профсоюзу образования».

Ольга Николаевна считает, что продуктивные результаты, которых добивается ее команда, важнее индивидуальных побед: «Если коллектив успешный, то и я успешна, поскольку являюсь частью коллектива. Гораздо легче работать среди счастливых коллег». Благодаря системной, слаженной работы всей команды, районная организация Профсоюза во главе с О.Н. Горбачевой добилась значительных побед на региональном и Всероссийском уровнях. За эффективные результаты краевая администрация отмечает ее весомыми наградами. Сегодня, Усть-Лабинская районная организация объединяет 78 первичные профсоюзные организации и насчитывает более 2800 членов Профсоюза, что составляет 98 % от общего числа работающих.

На вопрос, что для вас значит Профсоюз, Ольга Горбачева ответила: «Работа в Профсоюзе для меня – это, прежде всего, забота о людях. Надо все успеть и никого не забыть. Это ещё и колоссальная ответственность не только за себя, но и за того, кто рядом. Что скрывать, устаем, ворчим порой, но внимание ключам и забота о них возвращается к тебе потом сполна. Ты видишь результат своего труда: кто-то улыбнулся тебе, кто-то мимоходом пробормотал «спасибо», кто-то просто внимательнее посмотрел тебе в глаза, и ты все понял без слов... Когда хоть чуточку становишься полезным ближнему, значит, ты живешь не зря. Не могу назвать ни один рабочий день неудавшимся, потому что в любимой работе их не бывает. Как не бывает скуки, рутины, свободного времени и безделья. Есть только труд, который перерастает в опыт, большие и маленькие победы. Надо бежать по своей любимой дорожке только вперед и не перескакивать на соседние, – считает Ольга Николаевна.

Портрет Ольги Горбачевой был бы неполным без мнения ее коллег.

Лось Ю.А., заслуженный учитель РФ, отличник просвещения СССР, кандидат педагогических наук, директор Усть-Лабинского социально педагогического колледжа 1987-2008 гг.:

– Ольга Николаевна – личность цельная, и многогранная. Она настоящая. Искренняя, чистая, бесхитростная, открытая, очень верная и преданная. Такой ее воспитали. Я знаю ее замечательных родителей, которые всю жизнь добросовестно трудились в колхозе, а потом, создав свое крестьянское хозяйство, трудились еще больше, теперь уже от зари до зари. Они стали для дочери хорошим примером служения делу. Научили ее упорно работать, достойно преодолевать трудности и, поставив перед собой цели, достигать их. Ольга Николаевна, закончив успешно наш социально-педагогический колледж, осталась работать лаборантом. Активная, творческая, инициативная, она сразу понравилась нашим учителям. А коллектив у нас был серьезный, сплоченный, умеющий хорошо и много работать. Поэтому, по-

сле окончания пединститута, мы предложили ей педагогическую нагрузку. Студенты всегда любят красивых, умных и интересных преподавателей. Отделение «Информатики» под ее руководством успешно прошло аттестацию, а потом и аккредитацию. Администрация колледжа была очень довольна тем, что поручив такой сложный участок работы молодому специалисту, получила хороший результат. Ольга Николаевна умеет работать в команде, способна на самоотдачу. Необходимо отметить, что она прошла все этапы становления личности-руководителя: от лаборанта до профсоюзного лидера. Когда нужно было избрать председателя объединенного профсоюзного комитета, преподаватели и студенты без колебаний доверили эту должность Ольге Николаевне. У нее есть замечательная черта – она умеет сострадать. Это качество души и ума, к сожалению, сегодня в дефиците.

У Ольги Николаевны очень широкий и разносторонний круг общения. Ее многие знают в нашем городе. И не удивительно, что учительство района выбрало ее своим профсоюзным лидером. Выбор правильный. Эта милая, хрупкая, молодая женщина, имеющая мужа, двоих сыновей, ежедневно посещающая и поддерживающая своего рано овдовевшего отца, может увлеченно трудиться во имя общего блага, иметь неугомонный характер, быть всегда позитивной, очень надежной и честной. Если бы все лидеры обладали такими качествами, как бы мы хорошо жили.

*Усть-Лабинская районная территориальная организация
Профсоюза работников народного образования и науки РФ.
В центре второго ряда – О.Н. Горбачева*

Даниленко С.Н., председатель Краснодарской краевой организации Профсоюза работников народного образования и науки РФ:

– На тот момент Усть-Лабинская профсоюзная организация была проблемной: после ухода предыдущего председателя осталось много недочетов, недоработок. Конечно, придя на эту должность, Ольга Николаевна сразу стала разбираться во всем, вникать в работу, причем детально изучала проблемы, но достоверность некоторых документов не соответствовала реалиям. И отчеты. За что не возьмись, все нужно переделывать. Это большой объем работы. Я помню через несколько месяцев, она пришла ко мне в кабинет с просьбой освободить ее от занимаемой должности. На тот момент я был заместителем Л.И. Цей, для которой достоверность – самый основной критерий в профсоюзной работе. Я убедил Ольгу Николаевну остаться, обещал ей всяческую поддержку и сказал, что общими усилиями справимся с этой кризисной ситуацией. В итоге, прошло время, все утряслось, Ольга Николаевна с поставленной задачей справилась, втянулась в профсоюзные будни, эффективно работает, у нее великолепные отношения с социальными партнерами, с администрацией, с подчиненными. Как говорится в народе, были тучи, показалось и солнце. У нас среди профорганизаций районов живая, здоровая конкуренция. Новичков мы стараемся полноценно и качественно обучить. В настоящее время О.Н. Горбачева в профсоюзе ориентируется, как рыба в воде. Умелая, толковая, любящая людей. За семь лет сама выросла и еще взрастила профессиональную команду. Я думаю, она хоро-

ший психолог, знает, как с кем разговаривать: успокоить вовремя, подобрать нужные слова. Мне в ней нравится, что она умеет думать, никогда не будет говорить лишнего. Она – человек вдумчивый. Она никогда не поддается панике и спешке. После нее никакую работу не надо переделывать, то есть она не принимает преждевременных решений, после которых нужно работать над необдуманно следующими последствиями. Она наладила работу и расставила приоритеты над главными задачами. Она руководитель достойный, на своем месте, помимо всего прочего, обладает чисто женскими качествами: доброта, внимание, скромность, забота. Если Ольга Горбачева при сложных условиях не сдалась, приняла решение продолжать борьбу, то, конечно, в ней есть внутренний стержень. Ведь трудности только закаляют человека. Если она ставит перед собой какую-то планку, то эта женщина, не щадя себя, своих сил и времени, добивается цели. В профсоюзном деле это ценное качество природного лидера. Она не из тех, кто сдается, особенно, когда сознает, что не одна, а в команде. Вот это внутреннее состояние, когда человек понимает, что он не боится проблем, делает из него лидера. Она на готовое не пришла, а наоборот, сделала так, что ее районная организация постоянно развивается и движется вперед. Сегодня Усть-Лабинская организация стабильно движется в сторону плюс. Пришло много талантливых людей. За период своего руководства О.Н. Горбачева подтянула организацию до 98 %. Это считается отличный показатель, если учесть, что до ее прихода этот показатель составлял 67 %.

ДОСТОЕВСКИЙ В СИСТЕМЕ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ И ПАТРИОТИЗМА СТУДЕНТОВ: ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА РОМАНА «ИГРОК»

© **Шахматова А.А.**¹

ОГБПОУ «Новгородский агротехнический техникум»,
г. Великий Новгород

В статье рассматривается проблема анализа русского национального характера в литературе и особенность анализа произведений Ф.М. Дост-

¹ Преподаватель русского языка и литературы.

товеского в педагогической системе по укреплению чувств патриотизма, духа народности и чувств национальной гордости в студентах.

Ключевые слова: Достоевский, анализ Достоевского в школе и вузе, развитие патриотизма на уроках литературы.

Современный исследователь И.Л. Волгин очень метко выразился о связи творчества Достоевского с проблемой русского самосознания: «Творчество Достоевского есть русское слово о всечеловеческом. И потому из всех русских писателей он наиболее интересен для западноевропейских людей. Они ищут в нем откровений о том всеобщем, что их мучит, но откровений иного, загадочного для них мира русского Востока. Понять до конца Достоевского – значит понять что-то очень существенное в строе русской души, значит приблизиться к разгадке России» [2].

Знаменательно, что западная литература осваивала соотношение понятий "индивид" и "нация", а Достоевский поставил перед русской литературой реальности – "личность" и "народ". Именно Достоевский воплотил в своих героях самые существенные черты русского национального характера – его противоречивость, двойственность, создав тем самым тот национальный характерологический архетип, который будет на протяжении XX столетия изучать и воплощать русское искусство. И даже знаменитые исследования философа Н.А. Бердяева о антиномичных национальных началах, которые «легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [1] – отчасти основываются и на заключениях Ф.М. Достоевского. В русской литературе и философии XX века мы можем увидеть весь ряд разработанных Достоевским идей и типов, универсальный характер которых и сейчас, в XXI столетии, очевиден и не подлежит сомнению.

Русский национальный характер был выделен Фёдором Михайловичем как типы русского сознания и характера, которые «в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом» [4]. Основную черту национального характера Достоевский обозначил как «забвение всякой мерки всегда и во всем», сформулировав таким образом главное свойство русской психологии – отсутствие «золотой середины» как в характере, так и в жизни. И свойство это обнаруживается в те роковые моменты жизни и русской истории, которые Достоевский называет «наваждением». Вот почему эта «потребность отрицания» может неожиданно проявиться в любом русском человеке, даже «самом неотрицающем и благоговеющим». Отрицание это

всеохватывающе, тотально и может коснуться «даже самой главной святыни сердца», «самого полного идеала». Происходит это еще и потому, что в жизни каждого человека есть мгновения, когда ему непременно «нужно заявить себя», и неважно, в «хорошем или поганом» – настолько притупляется в эти мгновения способность человека различать добро и зло, отличать красоту от безобразия. Проявляется в этом главная черта национального характера и сознания – «порывчатость», не позволяющие русскому человеку спокойно и хладнокровно обдумывать свои поступки и действия. Все эти свойства психологии особенно предрасполагают человека к крайним выражениям своего «Я», своего отношения к миру, и одним из них становится «самоотрицание и самоуничтожение» [4]. Самое любопытное, как это все уместается в одном характере – это потребность заявить себя в «хорошем или поганом» и «самоуничтожение». В «Дневнике писателя» Достоевский пишет: «ужасно много русских людей вдруг вообразили себе почему-то, что они получили полное право на бесчестье, и что это теперь уже хорошо, и что их за это теперь уже похвалят, а не выведут. С другой стороны, я понимаю и то, что чрезвычайно приятно (о, многим, многим!) встать посреди собрания, где все кругом (...) учтивы и равны со всеми, что как будто и в самом деле в Европе- встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии – свиснуть кому-нибудь оплеуху, отмотать пакость девушке и вообще тут же среди залы нагадить: «Вот вам, дескать, за двухсолетний европеизм, а мы вот они, все как были, никуда не исчезли!» [4].

Достоевский проводит четкое разграничение между европейской культурой и европейской цивилизацией. Фёдор Михайлович уважал и ценил культуру, как сферу духовного развития человека, все шедевры искусства и литературы, подаренные Европой. Против таких заимствований речи и быть не может, но вот против «рабских заимствований» цивилизации и поведения русского человека в ней и от неё... В том же «Дневнике писателя» Достоевский замечает, как меняется характер «заграничного русского» или русского в России, но слепо следовавшего европейской цивилизационной моде: «Не говорю, конечно, про людей с большим здравым смыслом: те не верят в европейские идеи, потому что и верить-то не во что, ибо никогда и ничто на свете не отличалось такой неясностью, туманностью, неопределенностью и неопределимостью, как тот «цикл идей», который мы нажили себе в двухсотлетний период нашего европейничания, – а в сущности не цикл, а хаос обрывков чувств, чужих недопонятых мыслей, чужих выводов и чужих при-

вычек, но особенно слов, слов, слов и слов – самых европейских и либеральных, конечно, но для нас все же слов, и только слов...» [4].

Достоевский считал, что европейский национальный характер (немцы, анличане, французы) в ходе исторического развития упорядочились в законченную «форму». При этом русский национальный характер, по Достоевскому, находится еще в процессе развития. Именно этим автор объясняет «бесформенность» натур своих героев (Алексея Ивановича и Полины), отсюда же и свойственное русскому человеку стремление преодолеть узость сложившихся на Западе общественных форм. Но Достоевский видел в этом не столько недостаток, сколько историческое преимущество России, которая, отличаясь от кризисных европейских ценностей, сможет отыскать пути к более высоким общечеловеческим идеалам.

Одной из главных черт русского национального характера Достоевский считал и «широкость». Не раз затрагивает Достоевский эту тему и в своем романе «Подросток». У европейца это свойство давно ограничено рамками норм поведения и устоявшимися социальными ролями, закрепленные веками, а вот русскому человеку, как ни крути, такие формы чужды. Достоевский подчеркивает эту характеристику своих персонажей даже во внешних проявлениях. Князь Мышкин признается: «Я не имею жеста. Я имею жест всегда противоположный, а это вызывает смех и унижает идею. Чувства меры тоже нет, а это главное...», «У меня жеста приличного, чувства меры нет» [3; VI; 486] Да и себя Достоевский характеризовал: «Формы, жеста не имею» [3; VI; 867].

У русского человека, по мнению Достоевского, широкий всеоткрытый ум. «Русские слишком богато и многосторонне одарены, чтобы скоро приискать себе приличную форму», – говорит Достоевский [4]. «Форма» вырабатывается, как известно, культурной «серединой», отсутствующей в полярной по самой своей сущности национальной ментальности. Характеры западных иностранцев, по мнению Достоевского, в ходе исторического развития этих стран приобрели известную законченную «форму», а русский национальный характер (опять же, по Достоевскому) находится еще в процессе развития [4]. Этим же и объясняется свойственное русскому менталитету стремление преодолеть «узкие западные рамки и формы» [4]. Достоевский видел историческое преимущество России и возможность того, что в недалеком будущем она сможет отыскать пути к более высоким общечеловеческим идеалам. И здесь как раз, особое значение в романе приобретает образ русской бабушки Антонида Васильевны в романе «Игрок».

Бабуленька ярко выделяется как на фоне всего зарубежного общества, так и непосредственно на фоне главного героя, Алексея Ивановича. Она становится таким же азартным игроком, как и он, но в противовес ему, ей удалось разорвать пути азарта. К тому же запутанную игру людских отношений руленбургского общества «бабуленька» сразу распознает. Она сразу понимает, что из себя представляет Бланш и Де-Грие, безвольного генерала, своего племянника, сразу ставит на место («Денег тебе не дам»), положительно отмечает Астлея, жалеет Полину и зовет её с собой. «Бабуленька» в значительной степени показана на фоне регламентированного, упорядоченного зарубежного мира, в который она никак не вписывается. Этого и добивался Достоевский в изображении столкновении русского характера и зарубежного. Важно, что Антонида Васильевна приезжает в Рулетенбург и возвращается оттуда именно в Москву, а не из столицы, Петербурга. Москва, в представлении Достоевского, является воплощением «восточной идеи», русской. Москва как исконно русский город противопоставляется в романе Европе как образ истинного рая его дьявольскому искажению: «Ох, уж эта мне заграница! – заключил Потапыч, – говорил, что не к добру. И уж поскорее бы в нашу Москву! И чего-то у нас дома нет, в Москве? Сад, цветы, каких здесь и не бывает, дух, яблоньки наливаются, простор, – нет, надо было за границу!» [3; IV; 281].

Главная героиня, такая фееричная, эмоциональная, азартная, «впадающая из крайности в крайность», которой «всё или ничего» подавай, одной по силам оказалось выбраться из азарта рулетки и морально противостоять всем этим «оформленным» европейцам. Ведь сам Достоевский подчеркивает: «Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных <...>. Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал. Но на родную почву мы возвратились не побежденными...» [3; XVIII; 36].

Достоевский был одним из крупнейших, если не самым крупным, глубоким аналитиком русского национального характера и русской культуры в ее национальном преломлении. И совершенно естественно, что к этой теме он обращался постоянно и не только в своих теоретической рефлексии, но и в её презентации художественных образов и конфликтах многих его произ-

ведений. Из вышеизложенного следует, что Достоевский не был апологетом русскости, а умел видеть её как очень сложное и противоречивое явление, несущее в себе как положительные, так и отрицательные моменты.

Сегодня, когда подрастающее поколение всячески, без разбора подхватывает западные тенденции, подражает им, считает модным и «крутым», в отличие от отечественных, крайне важно использовать русскую литературу и биографии отечественных классиков как способ борьбы с слепым подражанием всему европейскому. И уроки по произведениям Фёдора Михайловича Достоевского с грамотным их художественным анализом очень помогут педагогу в развитии чувств патриотизма, духа народности и чувств национальной гордости в студентах.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. О русских классиках. – М., 1993.
2. Волгин И.Л. Достоевский и современники: жизнь в документах. – М., 1991.
3. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти томах. Т. XVIII-XXX. – Л.: «Наука», 1984.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – Азбука, 2014.

Секция 2

***КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ***

ARIOZO ДУШИ В ПОЭЗИИ БЛАГОРАСТВОРЁННЫХ НОТ

© Миронова Ю.В.¹, Сокольская Т.И.²

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Липецк

В представленной научной статье исследованы образная система, ритмика и мелодика стиха, создающие особое художественное пространство «Поэтического *arizozo*» Тамары Игоревны Сокольской – пространство любви как «света незакатного», «вселенского счастья», в котором преобладает музыка слова. Изысканный художественный приём нотных знаков, избранный поэтом для выражения тех чувств, в которых черпает душа творческое вдохновение, служит символическим ключом к пониманию симфоры, являющейся высшей формой метафорического выражения мирочувствования поэта, – всепоглощающей любви.

Ключевые слова: ритмические вариации, художественный приём нотных знаков, мелодика стиха, поэтический образ, свертхтекст, синергия.

Истинно, истинно глаголю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесет много плода.

Евангелие от Иоанна (12:24)

«Поэтическое *arizozo*» Тамары Игоревны Сокольской преисполнено музыки слова. Поэт настраивает слова с большим искусством, как скрипач с тонким слухом настраивает скрипку. Семантические ассоциации, поэтическая метафоризация как особенности художественного стиля поэта позволяют живописать пейзаж души в пленительных ритмических вариациях слов-нот, записанных в зеркальную тетрадь. Зоркий художник слова, автор видит и чувствует так, как дано отнюдь не каждому. Читая по нотам «Поэтическое *arizozo*», постигаешь красоту и ценность слова, его божественную природу и воплощённую в нём созидующую силу любви.

¹ Доцент кафедры Гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, кандидат филологических наук, доцент.

² Доцент кафедры Гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, кандидат биологических наук, доцент.

Поэтическое *agiozo* Тамары Сокольской представляет собой ритмические вариации златорунных нитей души, смиренной в человеческом бессильи. В каждом из поэтических этюдов, вошедших в настоящее литературно-художественное издание, можно ощутить сердечную аритмию жизни, ритмы которой строка за строкой выходят из «сердечной купели» и «бьётся в такт святых словес» – трудов молитвенных плодов.

Изысканный художественный приём нотных знаков, избранный поэтом дивных строф для творческого выражения мыслей, служит символическим ключом к бытийной голограмме, начертанной сердечным метрономом. «Наедине с своей душой» (поэтический этюд «Разговор с душой», с. 23) лирический герой постигает суть мироздания без прикрас [1].

Разговор с душой

Я с пряником вкушаю чай зелёный
И в кресле мягком чтенью предаюсь.
Внушения печали монотонной
Меня пугают, как шипящий гусь.

Художница-тоска рисует пятна
На окнах зорких, но потухших глаз.
Через них взирает сердце, как неладно
Устроен мир, устроен без прикрас.

Всё к лучшему, душа. Ты в этом горе
Немного потомись, уйди в себя.
Опасно промышлять в житейском море,
В нём ждёт улов погибели тебя.

На пальцах сахар пряничного тела.
Чтоб боль унять, молюсь я стгоряча
И метки оставляю сладким мелом
На лбу, на чреве и на двух плечах.

Ритм бьющегося в житейском море сердца сверхмерен, задушена, законвана в гранит душа. Но неусыпный труд препятствия преодолевает. Неусыпность порождает «послушание», молитвенный труд остылого сердца, бьющегося мерно и лениво в груди («Забутье», с. 50).

Забутье

Песни смолкли. И сердце остыло,
Бьётся мерно, лениво в груди.
Память терпкую смыли дожди.
В жилах нет неизбывного пыла.
Нынче руки лобзают мне разом
Всполох зорьки и звёзд ясноглазых.

Будто не было боли и плена.
Плотный воздух качает меня,
Вспоминанья во мне хороня,
Вырывая из прежнего тлена.
Нынче руки лобзают мне разом
Всполох зорьки и звёзд ясноглазых.

Разны ритмические вариации пробуждают в нас «вторичные идеи» – «всполох зорьки и звёзд ясноглазых» («Забутье», с. 50) и «сладостные звуки волшебной свирели» («На балконе рубиновых жил», с. 9), «шёпот дождя» («Будущая сказка», с. 8), «дарящее волоконца зазорное солнце» («Сказ мексестреля», с. 45), за которыми следует неисчислимо множество «третичных идей», символизирующих ритм жизни души, ищущей луч земной благодати [1].

На балконе рубиновых жил

В танце стиха я привычно ступаю
Строчкой за строчкой в грудинный тоннель.
Там меня ждёт золотая свирель.
Втайне от многих на ней я играю.

Только лишь здесь предаюсь я покою.
Здесь, на балконе рубиновых жил,
Видимый в вспышках нейронных светил
Образ знакомый всегда предо мною.

Тихой фантазии лишь голограмма,
Он под сердечный писать метроном
Мне помогает павлиньим пером,
Взором печальным лаская упрямо.

Сладостны звуки волшебной свирели.
Буквы защиты стихами в тетрадь.
Месяц прозрачной, пора засыпать
И выходить из сердечной купели.

Будущая сказка

С разлуки той минуло так немного –
Почти две тысячи звенящих болью дней.
И будто возмужала поступь слога,
А в клетки рёберной почил мой соловей.

Я верую, что к жизни он воскреснет,
Вернутся зреньё, слух, и я заговорю.
И, коль угодно Богу, интересней
Смогу в стихе своём нарисовать зарю,

И шёпотом дождя смочить страницы,
И в лёгких отыскать забытый аромат,
И сказочному рыцарю присниться,
И с грядки принести в подоле звездопад,

На полпути от сердца замиранья
С бродячим по цепи обмолвиться котом,
И, вновь охотясь, подстеречь сказанье,
И небыль вырубить графитным топором.

Сказ менестреля

Печальный задумчивый лес уже высох.
В балетных кружится листва экзерсисах.

Разрезаны небо с землёй после ночи.
Такая же рана во мне кровоточит.

Я встречу в волшебном лесу менестреля.
Он мне пропоёт на волшебной свирели

Про то, как нам дарит задорное солнце
С щенячьим восторгом свои волоконца,

Про то, как струится во все концы света
Земли нашей кровь изумрудного цвета,

Про то, как находят своё отраженье
Лужайки небесные в водном теченьи,

Как жить невозможно ветрам без объятий,
Как мир весь проникнут лучом благодати.

Качаясь в придуманной мною же зыбке,
Я слушаю сказ менестреля с улыбкой.

Из нот-словес составленные ритмические вариации располагают души читателей к пониманию сути земного бытия и сочувствию на миг замолкнувшему грудинному метроному («Дракон внутри», с. 12).

Дракон внутри

Огни погасли в замке старом,
Колонны сотрясает гром.
На миг, заполнившись кошмаром,
Замолк грудинный метроном

И, с пяткой встретившись, в мгновенье
Забился в каждой клетке он,
Узрев, как село привиденье
Крылатое на царский трон.

Сердечный ритм перекрывая,
Стреляет шёпот в тишине:
«Ты много лет, того не зная,
Приют давал в хорамах мне.

Страстями разными, не скрою,
Вскормил довольно ты меня.
Я окна ставнями закрою, –
От света меркнет чешуя.

Хвостом разрушу храм домовый, –
Мне крылья жгут колокола.
Скроит наряд послушный новый
Душе твоей моя игла».

«Я оступился, видно, где-то,
Прости, помилуй, Боже мой!
Открой уста мне для ответа,
Чтоб вызвать ящера на бой».

И вот в дракона по молитве
С небес святых копьё летит.
Очищен замок в этой битве.
Разрушен тёмный монолит.

Но стоит вверх главу с пелёнки
Поднять тщеславно, уж сражён.
И расправляет перепонки
На крыльях маленький дракон.

Ритмические отрезки, в старину называвшиеся «краесогласием», венчают стих и формируют поэтический образ души поэта – ритмического метронома. «Рифма – крылья» организует рифменный репертуар поэтического ариозо Тамары Сокольской – арии-миниатюры «чуть живой, пустотою пронзённой души, что висела давно а сердечном кукане, а теперь почивает в объятьях тиши» («Тень, знай своё место», с. 10).

Тень, знай своё место

Тереблю я в беспечности нежные ткани
Чуть живой, пустотою пронзённой души,
Что висела давно на сердечном кукане,
А теперь почивает в объятьях тиши.

И волшебные сказки звенят предо мною.
Наливается сказочным воздухом день.
Отделяется вдруг и встаёт за спиною
Величаво и медленно плоская тень.

«Недоверчиво зришь ты в меня отчего же? –
Вопрошает она, ощетинившись вдруг. –
На земле расстилаясь, привязана всё же
Я к тебе от рожденья, заклятый мой друг.

Обращусь к непокорному духов отряду
(Я дружу с бестелесными царства теней).
Пожелаю, на троне твоём я воссяду,
Ну а ты у ноги расположишься моей».

«Не страшусь я тебя, ты всего лишь виденье, –
Отвечаю я ей. – И положенный срок
Твоей жизни имеет с моей совпадение.
Не забудь, твоё место навеки у ног».

Поэтические ноты-знаки агіозо в стихах воплощают жизнь, воссозданную в слове и написанную слезой в зеркальную тетрадь («Близ гор сердечных», с. 38).

Близ гор сердечных

Любовно серебрит мою кровать
От месяца-подростка луч скользкий.
Пишу слезой в зеркальную тетрадь,
Ступая смело в лабиринт блестящий,

В долину грёз, меж рёберных колонн,
Где почву лихорадит мерной дрожью.
Близ гор сердечных, погружённых в сон,
Лишь тень твоя осталась у подножья.

И в этот сказкой выкрашенный час
С улыбкой я зажмурюсь беззаветно,
В солёной жидкости который раз
Модель тебя разыскивая тщетно.

Вторая реальность есть первая поэтическая нота агіозо – откровение. Ноты ариозо создают художественную многозначность поэтического текста,

расширяют его смысловое пространство до символического сверттекста, гипертекста, где каждая нота – движение души, ритм сердца, биение жизни «в утробе тёмной бытия» («Бог с тобою», с. 48).

Бог с тобою

Милый сердцу, но такой ненужный,
Выдохнув, отрёкся от меня.
Видно, быть не велено замужней
Мне в утробе тёмной бытия.

Что ж, я подчиняюсь воле Этой.
Дух покорный дышит веселей.
Тени вымышленные воспеты
Снова мыслью взбалмошной моей.

Милый сердцу, но такой далёкий,
Выдумкой украшенный слепой,
Лучше быть навеки одинокой,
Чем звучать фальшиво в тон с тобой.

Шествующий чуждой мне дорогой
С музыкой нестройною в груди,
Ты позволь остаться мне убогой.
Бог с тобою, с миром уходи.

Поэтические ноты вносят в художественные этюды нечто ценное в плане постижения миробытия и позволяют в немногих словах сказать многое, что необходимо для правильного прочтения текста, ибо обнаруживает скрытый философский смысл в том, что казалось сказочным, волшебным, позволяет постичь смысл жизни через синергию поэтического ариозо, прочесть которое, достопочтенный читатель, надобно как откровение сердца духовным зрением.

Список литературы:

1. Сокольская Т.И. Поэтическое ariozo. G#HF#E. С.Т.И.хи / Сокольская Тамара Игоревна. – Липецк: Гравис, 2017. – (ISBN 978-5-4353-0170-0).

Секция 3

***ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ФРАЗЕОЛОГИЯ***

МОДУСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СВЕТЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СРАВНЕНИЙ

© Чиронов С.В.¹

Московский государственный институт международных отношений,
г. Москва

Статья посвящена анализу нескольких случаев нелинейного соответствия между языковыми единицами японского и китайского языков, отражающими различные прагматические значения. Используя материал словарных статей, а также корпусные данные, мы показываем важность сопоставительного анализа для уточнения не только круга значений отдельных единиц, но и системной репрезентации таких значений в описании, релевантном для типологических обобщений.

Ключевые слова: японский язык, китайский язык, модус, прагматическое значение, наречие, эквивалентность, сема.

1. Изучение единиц, передающих в речи различные значения модусного типа, касающиеся субъективного восприятия говорящим предмета своего высказывания, своего речевого действия или речевой ситуации в целом, неизбежно наталкивается на некоторые ограничения, связанные со спецификой конкретных языков. Для отдельно взятого языка описание значения таких единиц может быть построено довольно успешно вне зависимости от того, пойдёт ли оно по пути дробления возможных ситуаций употребления с как можно более полным заданием соответствующих подзначений неким конечным списком, либо же будет выбран путь опоры на некое приоритетное значение, которое будет признано центральным, прототипическим, причём удачная формулировка последнего позволит фактически в значительной мере предсказать, или хотя бы объяснить упомянутый в отношении первого случая список. Однако при проведении межъязыковых параллелей вся стройность такого построения, особенно сделанного по второй схеме, рассыпается, и мы оказываемся у «разбитого корыта» с множеством конкретных случаев, плохо накладывающихся друг на друга, между полностью не совпадающими, а порой пересекающимися весьма причудливо «зонами ответственности» отдельных слов. Исчерпывающе иллюстрирует такое положение

¹ Заведующий кафедрой Японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, кандидат филологических наук, доцент.

ситуация перевода, где зачастую приходится, выходя далеко за рамки собственно говоримого, предпринимать глубокую деконструкцию элементов речевой ситуации, дабы прийти к эквиваленту удовлетворительного уровня адекватности. В настоящей работе, где мы лишь подступаемся к этой проблеме, в описанном свете рассматривается несколько конкретных случаев, с которыми пришлось столкнуться автору в ходе работы с двуязычными словарями в паре таких типологически далёких, но при этом имеющих колоссальный опыт контактов, взаимозаимствований и взаимовлияния языков, как японский и китайский. Речь идёт о нескольких единицах наречной природы, передающих некоторые типы модальных или дискурсивных значений, которые изначально были встречены к художественному китайском тексте [8], а затем отслежены по двуязычному словарю [5; 6], с обращением также и к материалам корпуса [9].

2. Относительно более разработанной является типология модальных значений, связанных с эпистемической вероятностью и (иногда понимаемой как её подраздел) эвиденциальностью. По ним существует обширный задел исследований на разнообразном языковом материале (напр. [1]). Это уже позволяет с большей точностью «переводить» эти значения между языками. Однако и здесь, едва нам случается отклониться от круга канонических значений, связанных, например, с источником информации или степенью убеждения говорящего в истинности заявляемого пропозиционального содержания, как картинка даёт смущающее нас «смещение». Так, сложные связи с близкими аналогами в японском языке обнаруживает китайское наречие 确实 *quéshì*, передающее достоверность предоставляемой информации. Дело дополнительно усугубляется проявляющейся в данном случае, но далеко им не исчерпывающейся особенностью связей между китайской и японской лексикой, заключающейся в том, что при переносе из одного языка в другой идентичные или родственные синоиероглифические единицы обычно несколько модифицируют своё значение, причём наибольшие «расхождения» возникают именно в прагматических профилях единиц-«родственников» (Эта закономерность отчасти напоминает «дрейф» смыслов в русских заимствованиях типа *фактически*, *практически* и т.п.). В данном случае наибольшая близость смыслов наблюдается между адъективным вариантом лексемы и японской калькой *確實な*, где оба слова выражают достоверность как категорию объективной или «внутренней» модальности, составляющей часть пропозиции. В таком виде слово встретилось нам в тексте источника:

这件事是她亲眼看到的, 是**确实确实的** // *Это она видела сама, так что всё совершенно точно.* [8]. Синонимами для этого значения в японском языке являются прилагательные *tashika*, *sadaka*.

В наречном использовании (где слово имеет сферой действия группу сказуемого или всё предложение целиком), однако, явно возникают новые элементы значения. Прежде всего, мы более не видим высказываний, как в приведённом примере, соотнесённых с фактическим событием, в частности, о вероятности наступления события в реальном мире в будущем – как это характерно для японского «параллельного» наречия **确实に**. Все контексты, и приводимые словарём, и находимые в корпусе, касаются оценок говорящего, где предикат является именем-характеристикой либо содержит оценочную сему. Притом, и «транспонирование» в наречный статус *tashika-ni*, предпринимаемое автором словаря, по крайней мере применительно к части контекстов вызывает вопросы. Дело в том, что в японском это наречие обнаруживает два дополнительных прагматических параметра: указание на то, что информация извлекается из памяти говорящего [7], а также возможность употребления в контексте признания (нежелательного для говорящего обстоятельства, в том числе как тактический ход с видом на возможность отрицания линии аргументации собеседника в дальнейшем) [2]. Оба контекста предполагают наличие пропозиции как заданной в дискурсе к моменту высказывания, получающего, таким образом, реагирующий характер. Эту особенность не даёт проверить ограниченность контекста в примерах словаря:

他最近**确实**有些进步。// 彼は最近**たしかに**進歩した。// *В последнее время он точно / действительно делает успехи, ср.: 确实, 水平是比过去高了一些。// たしかに、水準は過去より少し高くなった。// Уровень реально / действительно немного повысился по сравнению с прошлым* [6].

Вне возможных контекстов признания или припоминания наиболее подходящим для такого высказывания, получающего уже инициативный характер, в японском было бы наречие **実に**, не указанное в словаре, см. нашу работу [3]. Именно такая аналогия напрашивается и для множества примеров корпуса, явно взятых из монологического повествования:

就以古文字学来说, 鲁迅**确实**也给了我们不少启迪。// *Касательно старинных рукописей Лу Синь поистине во многом нас просветил.* (Цзе Лу «Лу Синь и исследования старых рукописей» 1981) [9].

Усилительная функция *quèshí*, возникающая из эксплицирования истинности и достоверности заявляемой говорящим пропозиции, может вы-

ражаться в японском не только *jitsu-ni*, типически употребимым с эпитетом, характеристикой, но и иными средствами. Например, в ещё одном примере потребовался бы интенсификатор отрицательных контекстов *nanimo*:

而他, **确实**是心还没死去, 还爱着生活, 有着自己生的意志。// *Но он ещё **вовсе** не остыл сердцем, он ещё любит жизнь, не потерял волю к жизни* (журн. «Вэньхуэй», 10.5.1983) [9]

Указанный контекст уступки демонстрирует пример в тексте источника:

儿子奏出的曲子本来十分好听, 牛阔成在心平气和的时候也**确实**感到有这样有一个会拉琴吹笛弹琵琶的儿子是一种骄傲。// *Мелодии, которую играл сын, были очень хороши, и Ню Кочэн, не теряя, впрочем, душевного спокойствия, **и правда** чувствовал* [хотя не поддерживал увлечения сына], *что музыкальным дарованием отпрыска можно гордиться* [8, с. 329].

Поиск в корпусе по противопоставительному контексту выявляет и случаи, близкие к японскому *tashika-ni* в контекстах признания (за которым следует опровержение тезиса):

他**确实**是个老人了, 但, 毫无疑义, 他仍然是个真正的诗人。// *Он **и правда** уже старик, но вне всякого сомнения, он остаётся настоящим поэтом.* (журн. «Вэньхуэй» 10.04.1983) [9]

Напротив, случаев, где речь бы шла о припоминании, с *quèshì* мы не обнаружили. Таким образом, примерно обозначился круг информации, которую необходимо было бы внести в более полную словарную статью, включающую данные об употреблении модального наречия *quèshì*: это контексты уверения в достоверности информации на основе внутреннего убеждения говорящего (в отличие от адъективного употребления, допускающего непосредственное восприятие), включающие контексты признания и уступки, в том числе с последующим опровержением.

3. Рассмотрим пример с единицей, передающей иной тип значения. Адвербиал (т.н. чэньюй) 果不其然 *guǒbùqírán* переводится в словаре [6] словом *hatashite*, в выборе которого решающую роль сыграл, судя по всему, исторический фактор – происхождение японского наречия от значимого слова, записываемого первым и «несущим» иероглифом сочетания (об этом мы уже упоминали [4]). Но в современном употреблении *hatashite* получает совсем другую функцию – усилителя вопроса. Это противоречие проявляется уже в иллюстрации к словарной статье, где *hatashite* никак не подходит для перевода. Сам автор использует здесь междометие, ср. рус. *смотри-ка*:

我早说要下雨，**果不其然**，下雨了。// 私は前から雨が降りそうだと
 いていたけど、**ほら**、降ったろう。// *Я же говорил, что пойдёт дождь –*
вот он и пошёл. [6] (в китайском варианте нет оттенка побуждения адресата
 согласиться с непосредственным наблюдением говорящего, как в японском).

Значение, которое имеет место здесь, указано в онлайн-словаре [5] как
 соответствие пропозиционального содержания предсказанию говорящего,
 ср. рус. *как я и думал*. В тексте источника нам, однако, встретился несколько
 иной случай, где говорящий, наоборот, сомневается в том, что событие про-
 изойдёт (а оно таки происходит). Здесь подойдёт японское *jissai-ni*, специа-
 лизированное на контекстах, где проблематизируется соответствие убежде-
 ний и реальности [3]:

今年该发科了。**果不其然**中了。// *В этом году мне нужно было сда-
 вать экзамен. И представьте, я его сдал!* [8, с. 287].

В корпусе отыскивается и промежуточный случай, где содержание со-
 бытия ранее осознавалось говорящим как вероятность – но трудно сказать,
 каково именно его отношение к ней:

我急忙脱下上衣一看，**果不其然**，背后黑糊糊一大片，怪不得开会
 的时候，那么多人“赏识”咱这身行头呢。// *Я поспешино снял с себя наряд и – о*
боже – на спине был огромный чёрный кусок, неудивительно, что столько
людей «хвалили» наш реквизит (газ. «Вечерний Пекин», 28.12.1992) [9].

Таким образом, получается, что в китайском выражении объединяются
 значения, связанные с сопоставлением открывающегося говорящему реаль-
 ного положения дел (отсюда элемент миратива) с его более ранними убеж-
 дениями, предположениями или предчувствиями. Связующим звеном меж-
 ду японскими аналогами становится архаизирующееся значение *hatashite* –
 единицы, разившей такой новый тип употребления в вопросительных кон-
 текстах, какой остаётся нехарактерным для китайского «родственника».

4. Параметр возможности «перешагивать» через границы иллокутивных
 типов высказываний составляет один из критериев различения между еди-
 ницами, образующими сетку эквивалентно-синонимических связей вокруг
 лексемы **究竟** *jiūjīng*. В словаре у неё прежде всего выделяется вопроси-
 тельный контекст употребления. В комментарии подчёркивается особая
 природа вопроса, связанная со стремлением говорящего докопаться до ис-
 тины. Этот тезис, ктати, подтверждается и неупотребительностью слова с
 показателем «истинного вопроса» (несведующий спрашивает у информиро-
 ванного) *吗ma*, то есть ограничение узуса только теми вопросами, которые

предполагают совместный поиск истины коммуникантами (даже не владея информацией, говорящий не просто осведомляется, а предлагает разобраться в проблеме). Крайний случай среди таких вопросов являют собой риторические, к каким относится пример употребления в источнике:

当前世界上究竟谁怕谁？// *Да кто в этом мире кого вообще боится?! [8, с. 274].*

Примечательно, однако, что предложенный автором основной вариант перевода 結局 *kekkyoku* (ср. рус. *в конечном счёте*) не используется ни в одном из примеров. Его заменяет набор эквивалентов из числа выражений, хотя и близких с точки зрения вхождения в единый класс маркеров логической разметки рассуждения, но сигнализирующих для адресата высказывания различные тактики говорящего:

究竟这意味着什么呢？// *そもそもこれは何を意味するか。// Что же это вообще значит/каков изначально смысл этого? (somosomo – говорящий возвращается к исходным посылкам ситуации до того, как на них наскопились аргументы сторон, ср. англ. *in the first place*) [6].*

究竟是谁错了呢？// *つまり誰が間違ったのですか。// Так чья же в итоге это была ошибка? (tsumari – говорящий предлагает перейти сразу к выводу, минуя возможные промежуточные стадии дискуссии) [6].*

今天的晚会你究竟参加不参加？// *今夜のパーティにきみは一体出るとか出ないのか。// Так ты всё-таки пойдёшь на вечеринку сегодня или нет? [6] (ittai – говорящий добивается получения информации несмотря на помехи [4]).*

В переводе случаев употребления в невопросительных контекстах прослеживается то же разнообразие средств уточнения интенции говорящего, которую можно суммировать как определённый радикализм в стремлении «прыгнуть» сразу к обобщениям, переступая через попутные соображения:

他究竟是孩子，犯一些错误也是免的。// *あの子はなんといつても子供だから、少々のミスは避けられない。// Он же всё-таки ребёнок, не страшно, если и ошибётся кое-где [6]. (nantoittemo – досл. *что ни говори*, говорящий заранее объявляет свой тезис окончательным, все контраргументы остаются за скобками, отмечаемые конструкцией уступительности);*

究竟是人多力量大，大家一起干，半天就把这块地种完了。// *さすが大勢だと違うもので、みんなが一緒になってやったら、半日でこの畑の植付けを植えてしまった。// Конечно, большему числу работников спра-*

виться с задачей легче, мы как взялись – так за полдня всё и засеяли [6] (*sasuga* – аргумент объявляется естественным, соответствующим как фоновым знаниям говорящего, так и релевантной всеобщей установке [2]).

Как видим, одно наречие в китайском «стягивает» на себя различные модификации риторической позы говорящего, стремящегося обойти детальную аргументацию, «разрубив» её окончательным суждением. Все они получают своё отражение в японском, но одного такого слова, похоже, в нём не находится (здесь напрашивается аналогия с русским *вообще*, попытки перевода которого на японский кальками из «нижнего» уровня корневых соответствий типа *ippanteki-ni* всегда оканчиваются коммуникативной неудачей). Более того, лексемы, служащие вариантами перевода, относятся к разным классам: *ittai* ограничено вопросительными контекстами, *sasuga* и *nantoittemo*, в свою очередь, не могут быть употреблены в вопросе). Можно взглянуть на проблему и с другой стороны: а возможна ли тонкая дифференциация речевых тактик говорящего, отражаемая в синонимическом ряду японских эквивалентов, с помощью речевых инструментов китайского языка? Ответа на этот вопрос потребует углублённых сравнительных штудий.

5. Последним предлагается рассмотреть наречие-редубликат 偏偏 *pīānpīān*. В его трактовке и бумажный, и онлайн-словари дают одинаковый набор трёх типов значений. Во-первых, слово указывает на то, что действие осознанно осуществляется волевым субъектом вопреки объективным требованиям или ситуации, см. пример из источника:

明明当时给我修好，可他偏偏不给我修。// Ясно, что ему надо было починить мне [машинку] ещё тогда, но он специально не стал [8, с. 272].

Из предлагаемых японских эквивалентов два – *wazato* и *iji-demo* – подерживают сему отрицательного отношения говорящего к действию (более сильную во втором случае, где действие осуществляется не просто *нарочно*, а из принципа, из вредности). В *akumade* (а также *aete*, не названном у авторов) осуждение претерпевает прагматическую трансформацию, превращаясь в «извиняющийся» фон для оправдания действия (как правило, субъекта, совпадающего с самим говорящим).

经过大家讨论，问题都解决了，他偏偏还要钻牛角尖。// みんなで討論した結果、問題はすげえ解決を見たのに、彼はわざと瑣末なことをあげつらおうとする。// Все всё вместе обсудили и все проблемы решили – нет же, он специально придирается к мелочам! [6]. ср. из корпуса о своём действии:

但很多同志还是认为：不，天津市邮局不让寄，我们**偏偏**要从天津寄出去！// *Многие думают так: нет уж, пусть почта в Тяньцзине не хочет принимать отправления, а мы всё равно будем слать посылки оттуда!* (газ. «Чжунго Циннянь» 11.01.1979) [9] (здесь для действия «из вредности» подошло бы японское *iji-de* или *soredemo* – досл. *всё равно*).

Отрицательная коннотация исключена в метатекстовых выражениях типа: 却**偏偏**要说... // *Но всё же нужно сказать...* В японской речевой практике в таких случаях используют *aete* (*aete iu to*, *aete ieba* и т.д.).

Во втором случае речь идёт о произвольном действии (в том числе в отвлечении от интенции субъекта, на которую не представляется возможным повлиять). Обычно оно производится повторно – вопреки ожиданиям или предположениям говорящего (в каком-то смысле как прецедент можно представить и наступление события в воображении говорящего). В словарях два этих перекрещивающихся признака «размазаны» между описательной частью комментария и примерами – в первом отсутствует ссылка на повторность, в переводе вторых нет либо элемента повторности (*oriwarushiku*, *ainiku-na koto-ni*), либо противоречия (*koto-mo aroo-ni*, *yoriniyotte*):

好不容易有一个机会出去玩玩，**偏偏**又赶上上下大雨。// やっと遊びに行く機会ができたのに、**又も**大雨に振られた。// *Мы еле выбрались погулять, и тут как нарочно опять полило.* [6] Ср.:

这些人**偏偏**忘记这句重要的话。// これらの人々はよりによってこの重要な言葉を忘れている。// *Они опять/всё-таки забыли этот важный момент* [6], ср. также в высказывании с упрёком:

你**偏偏**忘记了一个人！// *А ты всё равно забыл этого человека!* (Сюн Хуэйлин «Оставшиеся розы» 1947) [9] Собеседника обвиняют не в нарочно совершённом действии как таковом, но в невнимании к неким уже, видимо, озвученным возражениям. В японском в таких случаях для выражения негативного отношения, по-видимому, оказывается достаточно указания на повторность (*mata*, *matamo*), усиливаемую в случае *yoriniyotte*.

Ср. случай чистой неблагоприятности события, где от смыслового элемента, развивающегося в «повторность», остаётся предыстория ожиданий и надежд в связи с возможностью его избежать:

事情**偏偏**那么发展下去 // *あいにく事はそのように進展していく。* // *И всё же события развивались именно так* [6].

Третье значение *riāpriān*, заявляемое как ограничительное, тоже явно связано с отрицательной оценкой события, а та, в свою очередь, скоррелирована с противоречием ожиданиям:

别的小组头完成了定额, 为什么偏偏咱们没完成? // 他のグループはみなノルマを達成したというのに、どうして俺らに限ってまだなんだい。 // *Все другие группы уже давно выдали норму, почему же одни мы отстаём?* [6]

В примере соединение ограничительного и отрицательно-оценочного значений удачно передано специализированным служебным словом – отглагольным сложным послелогом.

Излишне говорить, что для японского языка, где отсутствует подобный *ripripian* лексический «мост» между описанными значениями, не концептуализированным остаётся и то общее, что объединяет эти значения.

6. Приведённые разрозненные примеры могут показаться нагромождением достаточно случайных несовпадений и смысловых коллизий, однако за ними просматривается устойчивая закономерность. Если в одном языке служебное слово охватывает некоторую область, поддающуюся семантической структуризации, значит, смысловые связи и оппозиции между отдельными элементами этих значений имеют релевантность и для описания иных языков, каким бы разрозненным не был состав эквивалентов, какие локальные, лингвоспецифические маршруты для членения языковой реальности не подсказывали, скажем, посемные соответствия или закономерности употребления. Это происходит в силу возможности универсального описания различных элементов речевых ситуаций, которое и должно быть положено в основу рассмотрения лексики, передающей модусные значения. Во всех единицах этой лексики, пожалуй, острее, чем в других её классах, противопоставляются пласты значения, связанные с формой слова (его этимологией) и с его функцией речи, то есть коммуникативной, дискурсивной установкой. Как можно более широкие межъязыковые сравнения в данном смысле представляют собой колоссальный наличный материал для такой уточняющей и классифицирующей работы, применимый в качестве как отправной точки для возможных интроспекций, так и средства их верифицировать.

Список литературы:

1. Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен. На материале немецкого языка. – М.: URSS 2010. – 190 с.
2. Чиронов С.В. Модальные слова категорической достоверности в японском языке (апостериорная оценка) / С.В.Чиронов // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2016. – № 11. – С. 153-168.
3. Чиронов С.В. Наречия истинностной характеристики: прагматический потенциал (по данным корпуса японского языка) / С.В.Чиронов // Ак-

туальные вопросы современной науки. Сборник научных трудов. Вып. 42. ЦРНС. – Новосибирск, 2015. – С. 197-208.

4. Чиронов С.В. Японские наречия *hatashite* и *ittai* как модификаторы вопроса / С.В.Чиронов // Филологические науки в МГИМО. – 2015. – № 3. – С. 48-73.

5. Weblio 日中辞典・中日辞典 (Японо-китайский и японо-китайский онлайн-словарь) [Электронный ресурс]. – URL: <http://cjjc.weblio.jp/content/> (дата обращения: 25.09.2017).

6. 香坂順一『現代中国語辞典』厚生館 (Дз. Косака. Словарь современного китайского языка. Токио, Косэйкан) 2-е изд. 2001. 1862 р.

7. 森本順子『話し手の主観を表す副詞について』くろしお出版 (Моримото Дз. О наречиях, выражающих субъективную установку говорящего. Токио, Куросио 1994) 169 с.

8. 莫言. 欢乐. 作者出版社, 北京 (Мо Янь. Радость. Пекин, Цзочжэ чубаньшэ) 2012. 466 с.

9. 在线语料库 (Онлайн-корпус китайского языка) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aihanyu.org/9corpus/9Cindex.aspx> (дата обращения: 25.09.2017).

Секция 4

***ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ***

IMPROVING VOCABULARY SKILLS

© Bayarchimeg Ch.¹, Bold L.²

Mongolian University of Life Sciences

A great vocabulary is just one essential tool in a writer's toolbox, along with punctuation, grammar and many others. This indispensable tool will help to choose the best word for every job and avoid vague words that do not give to readers a good sense of meaning. A presentation is typically a demonstration, introduction of lecture or speech meant to inform, persuade. The students' vocabulary and speaking skills were improved by using presentation during the lesson.

Keywords: improving ,writing, internet, messaging.

Introduction

Vocabulary is one of those things that we don't think much about. We don't really consider why we use the words we do which doesn't necessarily imply that we don't care only that the words we use are so natural to us that it doesn't cross our minds to consider why we use them.

The goal of our work was to improve students' the vocabulary through the presentation. Writing is a complex activity, and as students enter the workforce, they will be asked to convey ideas and information in a clear manner. This increase in writing importance as well as the eventual writing skill development will allow the students to graduate with a skill that will benefit them for life.

Learners of English have to deal with unfamiliar vocabulary during their language acquisition. In order to learn and retain new words, learners should participate in different task-based activities in their classroom whether it is a guessing task, a describing exercise or conversation making. Such activities also include vocabulary games which especially focus on helping learners develop and use words in different contexts by making the lessons enjoyable. Therefore, it is necessary to explore whether students learn vocabulary effectively through games and how they learn it. Traditionally, vocabulary has not been a particular subject for students to learn, but has been taught within lessons of speaking, listening, reading and writing. During the lesson, students use their own vocabulary and are

¹ Преподаватель кафедры Иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент.

² Преподаватель кафедры Иностранных языков, магистр.

introduced to new words provided by the teacher and classmates which they apply to classroom activities. For many learners of English, whenever they think of vocabulary, they think of learning a list of new words with meanings in their native language without any real context practice. A number of learners may share the same experience of looking up words in a bilingual dictionary to find their meanings or definitions when they encounter new words. They may even write down lines of new words without any idea of the real use of them in context. Working this way, after a short period of time, many learners may find out that learning vocabulary in lists does not satisfy themselves, and they think the cause for it is just their bad memorization. Research and publications have shown that this is not a very effective way to study.

Furthermore, some other students may require teachers to give meaning and grammatical function for words that they are not familiar. Learners just wait for teachers who control the lesson to provide new forms of words then they write those words in their notebooks or complete their exercises. They may use words they learn in the exact formats as the original patterns in which those words appeared. It is difficult to teach writing without using direct instruction (Walker, Shippen, Alberto, Houchins & Cihak, 2005). Even with direct instruction, writing requires that students draw on many skills at the same time. The student must write, think and compose, while using proper grammar and spelling. Some students are successful writers while others struggle with the written word.

Students have access to resources through email and other communications tools like social network sites and apps for smart phones (Fogg, 2010). Some educators take electronic messaging usage as a more positive trend, and revel in how comfortable today's students are with writing, and how much easier it is for them to get words on a page.

With this said, students have trouble seeing the distinction between formal and informal writing, and consequently use informal message abbreviations in more formal writing situations (Brown-Owens, Eason & Lader, 2003). However, this problem is not unsolvable; students can be taught both to understand what constitutes correct language, and also to know when different types of language are appropriate to use (Helderman, 2003).

The limitations of the study include the selection of the writing prompt topics, since some topics were easier for students to write about. There were only two writing prompts with only six weeks of journaling between them. The study looks specifically at students. It also looks at writing skills as evidenced by a modified rubric including vocabulary word choice. This is significant because it

informs teachers about the use of these tools in education. Teachers have long been using journaling as a tool in writing skill development (Dunlap, 2006). Students no longer make same mistakes, indicating that students can learn the appropriateness of language in different situations. Some educators believe that this type of language misuse is the fault of the students. Obviously there are cases where this is true, as well as cases where it is not. However, regardless of the situation, teachers can work to ensure that students develop a sense of audience when writing.

To tie the advantage of adapting literacy education to the reality that electronic messaging is the dominant mode of written communication in the lives of many undergraduate students, educators can incorporate writing and electronic journals as they may improve students' writing skills. Teachers realize that when students are excited about their writing, they take more care with the final product.

Educators have started to notice the new technologies and explore their effects on student behavior and performance. While there is supporting evidence to suggest that these technologies have a large influence on the social development of adolescents, an even more pertinent issue for classroom teachers is what effects these technologies have on the academic development of young people (Fogg, 2010).

Before the advent of computers and typewriters, handwriting was the only way to communicate with the written word. The options are different now than when writing was first taught. Sending messages through emails or mobile devices are used to communicate with the written word. As people become skilled at word processing, handwriting is devolving out of the picture.

Survey

The survey in increasing vocabulary was conducted among the students in freshman year of our university, and it shows the following: 80 % of the students said that this kind of task is much more interesting; 60 % of them believe that presentations help them to learn English effectively.

352 students in 2013-2014 academic year, 127 students in the 2013-2014 academic year, 470 students in the 2015-2016 academic year, 500 students in the 2015-2016 academic year, 300 students in the 2015-2016 academic year, total of 1749 students attended English classes and were presented presentations by using self-evaluated the method. This method provides a chance to students to evaluate themselves after presentation by watching recorded video during their speech.

First week shows the start and end of the previous semester, video and speech. For the first, fifth, sixteenth weeks, record video and showing them speech. This method has given good results to improve the speech of students of an economic background. We use the presentation criteria that are used in Taiwanese Universities. The teachers should evaluate the students on the following points:

Preparation for the given subject, the teachers, the students come up with a title, make paintings, photos. Students can use keywords. It is necessary to avoid the use of long sentences. Given the tasks to make a presentation one slide in the amount of 5-10 sentences.

Thus, we can conclude that the presentation accelerate the learning process; contribute to a sharp increase in student interest in the subject; It improves the quality of learning material; allow to individualize the learning process; allow to avoid subjective evaluation.

As practice shows, possessing basic computer literacy, the teacher is able to create original educational materials that captivate, motivate and orient students on successful results in PowerPoint computer program.

The purpose of the presentation of the lesson can be:

- updating knowledge;
- support the teacher's explanation of new material;
- the initial consolidation of knowledge;
- generalization and systematization of knowledge.

Through personal experience during our study, we discovered that many of our students became discouraged because they believed that they were not making progress in their vocabulary learning journey due to the fact that they constantly compared themselves to native English speakers. Instead, teachers should focus on determining the major concepts and processes in the English for Academic Purposes curriculum that students must know.

Thirty students were given a pretest writing assessment and then were given writing prompts every day for six weeks for a total of 30 prompts. At the end of the six-week period, the students were given a posttest writing assessment. The pre-test and post-test topics are similar in terms of level of difficulty and interest. These two writing assessments were coded and then scored by assessors. The results signify that writing in a journal for an extended period of time may foster growth in these writing skills.

Teachers should know that this method can help students to develop writing skills. In addition, if a teacher is trying to encourage students to develop their own word choice in their writing, this study models an effective method.

Conclusion

Internet is a tool that significantly helps students develop their vocabulary in their writing. Instructors could spot students that need work in improving the specific skills vocabulary and incorporate electronic dialogue into an individualized assignment for them to help improve those skills.

In light of the results of this study, university instructors need to be aware that electronic dialogue methodology could be an effective method of helping their students to improve their writing scores. English language instructors in Mongolia need to be made aware of the implications of this study because it will give them options in teaching their students to write.

Moreover, as this was a short term study, there is a need for a longitudinal study looking at the development of writing skills over a longer period of time, following students for at least one year but possibly four years, while they complete undergraduate level coursework.

References:

1. Adger, C.T. (2002). What teachers need to know about language. McHenry, IL: Center for Applied Linguistics. Celce-Murcia and Larsen-Freeman, D. (1999).
2. Alseweed, M. A. (2005). Overcoming unknown words. *Journal of Educational and Psychological Sciences*, 6 (1), 5-37.
3. Ardilla, A. (2004). There is not any specific brain area for writing: cave-paintings to computers. *International Journal of Psychology* 39, 61-67.
4. Brown-Owens, A., Eason, M., & Lader, A. (2003). What effect does Computer-Mediated Communication , specifically Instant Messaging, have on 8th grade writing competencies? Retrieved March 14, Pramoolsook & Qian
5. Fifty strategies for teaching English language learners. An ESL teacher's tool kit. 2nd ed. Winnipeg, Canada. Penguin Publishers. Taylor, L. (1990).
6. Three dimensions of vocabulary development. Cambridge University Press. Herrel. A.L. (2004).
7. Fogg, P. (2010). The 24-7 professor – what to do when home is just another word for the office. *Chronicle of Higher Education* 54 (21), B12.
8. Glass, R. & Spiegelman, M. (2008). Making their space a learning space. *Journal of Educational Technology Systems* 36, 145-155.
9. Walker, B., Shippen, M.E., Alberto, P., Houchins, D.E., Cihak, D.F. (2005). Using the expressive writing program to improve the writing skills of high school students. *Learning Research and Practice* 20, 175-183.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ НАВЫКА ГОВОРЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© Борисова Э.О.¹

Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас

Говорение на английском языке является одним из важных навыков необходимых для успешной коммуникации. Многие учащиеся находят говорение сложным процессом, для выражения своих чувств, мыслей и эмоций. Они перестают говорить, потому что сталкиваются с психологическими препятствиями или не могут найти подходящих слов и выражений. Современный мир средств массовой информации и массовой коммуникации требует хороших разговорных умений на английском языке. Цель данной статьи – обоснование необходимости сосредоточения внимания на факторах, влияющих на изучение английского языка на уроках. Статья раскрывает содержание понятия говорения, его важность, проблемы и характеристики, влияющие на развитие навыка говорения на уроках английского языка. Возможность общаться на английском языке является приоритетом для изучающих иностранный язык. Данная статья может быть полезна для учителей и учеников, желающих повысить разговорную активность в классе.

Ключевые слова: говорение, развитие навыков, мотивация, характеристика говорения, английский язык, психология, методика обучения.

Speaking is one of the most important skills to be developed and enhanced as means of effective communication. Speaking skill is regarded one of the most difficult aspects of language learning. Many language learners find it difficult to express themselves in spoken language. They are generally facing problems to use the foreign language to express their thoughts effectively. They stop talking because they face psychological obstacles or cannot find the suitable words and expressions. The modern world of media and mass communication requires good knowledge of spoken English. This paper aims at establishing the need to focus on the factors affecting on language learners' English speaking skill. This review paper traces out the body of research concerning the term speaking, the importance of speaking, characteristics of speaking performance, speaking problems, and factors affecting speaking performance. According to the review of literature, appropriate speaking instruction was found to be the learners' priority and a field in which they need more attention. This study can be useful to teachers and re-

¹ Студент.

searchers to consider their language learners' speaking needs in English language teaching and learning context.

Keywords: speaking, importance, characteristics, problems, factors.

Для учеников, изучающих английский язык, навык говорения является одним из самых важных навыков, потому что говорение является показателем того, каким уровнем владения языком обладает ученик. Учителя английского языка используют много разных подходов, позволяющих улучшить навык говорения учеников, создают на уроках ситуации для взаимодействия в группах.

Общение – это сложный процесс. Люди вынуждены общаться, если они хотят передать или получить информацию о чем-либо, поэтому общение требует быть не только говорящим, но и слушателем.

Говорение очень важно для изучения второго языка. Несмотря на его важность, очень часто в школах учителя упускают этот момент, отдавая предпочтение изучению грамматики. Учителя английского языка часто убирают говорение из контрольных и проверочных работ, объясняя это тем, что не могут объективно оценить учащихся.

Говорение является более важным навыком, чем слушание, письмо и чтение, потому что люди, изучающие английский язык, относятся к носителям языка. Главной целью учителей должна быть возможность учеников общаться на английском языке. Тем не менее, многие ученики не способны общаться свободно на языке, так как не имеют достаточно навыка в этой сфере.

Существуют проблемы, связанные с говорением на уроках английского языка, которые учителя должны помочь ученикам преодолеть. К таким проблемам относятся недостаток лексических знаний, пассивность на уроке, смущение перед одноклассниками, использование родного языка на уроках английского языка.

Первая проблема – это смущение перед одноклассниками. Иногда ученики желают выразить свое мнение на иностранном языке, но боятся быть осужденными.

Другая проблема – пассивность на уроке. Ученики часто объясняют это тем, что они не смогли найти нужные мысли по поводу ситуации на уроке и не смогли выразить свое мнение. На самом деле это явление происходит из-за низкой мотивации. Бывают случаи, ко-

гда ученики не могут высказаться по теме из-за недостатка знания лексики и информации по теме.

Еще одна проблема, существующая на уроках иностранного языка – недостаток времени. Учитель не всегда успевает дать шанс каждому из учеников выступить с речью.

Последняя проблема – использование родного языка на уроках английского языка. Ученики пытаются объяснить словами на родном языке, потому что это легче для них. Существует несколько причин, почему ученики используют родной язык на уроках английского языка. Первая причина – недостаток знаний лексики по теме, в результате чего ученики начинают выражать свое мнение с помощью родного языка.

Вторая причина – привычка использовать родной язык на уроках иностранного языка. Если учитель не делает замечаний по поводу использования родного языка, ученики начинают автоматически его использовать в различных ситуациях на уроках иностранного языка.

Третья причина – использование родного языка на уроке самим учителем. Когда ученики видят, как учитель английского языка использует русскую речь на уроках, они чувствуют себя уверенно, делая то же самое.

Если учителя хотят помочь ученикам преодолеть трудности в говорении на уроках английского языка, они должны понимать факторы, влияющие на развитие навыка говорения.

Первый фактор – отношение к условиям работы. Учащиеся осуществляют речевую деятельность при различных условиях, влияющих на производительность речи. К таким условиям относится лимит времени, планирование, качество выступления, поддержка.

Умение слушать – второй фактор, влияющий на развитие навыка говорения. Ученики не могут развивать свои разговорные способности, если они не развивают способность слушать. Для успешного разговора учащиеся должны понимать, что им говорят. Можно сделать вывод, что ученики не могут ответить, если не поняли, о чем их спросили, так как речь очень тесно связана с прослушиванием.

Актуальные знания – следующий фактор. Актуальные знания – это знания докладчиков по соответствующей теме. Такие знания позволяют высказаться учащимся в любой речевой ситуации на уроках английского языка.

Четвертый фактор связан с обратной связью во время выступлений. Многие ученики ожидают, что учитель даст им необходимую обратную связь во время своих ораторских выступлений. Многие ученые-лингвисты считают, что исправление ошибок во время выступления приводят к понижению мотивации, боязни говорить, а так же поток диалога и цель говорящего будут испорчены. Поэтому учителя должны исправлять учеников без критики и давать как можно больше поддержки.

Разговорные навыки говорящих зависят от фонологии, синтаксиса, лексики, семантики и психологических факторов, как мотивация. Грамматическая компетентность может помочь докладчикам правильно применять и правильно воспринимать структуру английского языка, что приводит к их беглости.

Мотивация может влиять и зависеть от компонентов изучения языка. Если учащиеся недружелюбно относятся к языку, они не будут иметь никакого существенного улучшения в развитии различных навыков владения иностранным языком. Одной коммуникативной компетенции недостаточно для учащихся, чтобы улучшить свои навыки говорения. Без позитивного отношения к иностранному языку производительность речевой деятельности будет значительно снижена.

Страх говорить по-английски имеет отношение к некоторым особенностям личности, как тревога, торможение. Говорить на иностранном языке иногда приводит к тревоге учащихся. Иногда крайняя тревога может привести к унынию и отказу учащихся в участии беседы. Ошибки – это естественный процесс изучения языка, он, безусловно, задевает эго учащихся. Это явление иногда приводит к отказу учащихся говорить по-английски. Вместо чего они начинают молчать, а не подвергаться критике перед большим количеством. Учащиеся, которые имеют низкую самооценку, как правило, прекращают принимать риск совершения ошибок в разговорной ситуации, что приводит к торможению в развитии разговорной деятельности.

Таким образом, мы рассмотрели факторы, влияющие на развитие навыка говорения на уроках английского языка. Результаты данной работы показали, что учащиеся с низкой самооценкой владеют более высоким уровнем тревоги, а низкая мотивация ведет к серьезным трудностям в говорении, несмотря на наличие лингвистических знаний. В статье показано, что ученики, имеющие более высокую мотивацию и меньшую тревогу, могут говорить легко и эффективно. Студенты должны иметь дружескую и совмест-

ную атмосферу в классе, которая может помочь им преодолеть свои трудности в устном выступлении. Основываясь на обзоре литературы, преподаватели должны понимать интересы своих учеников и чувства, повышать уверенность в себе своих учащихся, и выбрать лучший метод обучения, чтобы сохранить своих учащихся в процессе речевой деятельности. Преподаватели должны хвалить своих учеников, говорящих по-английски, строить дружеские отношения со своими учениками, чтобы они чувствовали себя очень счастливыми в классе и имели чувство огромного энтузиазма и стремления к изучению английского языка. Учителя должны давать своим ученикам достаточно времени для того, чтобы развить их навык говорения, помочь преодолеть свою робость, дать им истинные инструкции. Кроме того, учителя должны знать, когда и как исправить ошибки своих учеников, чтобы они не боялись делать ошибки.

Список литературы:

1. Latha, B.M. (2012). Teaching English as a Second Language: Factors Affecting Learning Speaking Skills. *International Journal of Engineering Research & Technology (IJERT)*, 1 (7), 1-6.
2. Mahripah, S. (2014). Exploring Factors Affecting EFL Learners' Speaking Performance: from Theories into Practices. *Proceedings of the 3rd UAD TEFL International Conference 2014 "Materials Development in Asia and Beyond: Directions, Issues, and Challenges."* English Education Department, Universitas Ahmad Dahlan, Yogyakarta, Indonesia.
3. Mazouzi, S. (2013). Analysis of Some Factors Affecting Learners' Oral Performance. A Case Study: 3rd Year Pupils of Mena'a's Middle Schools. M. A. Dissertation, Department of Foreign Languages, English Division, Faculty of Letters and Languages, Mohamed Khider University of Biskra, People's Democratic Republic of Algeria.
4. Ариян М.А. Ключевые компетенции в процессе обучения иностранному языку // *Иностранные языки в школе*. – М.: Просвещение, 2016. – № 6. – С. 28-31.
5. Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность // *Иностранные языки в школе*. – 2015. – № 1. – 7 с.
6. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. – М.: Просвещение, 2016. – 224 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАЗАЧЬИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ

© Хитарова Е.Г.¹

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В данном исследовании внимание уделено пословицам и поговоркам, связанным с законом и правом, так как судопроизводство и законодательство во все времена играет важную роль в жизни человека. Материалом послужили паремии на русском и английском языках. Актуальность исследования обусловлена повышенным и справедливым вниманием к казачеству в настоящее время. Цель – выяснить являются ли казачьи пословицы при их анализе и сравнении с пословицами на английском языке дискурсивными формулами; уяснить их лингвокультурологическую специфику.

Ключевые слова: пословица, духовность, закон, лингвокультурологическая специфика, дискурсивная формула, казачество.

Предками данная мудрость народная.

(из Государственного гимна Российской Федерации)

Кубань – регион с богатой историей, огромным экономическим потенциалом, обладающий отличными рекреационными возможностями. Здесь чтят традиции, с уважением относятся к казачеству как к очень ценному зерну, которое даёт благоприятные всходы в различных сферах жизни. Казачья культура неотъемлема от жизни современного кубанца. В регионе осознанно переплетаются современные и установившиеся формы миропонимания. Традиционная культура является базисом для будущего развития. Своеобразное смешение «старого» и «нового» является необходимым фактором развития региона в традиционном русле. Кубанское казачье войско, Кубанский казачий хор, казачьи классы в школах и кадетские корпуса – это действующие институты сохранения и приумножения традиций предков, живших на нашей земле. На территории Краснодарского края находятся казачьи общества Кубанского войскового казачьего общества – хуторские,

¹ Доцент кафедры Английской филологии, кандидат филологических наук.

станичные, районные, городские, внесённые в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена повышенным и справедливым вниманием к казачеству в настоящее время. Кубань всегда представляет интерес для исследователей в разных сферах – социологической, правовой, лингвистической, культурологической, исторической, так как казачество – это особая сословие, общность.

Немаловажным фактором сохранения обычаев и устоев являются традиционные производственные технологии – например, ткачество, изготовление изделий из глины, народное творчество, а также фольклор. В фольклоре обычно ярко отражен эмоциональный фон человека, счастливый и горестный, поучающий и кающийся, романтический и энергичный.

Цель статьи – провести анализ и сравнить пословицы на английском и русском языках, а конкретно, казачьи пословицы, обнаружить общее и различное с учётом культурологического компонента – кубанского, а также выяснить, являются ли казачьи пословицы и пословицы на английском языке дискурсивными формулами; выявить их лингвокультурологическую специфику. Пословицы и поговорки тематически связаны с законом и правом, так как судопроизводство и законодательство во все времена играло важную роль в жизни человека. Материалом послужили паремии на русском и английском языке.

В словаре В. Даля приводится такое определение пословицы: «краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа. Обладает способностью к многозначному употреблению по принципу аналогии. Предмет высказывания рассматривается в свете общепризнанной истины, выраженной пословицей. Отсюда её идейно-эмоциональная характеристность. Композиционное членение суждения в пословице, часто подкрепляемое ритмом, рифмой, ассонансами, аллитерациями, совпадает с синтаксическим» [2].

Словарь Merriam-Webster предлагает такую дефиницию: “a brief popular epigram or maxim” (краткая популярная эпиграмма или изречение. (здесь и далее перевод – Е. Хитарова) [5]. В словаре Collins приводится такое определение: “A proverb is a short sentence that people often quote, which gives advice or tells you something about life” (пословица – короткое предложение, часто цитируемое, которое даёт совет или рассказывает о жизни [6].

Материалом для статьи послужили словарь В. Даля, сборники кубанских пословиц, словарь пословиц и поговорок на английском языке, интернет-словари. Было обработано около 1000 кубанских пословиц, около 2000

пословиц на английском и русском языках. В данной статье рассматриваются пословицы, связанные с юридическими аспектами, понятиями – суд, правда, проступок, вор, честь; тематически разделены на несколько разделов.

1. Раздел посвящен пословицам, связанным с назиданием, поучениями, желанием передать мудрость и знания мира: Брать чужэ – тирять свое. «Держи правду по наряду!», «Держи суд по закону», «A quiet conscience sleeps in thunder. С чистой совестью и в грозу спится. У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится», «A guilty conscience needs no accuser. Нечистой совести обвинитель не нужен. Нечистая совесть спать не дает. Совесть без зубов, а грызет. Совесть не волк, а ест поедом. Грех несет в себе и наказание», «A liar is not believed when he speaks the truth. Лжецу не верят, даже когда он правду говорит. Раз солгал – навек лгуном стал. Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят. Лживый хоть правду скажет, никто не поверит», «He that one deceives is ever suspected. Кто раз обманет, того век подозревают. Кто сегодня обманет, тому завтра не поверят. Совершь – не помрешь, да вперед не поверят», «The receiver is as bad as the thief. Скупщик краденного все равно, что вор. Вору потакать – все равно, что воровать».

2. Данный раздел поучает судей, учит их справедливости: «Умная голова, суди Божьи дела!», «Не зная дела, не суди», «Суди по правде», «Судье судить попряму», «Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся», «Судья праведный – ограда камня», «A lawyer never goes to law himself. Сам юрист никогда в суд не обращается. Умный в суд не ходит».

3. Неотвратимость наказания – Вор воруе до поры до врэмни.

4. Указание на отсутствие совести у вора и лжеца. – Брэшэ и ногой не загрибае, Брэшэ и нэ моргае Брэшэ, як та собака.

5. Истина превыше всего – Всэ мэнэться, а правда остається. Дэ правда, там и щастя. За правду стий горой. По правде и сила.

6. Честь казака – Нэ давши слова, крэп ись, а давши дэржись A good name is better than riches A good name keeps its luster in the dark.

7. Оправдание воровства и преступлений, хитрость – Нэ украдэш, нэ прожэвэш, Чий берег, того и рыба, Чужими руками жар загребать, Дуракам закон не писан – «Necessity needs no law. Нужда закона не знает, а через шагает. Нужда свой закон пишет», «The cat shuts its eyes when stealing the cream. Воруя сметану, кошка закрывает глаза. То есть людям свойственно закрывать глаза на свои прегрешения».

8. Участие в судебных тяжбах иной раз приносит не выгоду, а потери: За малэ судыться, бильш потирыеш, «За малое судиться – большое прило-

жить», «Пропадай собака и с лыком – лишь бы не судиться», «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом», «Не судись: лапоть дороже сапога станет», «Тяжбу завел – стал гол как сокол», «Тяжбу завел – стал как бубен гол», «Досудились, что оба оголели». Чужое добро впрок не пойдёт, Вор ворует до поры до времени, Воровать не торговать – больше убытки, чем прибыли.

9. Духовная польза от правды, привлечение внимания к категории чести, кубанский вариант пословицы – У кого честь, у того и правда. Не давши слова крепись, а давши – держись. «He that spares the bad injures the good. Тот, кто щадит плохих, причиняет вред хорошим. Вора миловать – доброго губить. Доброго почитай, злого не жалей. От поблажки и воры плодятся», «A clean hand wants no washing. Чистую руку мыть не нужно. Правда милости не ищет. Правду красить нет нужды. Правда сама себя очистит», «A good anvil does not fear the hammer. Хорошая наковальня молота не боится» Даговор дороже денег.

10. Указание на некую разборчивость воров – Плоху скотыну вор нэ крадэ, Крадэнэ дорожэ куплэнного, Багатому нэ спытсыя, вин вора боится.

11. Неоднозначная трактовка законов. Кубанский вариант – Закон дышло: куды повэрнув – туды й выйшло, Едут как на суд, «Где закон, там и обида», «Кто правого винит, тот сам себя язвит», «На деле прав, а на бумаге виноват», «В суд пойдешь – правды не найдешь», «Laws catch flies, but let hornets go free. Законы ловят мух, а шершней отпускают. Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. Алтынного вора вешают, полтинного чествуют», «One law for the rich, and another for the poor. Для богатых один закон, а для бедных другой. Закон, что конь: куда захочешь, туда поворотишь», «Little thieves are hanged, but great ones escape. Воришек вешают, а крупные воры остаются безнаказанными. Что вора́м с рук сходит, за то воришек бьют».

12. Данный раздел указывает на искушение и неправомерный соблазн украсть – Кто поздно начал красть, старается вкрасть побильше – «An open door may tempt a saint. Открытая дверь и святого в искушение введет. Не клади, вора в грех не вводи», «Opportunity makes the thief. Вора создает случай».

13. На превосходство закона Божьего указывают данные пословицы, а также призывают к совести: Нэ чоловичым умом, а Божьим судом. Одын гришыть, а уси молятьсыя. Пovyнытьсыя, шо Богу помолытьсыя. Бог не без милости, казак не без счастья, Прежде не хвались, а Богу помолись. A fault confessed is half redressed – признанная вина наполовину искуплена. Повинную голову меч не сечет. За признание – половина наказания».

14. Стыд, совесть, раскаяние. У обеих народностей эти аспекты схожи: «Повинился, да не отмолился», «Греха не утаишь», «В чем грех, в том и покаяние», «Confession is the first step to repentance. Признание – первый шаг к раскаянию. Кто сознался, тот покался. Признание – сестра покаяния. Повинную голову меч не сечет», «Repentance is good, but innocence is better. Покаяться хорошо, но лучше не грешить», «He that has great nose thinks everybody is speaking of it. Кубанский вариант – На вори шапка горьить », «He that commits a fault thinks everyone speaks of it. Тому, кто что-то натворит, кажется, что всяк об этом говорит», «The cap fits. Шапка подходит. Не в бровь, а в глаз», «Murder will out. Убийство раскроется. Шила в мешке не утаишь».

15. Данная пословица в шуточной форме отражает удивление, недоумение с рассматриваемыми концептами – Ворив нэ було, а батька вкралы. Свидетельствует о том, что с юмором легче воспринимаются невзгоды жизни, а конкретно, казачьей судьбы, полной военных опасностей.

Думается, что совпадая чаще всего по смыслу, рассматриваемые пословицы обладают амбивалентной природой, несут в себе общий заряд миропонимания и на английском, и на русском языках, так как проблемы в сферах закона и права, правды и справедливости всегда тревожат человека, заставляют его отражать свои переживания в фольклорном творчестве. Казачьи пословицы обладают поучительным характером, дают наставления молодому поколению жить в ладу с совестью и не совершать бесчестные поступки. Пословица украшает речь, делает её более яркой, ёмко отражает смысл сказанного. А казачья пословица, включённая в речь живущего на Кубани, делает её ещё более колоритной, яркой, более конкретно несущей смысл сказанного. Казачьи пословицы произносятся на особом диалекте. Таким образом, пословица Кубани и в устной речи воспринимается по-особому специфично с положительной коннотацией. Следовательно, можно сделать вывод, что анализируемые пословицы могут являться дискурсивными формулами.

Список литературы:

1. Английские пословицы и поговорки (на английском языке). – М.: «Высшая школа», 1971
2. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в трех томах. – М.: «Русская книга», 1993.
3. Ткаченко П. Кубанский лад. – Краснодар: «Традиция», 2014.

4. Ткаченко П. Кубанские пословицы и поговорки. – Краснодар: «Традиция», 2008.
5. Merriam-webster.com [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.12.2016).
6. collinsdictionary.com/dictionary/english/proverb [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.12.2016).

Секция 5

***ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ
И КУЛЬТУР НАРОДОВ МИРА***

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ

© Баярчимэг Ч.¹, *Tungalag Kh.*²

Монгольский Аграрный Университет, Монголия, г. Улан-Батор

Языковая практика свидетельствует, что язык не является механическим придатком какой-либо культуры, поскольку в этом случае потенциал языка ограничивался бы рамками только одной культуры и язык не мог бы использоваться в межкультурном общении. В действительности одним из ведущих свойств языка является его универсальность, позволяющая человеку использовать язык в качестве средства общения во всех потенциально возможных ситуациях коммуникации, в том числе по отношению к другим культурам. Знание иностранного языка является ключом к культуре другого народа, говорящего на этом языке. Язык есть не только средство общения и выражения мысли, но и аккумуляция ценностей культуры. В языке отражается опыт народа, его история, материальная и духовная культура.

Ключевые слова: двойная программа, возможности, языковая практика, интерактивные мероприятия.

Для многих монголов русский язык и русская культура является мостом для формированием того или иного взгляда на мир. Известно всем, что в социалистический период все кто стремились освоивать высшее образование изучали русский язык. В институтах и университетах все предметы изучались на русском языке. Студенты тех времён ещё изучали русскую литературу через которую они познакомились и с русской культурой. В переходный период от одного социального строя к другую, изучение русского языка остановилось некоторое время. В последнее время интерес к русскому языку возрос и в стране подобные начинания много. Язык выступает основным средством общения людей. В равной мере язык делает возможным знакомство с другими культурами.

Культура передается посредством языка, способность к которому отличает человека от всех других существ. Благодаря языку возможна культура

¹ Кафедра Гуманитарных наук, доктор педагогических наук.

² Преподаватель кафедры Гуманитарных наук.

как накопление и аккумуляция знаний, а также их передача из прошлого в будущее. Поэтому человек в отличие от животных не начинает заново свое развитие в каждом следующем поколении. Если бы он не обладал никакими навыками и умениями, его поведение регулировалась бы инстинктами, а сам он практически не выделялся из среды других животных. Можно утверждать, что язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие её существования.

В Монголии в настоящее время насчитывается более 30 тысяч носителей русского языка и русской культуры. Во многих монгольских семьях, в которых родители являются выпускниками советских и российских учебных заведений, по-прежнему придают большое значение полученному раньше образованию и считают необходимым для своих детей знание русского языка. Родители до сих пор употребляют и предпочитают посмотреть каналы российского телевидения и использовать товары российского производства.

Система образования России, по-прежнему сохраняет в Монголии свои передовые позиции. Российские вузы отличаются высоким научным потенциалом, качественно и на высоком уровне проводят различные исследовательские работы. Нашим монгольским ребятам легко принимать и усваивать методы преподавания российских вузов. Поэтому в последнее время вновь возобновляется интерес к получению образования в российских учебных заведениях, все большая часть монгольской молодежи делает выбор в его пользу. Российская сторона подтвердила возможность рассмотрения вопроса об увеличении данной квоты в случае соответствующего обращения Монголии, в том числе по специальностям в области транспорта и транспортного строительства, легкой промышленности, агропромышленного комплекса, земельных отношений, горной промышленности, внешнеэкономических отношений и др. В настоящее время в российских вузах по государственной линии (в соответствии с межправительственным соглашениям их обучение оплачивает российская сторона) проходят обучение более 2 тыс. монгольских студентов, по крайней мере столько же поступили на платной основе (на средства разных организаций и на собственные средства). Тем не менее поехать учиться в Россию в настоящее время могут далеко не все желающие вследствие жизни.

В настоящее время Монгольский аграрный университет осуществляет совместную двойную программу вместе с университетами городов Улан-Удэ, Иркутск и Новосибирск, а также с университетами Корея и Китая.

Двойная программа осуществляющийся в этих университетах дают возможности студентам получать дипломы вузов обеих стран. В рамках этой программы студенты сами выбирают подготовительные языковые курсы той страны для дальнейшего обучения. И эти курсы обучаются кроме основной учёбы.

Суть этой программы лежит в основе теорий что каждая локальная культура формируется в специфических исторических и природных условиях, создаст свою картину мира, свой образ человека и свой язык общения. Каждая культура имеет свою мимему, с помощью которой её носители общаются друге другом, однако не только в этом заключается назначение и роль языка в культуре. Вне языка культура просто невозможно, поскольку язык образует те фундамент, те внутренний базис. Посредством языка люди передают и фиксируют символы, нормы, обычаи, передают информацию, научные знания и модели поведения, верования, идеи, чувства, ценности, установки. Так происходит социализация, которая выражается в усвоении культурных норм и освоении социальных ролей, без которых человек не может жить в обществе. Благодаря языку в обществе достигаются согласованность, гармония и стабильность.

В связи с этим, для нас преподавателей Монгольского аграрного университета очень важно формировать мотивацию у студентов изучать иностранный язык, тем более, русский, потому что иностранный язык – непрофилирующий, следовательно, изначально не представляет особого интереса для изучения. Прежде всего, преподаватель должен чётко представлять себе роль и место иностранного языка в жизни и деятельности будущего профессионала. Во вторых, задача преподавателя помочь студентам стать активными участниками процесса обучения и сформировать у них потребность в постоянном поиске. Стоит отметить, что в современном обществе роль преподавателя предусматривает более высокие уровни консультирования и мотивирования студентов.

Повышению интереса к изучению русского языка способствует использование страноведческой информации. Сегодня интернет открывает широкие возможности для знакомства с иноязычной культурой. Задача преподавателя не только тщательно отобрать страноведческий материал, соответствующий потребностям, интересам и эмоциям студентов, а также организовать самостоятельную работу студентов по поиску и отбору информации. На занятиях по русскому языку преподаватели кафедры используют тексты, фильмы, аудиозаписи страноведческого характера. В кафедре например, ор-

ганизуются много мероприятий для студентов присвоить язык через культуру. Ежегодно в рамках этой работы проводится день русской кухни, просмотр новогодних фильмов, Масленица, посещение музея Г.К. Жукова и Прощальный вечер выпускников.

Организация внеаудиторной деятельности студентов активизирует их самостоятельную работу. Мы не только повышаем интерес студентов к изучению иностранного языка, но развиваем их творческие способности, а также, создаем условия для раскрытия личности учащихся.

Применение интерактивных методов обучения через культуру позволяет создать атмосферу доброжелательности и взаимной поддержки, которая способствует развитию познавательных способностей. В качестве интерактивных форм работы студентов применяются диалоговое общение, работа в малых группах, ролевые игры, микро ситуации, мозговой штурм. Обучение студентов русскому языку как иностранному также ставит перед преподавателями русского языка ряд непростых задач. Это адаптация студентов к иноязычной культуре и формирование интереса к русскому языку. Важным является развитие языковых навыков, необходимых для успешной коммуникации не только в повседневной, но и в профессиональной сфере общения.

Эффективной и продуктивной формой обучения является занятие-спектакль. Использование художественных произведений зарубежной литературы на занятиях иностранного языка совершенствует произносительные навыки студентов, обеспечивает создание коммуникативной, познавательной и эстетической мотивации. Подготовка спектакля – творческая работа, которая способствует выработке навыков языкового общения студентов и раскрытию их индивидуальных творческих способностей.

Музыка это – один из наиболее мощных способов воздействия на чувства и эмоции студентов. Музыка и песня могут оказать неоценимую помощь в изучении иностранного языка. Песня вызывает большой прилив энтузиазма и представляет собой приятный и, в то же время, стимулирующий подход в изучении культуры иноязычных стран. Песни являются средством более прочного усвоения и расширения лексического запаса, т. к. включают новые слова и выражения. В песнях уже знакомая лексика встречается в новом контекстуальном окружении, что помогает ее активизации. В песнях лучше усваиваются и активизируются грамматические конструкции. Песни способствуют совершенствованию навыков произношения. Песни содействуют эстетическому воспитанию учащихся, сплочению коллектива.

Вряд ли стоит доказывать, что самым надежным свидетельством освоения изучаемого языка является способность учащихся вести беседу по конкретной теме. В данном случае целесообразно проводить занятие-интервью. Занятие-интервью – это своеобразный диалог по обмену информацией. На таком занятии, как правило, студенты овладевают определенным количеством частотных клише и пользуются ими в автоматическом режиме. Оптимальное сочетание структурной повторяемости обеспечивает прочность и осмысленность усвоения.

Таким образом, подводя итог проделанной работе, хочется сказать, что формированию познавательной мотивации к изучению иностранного языка способствует использование активных методов обучения: проблемных, исследовательских, игровых и применение ТСО.

Заключение

Один из самых сложных аспектов деятельности преподавателя – это мотивировать студентов. Он также является одним из самых важных. Студенты, которые не мотивированы, не будут эффективно учиться. Они не будут запоминать информацию, они не будут участвовать и некоторые из них могут даже стать дезорганизаторами. Рассмотрев происшедшие изменения в современном обществе и особенности обучения русскому языку, мы готовы сделать выводы о том, как они отражаются в методике преподавания.

В настоящее время формирование познавательной мотивации необходимо, так как это придает деятельности учащихся особый личностный смысл, благодаря чему изучение учебного предмета приобретает для него самостоятельную ценность. В основе познавательной мотивации лежит бескорыстная жажда познания, неудержимое стремление познать все новое и новое. При такой мотивации учащийся с большой легкостью справляется с трудностями.

Список литературы:

1. Антонова А.Ф. Роль педагога в современном обществе [Электронный ресурс].
2. Смолянинова О.Г. Инновационные технологии обучения студентов на основе метода. – 2000.
3. С.Т. What teachers need to know about language. 2002.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

© Чумакаев А.Э.²

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова,
г. Горно-Алтайск

Частицы в алтайском языке являются наименее изученными среди служебных частей речи. В данной работе рассматриваются вопросительные частицы алтайского языка.

Ключевые слова: частицы, грамматика, морфология, типология, алтайский язык, лингвистика.

Сведения о вопросительных частицах представлены в ряде грамматик и монографий по тюркским языкам [1]. Указанные частицы также нашли отражение в работах по алтайскому языку [2]. В русском языкознании вопросительные частицы рассмотрены достаточно подробно [3].

В алтайском языке к вопросительным частицам относятся частицы *БА* (*ба, бе, бо, бө, на, не, но, нө*) ‘ли’, *эмиш не* ‘ли; что ли’, *а?* ‘а?’, *дезен?* ‘же?’ и др. Указанные частицы выражают вопрос. С помощью вопросительных частиц образуются вопросительные предложения: *Аш кечирерин тўргендедер арга бар ба?* (ЭТ, К, 88) ‘Есть ли возможность ускорить переправку зерна?’; *Олор [теректер] алтын жалбырактарын тōгүп, бисти эске алынат не?* (АА, JTJ, 5) ‘Они [тополя], роня свои золотые листья, вспоминают ли нас?’.

Вопросительные частицы в предложении находятся после слова, к которому относятся (постпозиция): *Изү чай ичедеер бе?* – *деп, Лена Шунудаг сурады* (ЛК, MJ, 85) ‘«[Не] выпьете ли горячего чаю?» – спросила Лена у Шуну»; *Тостой өрөкөннин адын сурак жогынан не алган, а?* (ЭТ, К, 46) ‘Кол старика Тостоя без спросу зачем взял, а?’.

Частица *БА* ‘ли’

Частица *БА* ‘ли’ (прописные буквы означают, что начальный согласный и конечный гласный варьируются) обладает морфонологическими вариан-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00259 «Частицы в алтайском языке».

² Руководитель научно-исследовательской группы алтайского языка, кандидат филологических наук.

тами. Вариант с начальным [б] используется после слов, оканчивающихся на гласные и сонорные звуки, с начальным [п] – после слов, оканчивающихся на шумные согласные: *Айса айдуга барарга ба?* (ЭТ, К, 254) ‘Или в ссылку отправиться хочешь (букв. хочешь **ли**)?’; *Кар калыг жааган ба?* (ЛК, МЖ, 300) ‘Снег глубокий выпал (букв. выпал **ли**)?’; *Жылкы кабырып турган кижиге минер ат табылбас па?* (ЭТ, К, 254) ‘Человеку, пасущему лошадей, для езды (букв. для того, чтобы ездить) коня не найдется [что] **ли**?’; *Сен жөн пö?* (ЛК, МЖ, 26) ‘Согласен **ли** ты?’.

Следует отметить, что в переводах на русский частица *ли* может опускаться, т.к. в русском языке вопрос может быть выражен одной интонацией, т.е. без использования указанной частицы.

Варианты с конечным гласным [а] употребляются после слов, в основе которых гласные [а], [у], [ы]: *Канзыраган öштүни кайра сүрер ийде табылар ба?* (ЭТ, К, 73) ‘Найдутся **ли** силы прогнать назад кровожадного врага?’; *Тышкары айас па?* ‘Ясно **ли** на улице?’.

Морфонологические варианты с конечным гласным [е] используются после слов, в основе которых гласные [е], [и], [ү]: *Ада-энег ийди бе?* (ТШ, АЖ, 11) ‘Родители [тебя] отправили (букв. отправили **ли**)?’; *Балдар jakшы үренет пе?* ‘Хорошо **ли** дети учатся?’.

Варианты с конечными [о], [ö] примыкают к словам, в основах которых гласные [о] и [ö] соответственно: *Тарынчак, ол керек чын ла болгон бо, айса кал-калай куучын ба?* (ЭТ, К, 45) ‘Тарынчак, это дело и вправду было (букв. было **ли**) или [это] пустые разговоры (букв. пустой разговор **ли**)?’; *Ол жуунда болор бо?* ‘Будет **ли** он на собрании?’; *Артканын мынанг ары чоттожып ийерис. Жөн пö?* (ЖК, ЫҮС, 58) ‘Остальное потом обсчитаем. Согласен **ли**?’.

Предложения с частицей *БА* могут образовывать предложения, выражающие не конкретный вопрос, а общий, без адресата. Подобные предложения имеют различную семантику (предположения, утверждения и т.д.): *Кажы бир жерден айылчылар сакыган болор бо?* (ЭТ, К, 218) ‘Не ждет **ли** откуда-либо (букв. с какого-либо места) гостей?’; *Öзөктөн улус келер бе дегем, база жок* (ЭТ, 118) ‘Думал, не приедут **ли** люди с низовья, тоже нет (т.е. не приехали – АЧ)’; *Магазинди айланыжын токтоор болор бо* (ЖК, АЖ, 4) ‘Не прекратишь **ли** ты кружить (букв. не прекратится ли твое кружение) вокруг магазина?’; *Тойдым, толдым – деп, арт-учында Ощепков ырысту күлүмзиренди. – Капусталу пирожокты кижги база курсак deer бе оны...»* (ЖК, ЫҮС, 13) ‘«Наелся, насытился (букв. наполнился), – сказав, улыбнулся под конец Ощепков, – Пирожок с капустой человек разве тоже едой назовет (букв. назовет **ли**)...»’.

Вопросительную частицу *БА* нужно отличать от омонимичного двухместного союза *БА ... БА*: ... *Мирзабектин јерине отурарга турган кўлүк кандый да јаан депутаттыг јеени бе айса таайы ба* (АА, КАҰС, 34) ‘... Ловкач, который хотел сесть на место Мирзабека, **не то** племянник, **не то** дядя какого-то большого депутата’.

Частица *эмеш не* ‘ли; что ли’

Предложения с двухкомпонентной частицей *эмеш не* ‘ли; что ли’ выражают значение предположения: *Чечилип калды эмеш не?* (ЭТ, К, 118) Не развязалась **ли?**; «... *Коомой солун уктыг эмеш не? Айт, не болгон?*» – деп, *Зоя јилбиркей берди* (ЛК, МЈ, 194) ‘Плохую новость услышала что ли?», – поинтересовалась Зоя; *Кемнинг-кемнинг тойы болуп јаткан эмеш не?* (ЛК, МЈ, 194) ‘Не проходит ли чья-нибудь свадьба?’.

Частица *а* ‘а’

Частица *а* ‘а’ может использоваться как в конце вопросительного предложения, так и в качестве самостоятельного высказывания: *Килтиреде кийинип алган болзобис, а?* (АА, ЈТЈ, 23) ‘Если бы мы были одеты очень хорошо (букв. так, чтобы блестело), **а?**’; *Шунуныг бүдүжи соок то болзо, је токуналу кижси болорго албаданып айтты: – Је, революцияга керектү неме болзо, [газокамерага] мен кирейин бе, уулдар? Јуу-чак болзо, тўней ле тыннатан корон эмей. А? Кирейин бе, уулдар?* (ЛК, МЈ, 109) ‘Хотя вид у Шуну был и строгий, но [он], стараясь быть спокойным человеком, сказал: «Ну, если дело нужное для революции, можно мне [в газокамеру] войти, парни? Если будет война, то этот яд все равно ведь придется вдыхать (букв. это яд, которым все равно придется дышать). **А?** Можно ли войти, парни?»’.

Частица *дезен* ‘же’

Частица *дезен* ‘же’ является производной от глагола *де-* ‘говорить’. Глагольная форма *дезен* представляет собой условную форму с аффиксом 2-го лица: ... *Бу тайакты тудунала, уйлар токтобой ло турза, «пып» де=зе=н, олор јадеерер, онон оито тургузарга турган болзон, «тап-тажлан» дезен, олор оито тура конор, айлына јандыра айдаарыг – деген* (ЯФЧ, 82) ‘... Взав этот костыль, как только коровы перестанут стоять [на одном месте], если скажешь: «Пып», [то] они лягут, потом, когда ты захочешь, чтобы они встали, если скажешь: «Тап-тажлан», [то] они встанут, ты их погонишь домой», – сказал’.

В качестве частицы используется только форма с показателем 2 лица: *Ол бүгүн келер дезен?* ‘Он сегодня придет **же**?’; *Бот ол тужында чын-даптап жыргаарыс, тоолонгончо каткырарыс. Чын дезен, председатель?* (ЭТ, К, 54) ‘Вот тогда по-настоящему будем гулять, до упаду будем смеяться. Правда **же**, председатель?’.

Частицу *дезен* нужно отличать также от глагольной формы *дезен*, в которой утрачено значение глагола *де-* ‘говорить’ и которая выражает значения ‘иметь намерение, хотеть, думать и т.д.’: *Уйуктайын да дезен, уйуктап болбозын: жадар жер жок* (ЛК, МЖ, 171) ‘Даже если спать **захочешь**, не сможешь спать: некуда лечь’; *Жуу-чак божоп калган дезем* (ЛК, МЖ, 141) ‘[А] я **думал**, [что] война закончилась’.

Частица *не* ‘что; ли’

Частица *не* в значении ‘ли’ может принимать личные аффиксы: *Жажыл торко Алтайга Жанып оймо келгей не=м?* (ЛК, МЖ, 228) ‘На зелёный, как шелк (букв. шелковый), Алтай Вернись **ли=я** опять?’.

Частица *не* в значении ‘что’ может занимать различные позиции в предложении или употребляться в качестве отдельного предложения: *А не, күйүнип туруп ба?* (ЭТ, К, 45) *А что, завидуешь, да?*; [*Председатель:*] *Полевод ло Сары-Саал эрлер эмес не?* [*Тарынчак:*] *Полеводко не?* *Указаниеден ле берип ийеле, Бабыйына менден жүрүп калар* (ЭТ, К, 47) ‘[*Председатель:*] *Полевод и Сары-Саал не мужики что ли?* [*Тарынчак:*] *Полеводу что?* *Указание только отдав, уйдет, спеша, к своей Бабый’.*

Частица *не* может использоваться в сочетании с формами глагола *де-* ‘говорить’ в восклицательных предложениях: *Кобылардын эртен турагы ачу жыбарын не дейзин!* (ШШ, ЖК, 334) ‘Утренний холодный ветер долин – это что-то (букв. что говоришь)!’. В таких случаях особенно очевидна связь *не* с вопросительным местоимением.

Слово *не*, помимо роли вопросительной частицы, выполняет и другие функции, выражая широкий спектр значений: *Лена эмди ле ологгонени куучындап туру не?* (ЛК, МЖ, 98) ‘Лена вот прямо сейчас что **же** им рассказывает?’; *Ол келбеген туру не?* (ЭТ, К, 41) ‘Он, **оказывается**, не приехал’.

Таким образом, в данной работе нами рассмотрены некоторые из вопросительных частиц алтайского языка. В дальнейшем их перечень будет уточняться, будут более подробно рассмотрены функциональные особенности указанных частиц.

Список литературы:

1. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – С. 432; Грамматика азербайджанского языка (Фонетика, морфология и синтаксис) / Под общ. ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортыяна. – Баку: изд-во «Элм», 1971. – С. 181; Грамматика хакасского языка / Под. ред. Н.А. Баскакова. – М.: изд-во «Наука», 1975. – С. 247-248; Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: «Наука», 1978. – С. 269; Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск: книжное издательство, 1978. – С. 256; Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979. – С. 505; Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: изд-во «Наука», 1981. – С. 328-329; Грамматика киргизского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология. – Фрунзе: изд-во «Илим», 1987. – С. 393; Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. – С. 356-357.

2. Ойротско-русский словарь / Сост.: Н.А. Баскаков, Т.М. Тошакова. – Москва, 1947; Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. – М., 1940. – С. 222-223; Тошакова Т.М. Союзы и частицы в алтайском литературном языке // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 4. – Горно-Алтайск, 1961. – С. 53; Чумакаев А.Э. Частицы в алтайском языке: разряды по значению // Актуальные вопросы алтайского языкознания: сборник научных статей. Отв. ред. А. Н. Майзина. – Горно-Алтайск: ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»; ОАО «Горно-Алтайская типография», 2009. – С. 50; Частицы // Грамматика современного алтайского литературного языка. Морфология. – Горно-Алтайск, 2017. – С. 520.

3. Щепкина И.Г. Категория интеррогативности в немецком и русском языках: дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 460 с.; Логинов А.В. Категория интеррогативности в современном русском языке: дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2015. – 500 с. и др.

Обозначения текстовых источников:

АА, ЈТЈ – А. Адаров. Јаан телекейге јол. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979.

АА, КАЎС – А. Адаров. Кудайлык Алтай. Ўргүлјик сүүш. – Горно-Алтайск: ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер», 2005.

ЖК, АЖӧ – Ж. Каинчин. Айлыбыс јангыс ӧзӧктӧ. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1984.

ЖК, ӰӰС – Ж. Каинчин. Ӱстибисте – Ӱч-Сӱмер. – Горно-Алтайск: ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер – Белуха» Республики Алтай, 2003.

ЛК, МЈ – Л. Кокышев. Мечин јылдыс. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2013.

ТШ, АЈ – Т. Шижин. Анчылардын јери. – Горно-Алтайск: ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 1993.

ШШ ЖК – Ш. Шатинов. Јылдар ла кылдар. – Горно-Алтайск: ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 2005.

ЭТ, К – Э. Тоюшев. Кӱрлер. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987.

ЯФЧ – Н.К. Ялатовтын фольклорлык чӱмдемелдери (Фольклорные произведения Н. К. Ялатова). – Горно-Алтайск, 2017.

Секция 6

***ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ***

АНГЛИЦИЗМЫ-НЕОЛОГИЗМЫ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© Болотина К.А.¹, Петрова Л.А.¹

Российский университет дружбы народов, г. Москва

В статье исследуется функционирование англоязычных заимствований-неологизмов во французском языке, рассматриваются закономерности интегрирования англицизмов в лексико-семантическую систему языка, сопоставляются французские лексические единицы и синонимичные им англицизмы с целью выявления коммуникативно-прагматического потенциала последних, их семантического и когнитивного объема. На основе научно-технических текстов, предлагаемых студентам инженерных специальностей при обучении переводу, определяются стратегии перевода англицизмов-неологизмов на русский язык.

Ключевые слова: англицизм-неологизм; интеграция заимствований; неология; научно-технический дискурс; глобализация межкультурного пространства; «вестернизация»; стратегии перевода; французский язык.

Широкое употребление англоязычных заимствований, обусловленное совокупностью факторов внешнего и внутреннего характера, представляет собой одну из тенденций развития лексической системы современного французского языка. Исследование данной проблематики представляется перспективным, поскольку она затрагивает целый ряд важных вопросов, связанных с воздействием глобализационных процессов на языковые изменения. Большинство ученых убеждены, что феномен «глобализации межкультурного пространства», «вестернизации» общества являются важными факторами развития языка. Причиной этого является глобальное доминирование английского языка в качестве средства международного общения. Таким образом, интеграция англицизмов-неологизмов во французскую лексико-семантическую систему рассматривается как неизбежное закономерное явление, оцениваемое с положительной стороны [1, 4, 13, 15]. Однако следует отметить, что ряд исследователей полагают, что «американизация» моды и языка носят негативный характер и являются противниками исконно французского языка [3, 6, 12]. По последним данным, во французском языке двенадцать процентов слов являются англицизмами, из которых четыре процента – ан-

¹ Старший преподаватель кафедры Иностранных языков.

лицизмами-неологизмами и, их число ежедневно увеличивается [11]. И это несмотря на тот факт, что французы подают самый яркий пример бережного отношения к своему языку не только Европе, но и всему миру. Они первыми стали считать свой язык одним из главных национальных достояний. Франция проводит активную языковую политику на государственном уровне, Генеральная Делегация по вопросам французского языка и языков Франции (DGLFLF) рекомендует употреблять французские аналоги вместо англоязычных эквивалентов [16]. В действительности же многие французские эквиваленты, как правило, появляются позже и не успевают вытеснить англицизмы, а также подходящий эквивалент может отсутствовать в языке ввиду того, что им требуется описать новую реалию. В то же время во французском языке имеется большой пласт англицизмов-неологизмов и их французских эквивалентов, являющихся синонимичными, которые полноправно функционируют в его системе на равных правах. К примеру, *downloader* (v) употребляется наряду с *télécharger* (v), *booster* (n,m) -*suramplificateur* (n,m), *deadline* (n,m) – *date* (n,m) *butoir*, *customiser* (v) – *personnaliser* (v), *challenger* (v) – *lancer un défi*, *en live* – *en direct*. Однако многие англоязычные заимствования-неологизмы при сопоставлении с их исконно французскими синонимами позволяют выявить значительные отличия англицизмов от их синонимов во французском языке. Приходим к выводу, что функция многих англицизмов состоит в детализации значения. Англоязычные синонимы часто приобретают статус гипонимов по отношению к уже существующим во французском языке более общим родовым понятиям и обладают более точной конкретной номинацией. (К примеру, *netbook* (n,m), *plug* (v), *walkman* (n,m), *SMS*(n,m)). Интересен и тот факт, что неологизмы-англицизмы могут появляться в качестве гипонимов по отношению к ранее закрепившимся в языке англоязычным заимствованиям. Англицизмы могут в дальнейшем стать основой для деривации по правилам французского языка (*Je suis overbooké*, *faire un pitch*, *listing* (n,m), *avoir du cash*). Феномен интеграции англицизмов во французский язык уместно рассматривать как положительное явление, в виду того что такая интеграция не модифицирует структуру языка.

Перевод оригинальной научно-технической литературы вызывает ряд трудностей, связанных, главным образом, с обилием в нём специальных терминов конкретного подязыка (отрасли), профессионализмов, в частности неологизмов-англицизмов. Ученые причисляют неологию, находящуюся на стадии формирования в области языкознания к молодым наукам, ее терминологический аппарат не является строгим. Следовательно, ее основное по-

нятие – неологизм – характеризуется разнообразием определений. В данной работе принимается определение неологизмов, учитывающее производное образование обозначенных лексических единиц, которые не встречались до известного периода, однако теоретически были возможны, существовали потенциально [14]. Их употребление позволяет автору, главным образом, актуализировать новые реалии, придать тексту эмоционально-экспрессивную окрашенность, усилить, оттенить мысль, уже логически аргументированную. Их использование оправдано целями и задачами общения в данной сфере, они позволяют убедить реципиента, заставить воспринимать текст заинтересованно, заставить его размышлять.

Определяя перевод научно-технических текстов, как профессиональную деятельность, направленную на передачу научной и технической информации с одного языка на другой, с учетом различия между двумя текстами, коммуникативными ситуациями и двумя культурами, следует подчеркнуть, что при подготовке студентов к данной деятельности преподаватель должен учить их понимать, в первую очередь, смысл и замысел автора высказывания. Для этого необходимо рассматривать не изолированные научно-технические тексты, и их лингвистическую специфику, а те факторы коммуникативной ситуации, социокультурные факторы, которые повлияли на создание данного текста, предметную и фоновую информацию, т.е. анализировать текст с дискурсивных позиций [5].

Языку научно-технического дискурса свойственны точность, неэмоциональность, безличность. Основной функцией научно-технического текста является информативная функция. Таким образом, на этапе формирования активных переводческих навыков студентам можно предложить несложные общенаучные тексты, информирующие читателя о разработке и эксплуатации технологий и технических устройств определенными предприятиями в разных странах, технологических процессах промышленности, новом оборудовании, тенденциях в различных областях профессиональной деятельности, мероприятиях и т.д. Кроме того, данные тексты имеют целью мотивировать, аргументировать, воздействовать на процессы восприятия и мышления реципиента, направлены на логичное и последовательное убеждение, побуждение к действию, т.е. информация имеет направленно познавательный характер, выразительность эмоционального плана, элементы экспрессивности и образности. Для автора текста характерно стремление не только объяснить, путем рассуждения довести до сознания читателя объективную истину, но и воздействовать на читателя [8]. Вследствие чего, познаватель-

но-побудительная целеустановка подобных текстов может носить рекламирующий характер, с задачей взять на вооружение технологию, методику, заставить приобрести новинки производства, ту или иную продукцию. В структурной организации научно-технических текстов обычно выделяют три компонента: заголовок, основной текст и заключение. В заголовках и подзаголовках англоязычные заимствования оказываются наиболее популярными, поскольку они позволяют не только информировать получателя текста, но и реализовать стратегию привлечения внимания, мотивировать реципиента, воздействовать на процессы восприятия посредством языковых средств. (К примеру, *La mystification du "fracking"*; *Pic des "Big Four" en 2020*; *Le "boom" des hydrocarbures de schistes*; *Shift de prévisions*.)

Несмотря на всю строгость и функциональность научно-технического дискурса это явление нами воспринимается как признак расширения и пополнения лексико-семантической системы. Это положение целесообразно, в связи с тем, что одним из ключевых факторов, обуславливающих интеграцию англицизмов, является явление языковой экономии [7, 10]. В век «клипового мышления» возникает необходимость употреблять короткие термины, емкие англицизмы интуитивно понятные большому количеству специалистов, широко известные в социуме. Употребление многих заимствованных лексических единиц является оправданным с этой точки зрения, в случае если для обозначения того или иного предмета или комплексного явления потребовалось бы целое французское предложение. Так же англицизм, вошедший в строй языка может не иметь синонима, либо содержать значимые маркированные компоненты, которые будут отличать его от других членов парадигматического ряда [2]. Англоязычная лексическая единица может указывать на заимствование денотата, а чаще всего его признака, выделяя то главное, что важно коммуникантам при употреблении слова. Применительно к концептуальной картине мира следует, таким образом, говорить о ее обогащении с одной стороны и дифференциации с другой стороны.

Начинающий переводчик часто берется за словарь, стараясь перевести все неизвестные слова, не задумываясь о ловушках, которые готовит ему текст. Научно-технический текст насыщен лексическими единицами, которые зачастую могут быть не зафиксированы в энциклопедических словарях в силу временного или иных факторов. Несмотря на фактическую распространенность некоторых специальных терминов в речи, они отсутствуют не только в общих, но и в специальных (терминологических) словарях. Такие новые термины составляют относительно большой процент всей лексики в

научно-технической литературе. Окончательным подтверждением вхождения неологизма в лексико-семантическую систему принимающего языка является его регистрация в ежегодно обновляющихся словарях. Следовательно, степень правильности перевода в значительной мере зависит от того, насколько начинающий специалист знаком с той отраслью науки и техники, к которой относится переводимый текст, и насколько он владеет специальными знаниями. Некоторые англицизмы-неологизмы могут быть понятны интуитивно или непосредственно контекст может показать к какой категории относится понятие, выражаемое неизвестным термином. Существенную помощь может оказать консультация специалиста [5]. В дальнейшем, ключом к переводу заимствованных лексических единиц и подборе адекватного аналога в русском языке начинающему переводчику следует принять во внимание ряд тонкостей их актуализации в лексико-семантической системе принимающего языка и стадии их адаптации. На первой стадии они воспринимаются как окказиональные. Неологизмы могут быть временными в языке, они могут появляться стремительно (причина этого в том, что в обществе или иных кругах может назреть потребность обозначить новое понятие), скоротечно существовать, и также внезапно стать не используемыми [9]. На второй стадии, в случае их принятия и распространения, они приобретают статус потенциальных единиц и, наконец, на третьей стадии происходит их ассимиляция языком реципиентом (узуальная) [14]. Англицизмы-неологизмы могут быть не зарегистрированы ни во французских, ни в русских ежегодно переиздающихся словарях, но активно использоваться специалистами в качестве новообразований на основе прототипических моделей или заимствований в неизменном виде с целью вербализации новых сторон денотата описываемого явления или с целью экономии описания языкового явления. На данном этапе для молодого специалиста важен структурно-смысловой анализ терминов, который должен сочетаться с анализом соответствующего научного понятия с точки зрения той отрасли науки или техники, к которой относится переводимый текст. Изучение смысловой структуры термина во всей ее полноте дает новые данные, помогающие несколько точнее представить себе, о чем идет речь. Зная сферу, к которой относится понятие, выраженное неизвестным термином, и некоторые характерные признаки предмета или явления, обозначенного неизвестным термином, переводчик может попытаться определить, что именно обозначает данный термин. Свое предположение он должен обязательно проверить.

При обучении студентов переводу будущим специалистам следует учитывать вышеописанные положения с целью построения адекватных тактик и выбора стратегий перевода на русский язык. Алгоритм перевода англицизмов-неологизмов должен учитывать все вышеизложенные нюансы. Анализ переводов неологизмов убеждает нас в том, что самым распространенным оказывается первый способ – перевод путем подбора соответствующего аналога в русском языке (в случае полного заимствования денотата). Второй способ – это использование транслитерации, которую рекомендуется сопроводить объяснением (либо в сноске, либо в скобках) или калькирования – дословный перевод составных частей сложного термина (термина, представленного словосочетанием) и создание структурно-смысловой копии переводимого англицизма на языке перевода. К примеру, *fracking* (n,m) (фрекинг, гидравлический разрыва пласта), *briefing* (n,m) (брифинг, совещание руководящих работников, инструктаж экипажей самолета), *brainstorming* (n,m) (брейнсторминг, мозговой штурм, мозговая атака), *best-of* (лучшее), *prime-time* (n,m) (прайм-тайм, самое удобное время). Если проведенный поиск информации не выявил соответствующего аналога, в случае отсутствия реалии во французском языке, или в случае вербализации новой стороны денотата англицизма-неологизма, лексическую единицу можно заменить описательным оборотом. Например, *drive-in* (n,m) (кафе быстрого обслуживания или банк, которыми пользуются, не выходя из машины), *must-have* (n,m) (то, что нужно сделать, самое необходимое, то, что нужно прочесть, чтобы не отстать от моды), *lobby* (n,m) (группа лиц, выступающая за чьи-либо интересы, оказывающая давление на должностное лицо, продвигающая выгодный ей законопроект), *baby-clash* (n,m) (распад брачного союза вследствие рождения ребенка). Данные примеры означивают еще не вербализованные стороны предметов и явлений объективной действительности, представляют собой американские реалии, ранее не существовавшие во французском языке.

Из всего вышеизложенного следует то, что для успешного перевода научно-технических текстов студентам необходимо постоянно пополнять свой словарный запас нововведёнными англицизмами. Однако для правильного их понимания и перевода недостаточно просто знать английский и французский языки, но и иметь представление о способах и формах проникновения англицизмов во французский язык, видах их адаптации, функционирования.

Список литературы:

1. Березовская О.М., Кирьянова Л.Г., Тенденции иноязычных процессов в условиях глобализации современного общества // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. Т. 316, № 6. – Томск, 2009. – С. 144-148.
2. Букина Л.М., Лунькова Л.Н. Англицизмы в современных интернет-статьях на французском языке. – М.: Вестник РУДН, 2015. – С.110-115.
3. Brunet S., Les mots de la fin du siècle. – Paris, 1975.
4. Волкова М.Г., Козлова Д.О. Англицизмы в современном французском языке (на материале прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 4 (34). – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 73-75.
5. Гавриленко Н.Н., Спецкурс «Переводческий анализ текста». – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2008. – 54 с.
6. Goosse A., La néologie française d'aujourd'hui. – Paris, 1996.
7. Есперсен О., Философия грамматики. – М., 1958. – 400 с.
8. Комова Т.А., Введение в сопоставительную лингвокультурологию. Великобритания-Россия. Учебное пособие. Курс лекций // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021700 «Филология» специализации «Зарубежная филология» – Изд. 3-е, испр. – М.: РАСАНД, 2009. – 124 с.
9. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.ru/help/docs/n11466/kрупнов.htm>.
10. Мартине А. Основы общей лингвистики / пер. с фр. В.В. Шеворошкина; под ред. и со вступ. ст. В.А. Звегинцева. – Изд. 2-е. – Сер. Лингвистическое наследие XX века, монография. – М.: Издательство УРСС, 2004.
11. Néologismes / Anglicismes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.academie-francaise.fr>.
12. Pergnier M., Les anglicismes. – Paris, 1989.
13. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. – М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. – 288 с.
14. Синицын А.В. Функционирование англоязычных заимствований-неологизмов в медийном дискурсе французского языка: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.05. – Москва, 2014. – 160 с.
15. Федотова В.Ю. Англоязычные заимствования как фактор глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pglu.ru/upload/iblock/f5b/ch_05_sim_1_sektsii_11_14-v.yu.-fedotova-37.pdf.

16. Чиликина О.Н., Фролова О.Н., Англицизмы в медийном дискурсе французского языка // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. – Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», 2015. – С. 200-204.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ ИНТЕРЪЯЗЫКОВОЙ ЛАКУНАРНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

© Скворцова Е.Е.¹

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный институт
международных отношений (университет) Министерства
иностраннных дел Российской Федерации», г. Москва

Элиминирование публицистических текстов на разные языки как источника интеръязыковых лагун – это сложный и важный процесс, т.к. понимание текста зависит от точности перевода.

В статье анализируются публицистические тексты Роберта Бриджа (Robert Bridge) для телеканала “Russia Today” и газеты “The Moscow News”, в которых наиболее ярко представлены интеръязыковые лагуны.

Ключевые слова: элиминирование текстов, публицистические и рекламные тексты, социокультурные интеръязыковые лагуны, межкультурная коммуникация, сравнительно-сопоставительный анализ текста.

Язык народа формирует в сознании его носителей определённую картину мира. Эта картина мира может существенно отличаться от языковой картины мира другого народа, и именно из-за этих культурных и языковых различий в картине мира возникают интеръязыковые лагуны, перевод которых сопряжён с определёнными трудностями.

Социокультурные лагуны появляются в процессе межкультурного и межъязыкового общения, где значима национально-культурная специфика

¹ Кафедра Социологии.

слова. В большей степени национально-культурное своеобразие проявляется через социокультурные лакуны – так называемые «дыры» в системе, т.е. отсутствие лексем на определенном месте в структуре лексической парадигмы. Наличие лексико-семантических лагун в различных языках является причиной невозможности вполне адекватного перевода с одного языка на другой. Казалось бы, речь идет о понятиях и вещах, допускающих точное описание и определение. Передача их на другой язык возможна со значительными вариантами. Это связано с тем, что по частоте употребления, по роли в языке, по общей значимости содержания или по своему бытовому характеру, слова, служащие названием таких реалий, являются специфическими для языка подлинника и поэтому составляют трудность при переводе.

Современная лингвистика рассматривает лакуны как национально-специфические элементы культуры, нашедшие соответствующее отражение в языке носителей этой культуры, которые либо полностью не понимаются, либо недопонимаются носителями иной культуры и языка в процессе коммуникации.

Различия (на любом уровне) между лингвокультурными общностями можно рассматривать как социокультурные лакуны, свидетельствующие об избыточности или недостаточности опыта одной лингвокультурной общности относительно другой.

Нами была предпринята попытка проанализировать тексты публицистического характера, в которых наиболее ярко представлены интеръязыковые лакуны.

Анализ проводился на основе публицистических текстов Роберта Бриджа (Robert Bridge) для телеканала “Russia Today” и газеты “The Moscow News”. Анализ статей данного автора вызывает наибольший интерес среди прочих, т.к. в них представлена российская действительность глазами человека иной культуры, иного менталитета, который описывает и элиминирует события, произошедшие в России на свой родной язык.

Целью анализа ставилось выявление интеръязыковых лагун в текстах публицистического характера; определение частотности проявления интеръязыковых лагун в текстах публицистического характера.

Анализ проводился методом сплошной выборки из статей Роберта Бриджа для газеты “The Moscow News”.

За основу при проведение анализа была взята типология межъязыковых лагун, т.к. все выявленные лакуны относятся к межъязыковым.

В процессе сплошной выборки интеръязыковые лакуны были классифицированы по лексико-тематическим группам.

Первую группу составили мотивированные межъязыковые лакуны, т.е. лакуны отражающие отсутствие в языке слова вследствие отсутствия предмета, явления, процесса в самой действительности народа, говорящего на данном языке.

В данную группу вошли лакуны, обозначающие имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, не имеющие соответствий в английском языке:

- “On August 13, the Internet lights up with photos of the Russian president fishing the *Yenisei* River on the border of Mongolia.” [9] – «Тринадцатого августа интернет ресурсы запестрили фотоотчетами о ловле президентом России рыбы в реке *Енисей* (Монголия)».
- “Moreover, Putin survived the political nightmare of *Beslan*, *Dubrovka* and a wave of deadly apartment blasts.” [9] – «Кроме всего прочего, Путин пережил политический кошмар *Беслана*, *Дубровки* и волны смертельных взрывов».
- “On September 10, Russian Defense Minister *Anatoly Serdyukov* was scheduled to address the State Duma, the lower house of parliament, to inform the deputies about current military development and various problems.” [10] – «Десятого сентября Министр обороны РФ *Анатолий Сердюков* обратился к нижней палате парламента Государственной Думы с отчётом о текущем развитии и различных трудностях в военной отрасли».
- “Those, who fought in Georgia this August, know that Russian peacekeepers sustained the greatest casualties during the first hours of the Georgian aggression because Moscow and *Vladikavkaz*, where the 58th Army's headquarters is located, failed to promptly order troops to repel the attack and to send elements of the 58th Army to *South Ossetia*.” [10] – Те, кто воевал в Грузии в августе этого года, знают, что русские миротворцы понесли большие потери в первые часы грузинской агрессии, т.к. Москва и *Владикавказ*, где находился штаб 58-й армии, не смогли оперативно отразить атаку и направить штаб 58-й армии в *Южную Осетию*».
- “Moreover, Russian forces did not know the firing positions of Georgia's Grad multiple-launch rocket systems, *Gvozdika* self-propelled guns and T72 tank units.” [10] – «Более того, российские войска не знали, о

наличии у грузинской стороны ракетной системы «Град», самоходного орудия «Гвоздика» и 72 единицах танков».

- “Although Russian and foreign UCAVs are regularly displayed at the annual MAKS international aerospace show in Zhukovsky near Moscow, including at the MAKS2007 show, the Russian Army still lacks them because the national *Defense Ministry* decided to stop buying them in 2006.” [11] – «Хотя русские и иностранные самолёты регулярно принимают участие в ежегодной международной выставке МАКС в подмосковном Жуковском, в том числе на выставке МАКС-2007, российской армия по-прежнему не хватает их, в виду того, что *министерство обороны* прекратило их закупку в 2006 году».
- “The *Dzerzhinsky Ural Railroad Car Works (Uralvagonzavod)*, which has developed all post-Soviet and Russian main battle tanks except the T80, unveiled its Tank Support Combat Vehicle (TSCV) over 20 years ago.” [11] – «*Дзержинский Уральский военный завод (УВЗ)*, разработавший все постсоветские и русские танки, кроме Т-80, более 20 лет назад, представил свои боевые машины на выставке танков TSCV».
- “On Monday morning, during my rush-hour trudge to the metro, I discovered the semi-sensational news that *Kseniya Sukhinova*, 21, Siberia's native princess, had won the Miss World 2008 competition that was held in Johannesburg over the weekend.” [12] – «В понедельник утром, «тащась» в час пик в метро, я обнаружил сенсационную новость о том, что 21-летняя сибирячка *Ксения Сухинова*, победила в конкурсе «Мисс Мира – 2008», который состоялся в Йоханнесбурге в минувшие выходные».
- “They must be referring to those illegal demonstrations that were orchestrated on *Triumfalnaya Ploshchad*, on busy *Tverskaya Ulitsa* in which dozens of ‘Other Russia’ protesters were detained because they refused to hold their rally at a special government-sanctioned ‘safe zone’ (as is common practice, by the way, in all Western countries).” [12] – «Необходимо учитывать незаконные демонстраций, организованные сторонниками «Другой России» на *Триумфальной площади, Тверской улице*, которые впоследствии были задержаны за отказ от проведения своих акций на специальной санкционированной правительством зоне безопасности, как это обычно бывает во всех вроейских странах».

- “Even that Russian duet – *tAtU* – or what have you, had to pretend they were lesbians just to attract ticket sales.” [13] – «Даже русскому дуэту «*TATY*» пришлось играть лесбиянок для большей продажи билетов».
- “*Masha* wasted no time in restoring my healthy cynicism in the general wretchedness of the human race when she chirpily announced: «an iPhone, of course!» And people say there is no more romance left in the world. How are men supposed to be chivalrous in such a vile and vulgar world? Then *Masha* proceeded to lecture me about the general advantages of car ownership, as opposed to merely Metro card ownership, especially when trying to impress the opposite sex.” [14] – «*Маша*, не теряя времени, заявила: «Айфон, конечно!» И после этого люди говорят, что в мире больше не осталось романтиков. Как человек может оставаться галантным в таком мерзком и вульгарном мире»? После этого *Маша* начала читать мне лекцию о преимуществах владения автомобилем, а не картой метро и о том, как на пытается произвести впечатление на противоположный пол».

Как видно, эквивалентов данных межъязыковых лакун в английском языке нет и, следовательно, не всегда можно провести чёткую разграничительную черту между межъязыковыми лакунами – имена собственными и теми именами собственными, которые имеют постоянное соответствие в языке перевода.

Вторую группу составили этнографические межъязыковые лакуны, т.е. отсутствие реалий, характерных для одной культуры, в другой культуре.

В данную группу вошли лакуны, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не имеющие соответствий в английском языке; понятия и предметы, присущие только русскому языку, а именно, предметы материальной и духовной культуры, общественные явления и названия политических учреждений:

- “The overwhelming majority of Russian publications, including *Noviyе Izvestia*, *Komsomolskaya Pravda*, *Moskovskiy Komsomolets*, *Gazeta* – and even the usually staid business daily, *Kommersant* – all proudly carried Kseniya’s enchanting story of personal triumph).” [13] – «Подавляющее большинство русских изданий, включая «*Новые Известия*», «*Комсомольскую правду*», «*Московский комсомолец*», «*Газету*» и даже ежедневную деловую газету «*Коммерсант*», пестрили рассказами о личном триумфе Ксении».

- “In June, British Petroleum's majority share in the huge Kovykta field was taken over by state-owned *Gazprom* for a pittance; last year, Shell forfeited its majority stake in the *Sakhalin2* oil and gas project.” [13] – «В июне контрольный пакет акций “British Petroleum” был передана *Газпрому* за бесценок; в прошлом году, нефтяная компания “Shell” утратила контрольный пакет акций в «*Сахалин-2*».
- “Early the next morning, Serozha and Zina zig-zagged in their Zigoli to the nearest *ZAGS*, the government agency where love birds enlist for marital duty...” [13] – «Ранним утром следующего дня, Сережа и Зина пошли в ближайший *ЗАГС* для подачи заявления о вступлении в брак».
- “While the price for this epicurean fantasy may seem steep (3,200 *rubles*, prices may vary), the atmosphere and overall quality of the dishes make it worth every *ruble* spent.” [15] – «В то время как цена на эту «фантазию» может показаться заоблачной (3200 *рублей*), атмосфера и общее качество блюд оправдывают каждый потраченный *рубль*».
- “Russian *communists* and *capitalists* celebrate the victory with equal fervor on May 9th” [15] – «Русские *коммунисты* и *капиталисты* праздновать победу с одинаковым рвением 9 мая».
- “It's kind of like the *samovar*, *matryoshka* doll and the black bear...” [15] – «Это похоже на *самовар*, *матрёшку* и бурого медведя...».

Как видно, данные лакуны делают узнаваемым русскую историю и действительность, рисует современную Россию, поэтому они не зафиксированы в языке перевода.

Третью группу составили нулевые межъязыковые лакуны, т.е., отсутствие в языке перевода не только слова, но и словосочетания, бытующего в речи.

В данную группу вошли лакуны, которым нет соответствий в лексическом составе языка перевода:

- “Russia: a riddle stuck in an apartment surrounded by a *dacha*.” [13] – «Россия: борьба вспыхнула на *даче*...».
- “Some sobering comments on *vodka*, the notorious Russian toast, and other surprises.” [14] – «Некоторые комментарии про *водку*, русские тосты и другие сюрпризы».

Следует отметить, что возникновение данного типа межъязыковых лакун – это отсутствие в языке перевода культурно-исторических или социальных объяснений понятия.

Четвёртую группу составили уникальные и частные межъязыковые лакуны, т.е. языковые явления, которые воспринимаются как странные и непонятные для представителей языка перевода.

В данную группу вошли следующие межъязыковые лакуны:

- First, if you want to drink with the natives you must understand that the Russian people never say “*Na zdaroviya*” before they toss back their favorite firewater.” [14] – «Во-первых, если вы захотите выпить с местными жителями, вы должны помнить, что русский человек никогда не скажет «*На здоровье*», прежде чем не выпьет».
- “*ААН! Not that! What about my career? What about ME?*” [6] – «*Ааа! Не то! Как насчёт моей карьеры? Как насчёт меня?*».
- “*Hee, hee, hee*” [9] – «*Хи-хи-хи!*».

Следует отметить, что данные межъязыковые лакуны трудно поддаются культурно-смысловому анализу, логическому или грамматическому объяснению.

Из результатов анализа следует, что большую часть интеръязыковых лакун в текстах публицистического характера Роберта Бриджа составляют:

- мотивированные межъязыковые лакуны (13 случаев – 50 %);
- этнографические межъязыковые лакуны (8 случаев – 30,8 %);
- уникальные и частные межъязыковые лакуны (3 случая – 11,5 %);
- нулевые межъязыковые лакуны (2 случая – 7,7 %).

Проведя анализ элиминирования интеръязыковых лакун в текстах публицистического характера на основе статей Роберта Бриджа, можно сделать вывод о том, что частотность проявления интеръязыковых лакун в данных текстах достаточно велика, т.к. использование лакун в публицистике создаёт эффект сближения и интеръкоммуникации двух культур.

В результате проведенного текстологического анализ элиминирования интеръязыковой лакунарности как элемента межкультурной коммуникации в публицистических текстах на примере статей корреспондента газеты “The Moscow News” Роберта Бриджа были выявлены социокультурные лакуны, составляющие значительный пласт лексики в статьях

В творчестве журналиста социокультурные лакуны, во-первых, заменяют безэквивалентную лексику, такие лакуны обозначают уникальные понятия, которые присущи иной культуре, соответственно, языку; во-вторых, некоторые социокультурные лакуны связаны с реалиями России; в-третьих, представляют собой те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом со-

ставе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка; в-четвертых, являются узואальными лакунами, которые характеризуются наличием специфических, непереуодимых устойчивых словосочетаний, употреблением определенных словоформ и конкретных реплик-реакций для переаачи одинаковых для обеих культур смыслов.

Лакуны охватывают многие сферы человеческой деятельности и окружающей действительности, что является ярким свидетельством того, что лакуны – обычное и массово распространенное явление языка.

Список литературы:

1. Гудков Д.Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных. – М.: Филология, 2007. – Вып.1. – С. 114-127.
2. Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. – 2009. – № 7. – С. 136-146.
3. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 259 с.
4. Марковина И.Ю. Влияние национальной специфики языка и культуры на процесс межкультурного общения. – М.: Наука, 2009. – 286 с.
5. Махонина А.А. К вопросу о классификации межъязыковых лакун // Язык и национальное сознание [Текст] / А.А. Махонина, М.А. Стернина // Сб. ст. / Отв.ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 275 с.
6. Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения. – Барнаул, 2007. – 183 с.
7. Сорокин Ю.А. Язык, сознание, культура [Текст] / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе: Сб. науч. тр. / Отв.ред. И.И. Халеева. – М.: Наука, 1991. – С. 10-23.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 261 с.
9. Bridge R., Russian Army's weaknesses exposed // Moscow News. – 2008. – № 36.
10. Bridge R. Putin-Sarko Showdown // Moscow News. – 2007. – № 34. Электронная версия. Доступ: <http://www.mnweekly.ru/>.
11. Bridge R. London's Russian Witch Hunt // Moscow News. – 2007. – № 28. Электронная версия. Доступ: <http://www.mnweekly.ru/>.

12. Bridge R. Confessions of a Heterosexual // Moscow News. – 2007. – № 21. Электронная версия. Доступ: <http://www.mnweekly.ru/>.
13. Bridge R. Russia's New War // Moscow News. – 2007. – № 18. Электронная версия. Доступ: <http://www.mnweekly.ru/>.
14. Bridge R. The Other Other Russia // Moscow News. – 2007. – № 15. Электронная версия. Доступ: <http://www.mnweekly.ru/>.
15. Bridge R. Screeching Eagle, Shrugging Bear // Moscow News. – 2007. – № 14. Электронная версия. Доступ: <http://www.mnweekly.ru/>.

Секция 7

***РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА***

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОГО РАЗВИТИЯ В ТРЕХСТРОФНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ

© Карпенко В.Е.¹

Иркутская областная ДШИ, г. Иркутск

Статья посвящена анализу структурного развития в трехстрочных стихах отечественных поэтов разных эпох, направлений и жанров. Стихи рассматриваются в определенном порядке в зависимости от принципа чередования в них музыкальных масштабнo-тематических структур. Выявляется важная роль в поэзии основных музыкальных структур – суммирования, дробления, периодичности, двойного суммирования и др.

Ключевые слова: трехстрочные стихотворения отечественных поэтов, музыкальные масштабнo-тематические структуры, Л. Мазель, В. Цуккерман, М. Ройтерштейн.

Музыкальные масштабнo-тематические [5, с. 393] или мелодико-синтаксические [4, с. 133] структуры, выявленные автором в однострочных [1] и двухстрочных [2] стихотворениях, также встречаются и в трехстрочных текстах, широко представленных в отечественной поэзии. В настоящей статье рассматриваются лишь те стихи, где все три строфы опираются на музыкальные структуры, что бывает далеко не всегда. Как уже было отмечено М. Ройтерштейном [6, с. 336], подобных структур и возможных их комбинаций последовательностей в поэзии намного больше, чем в музыке. «Многие поэты хорошо чувствовали формообразующие возможности масштабнo-тематических структур и уместно использовали их» [7, с. 95], что будет показано на художественных образцах, которые приводятся ниже.

Логично начать с тех текстов, в которых три строфы представляют собой одну и ту же структуру типа ААА, образуя в крупном плане периодическую повторность, что является самым простым композиционным решением. В примере 1 периодичности каждой строфы 2+2 (то есть на микроуровне формы) подкрепляются гармонией периодической повторности на макроуровне всего текста. В примере 2 динамика поступательного развития суммирования 1+1+2 усилена троекратным повтором этой структуры в каждой строфе.

¹ Преподаватель, заслуженный артист России, член Союза композиторов России, лауреат Всероссийского и международного конкурсов.

Пример 1

*Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозой
Красна вечерняя заря.*

*Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихой арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.*

*Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.* (М. Лермонтов. «Стансы»)

Пример 2

*Ночью я видел: ломались березы!
Видел: метались цветы!
Гром, рассылающий гибель и слезы,
Всех настигал с высоты!
Как это странно и все-таки мудро:
Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно светлое утро
Встретить, как светлую весть!
Вспыхнул светящийся солнечный веер,
Дышат нектаром цветы,
Влагой рассеянной озеро веет,
Полное чистой воды!* (Н. Рубцов. «После грозы»)

В структурном развитии стихотворений довольно часто встречается схема самой распространенной в музыке трехчастной формы АБА. Крайние строфы представляют собой одну структуру, доминирующую в тексте в результате повтора, а вторая строфа («середина» или «средняя часть» по аналогии с музыкальной формой) построена иначе. Подобная структурная репризность типична для творчества А. Блока [6, с. 339] и других поэтов (можно, в частности, упомянуть А. Фета).

Периодичностям первой и третьей строф могут контрастировать неделимая вторая (аналог слитному периоду или периоду единого строения в музыке) в примере 3 или суммирование в примере 4. В примере 5 периодичность «средней части» обрамлена суммированием крайних строф.

Пример 3

*По ветви нижние лесá
В зеленой потонули ржи.
Семьею новой в небеса
Ныряют резвые стрижи.*

*Сильней и слаще с каждый́й днем
Несется запах медовой
Вдоль нив, лоснящихся кругом
Светло-зеленою волной.*

*И негой истомленных птиц
Смолкают песни по кустам,
И всеобъемлющих зарниц
Мелькают лики по ночам. (А.Фет)*

Пример 4

*Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!*

*Пруд, как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии!*

*Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии! (А. Фет. «В лунном сиянии»)*

Пример 5

*Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!
Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Всё звенят и звенят бубенцы... (Н. Рубцов. «Тайна»)*

При структурном подобию двух первых строф сменяющихся контрастной заключительной строфой возникает последовательность ААБ, которая в музыке является схемой старинной песенной формы бар. В примере 6 после двух периодичностей дано итоговое дробление. Структурное развитие в примере 7 идет в зеркальном отражении: повторенное дробление гармонично замыкается периодичностью 2+2. Особая магия музыкальности звучания текста Н. Рубцова достигается господством анафоры «Я вспомнил» в семи из двенадцати строк во всех строфах. Эти регулярные повторы создают значительное эмоциональное нарастание (подобное постепенному росту динамики – *crescendo* и восходящим секвенциям в музыке) и подводят к основному смысловому контрасту завершающей полустрофы – квинтэссенции печальных воспоминаний, также усиленных параллелизмом двух последних строк. По утверждению Ю. Лотмана: «Увеличение повторов приводит к увеличению семантического разнообразия, а не однообразия текста. Чем больше сходство, тем больше и разница» [3, с. 164]. Продолжением может служить мысль М. Сапарова: «Повтор в структуре художественного произведения связан с накоплением качества, трансформацией смысла, а посему он не тавтологичен; более того – он неповторим» [8, с. 101].

Пример 6

*Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекишие в мечтах любви напрасной, –
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной:*

*Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые, –
Мне вас не жаль, изменницы молодые, –
Задумчивый, забав чуждаюсь я.*

*Но где же вы, минуты умиления,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слезы вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны! (А. Пушкин)*

Пример 7

*Я вспомнил угрюмые волны,
Летящие мимо и прочь!
Я вспомнил угрюмые молы,
Я вспомнил угрюмую ночь.
Я вспомнил угрюмую птицу,
Взлетившую жертву стеречь.
Я вспомнил угрюмые лица,
Я вспомнил угрюмую речь.
Я вспомнил угрюмые думы,
Забывшие мною уже...
И стало угрюмо, угрюмо
И как-то спокойно душе. (Н. Рубцов. «Угрюмое»)*

Если помимо формы-структуры обратить внимание на содержание текстов, то и здесь часто встречается последовательность ААБ, когда после близких первой и второй строф заключительная вносит основной контраст по принципу «перемены в третий раз» [6, с. 340], приобретая значение итога-вывода. Часто две первые строфы объединяются анафорическими повторами, после чего в третьей происходит выход в другую образную сферу, что налицо в приведенных в статье примерах №№ 1, 6, 8, 9. Необходимо отметить, что подобная драматургия может быть реализована в самых разнообразных комбинациях структур.

«Верный симметрии, Блок строит трехстрофные стихи и “наоборот”, структуры следуют в порядке АББ» [Там же]. Такое структурное развитие встречается и у других поэтов. Начальное суммирование сменяется двумя периодичностями в примере 8. В примере 9 первая строфа опирается на дробление 2+1+1, после чего идут две периодичности.

Пример 8

*Не ревнуй меня к девушкам, – им не судьба,
не ревнуй меня к женщинам – одиноким и гибким,
а ревнуй к теплоте, на которую ты так скупа,
к нашим дням ледяным – без тепла и улыбки.*

*Не ревнуй меня к дальним казенным домам,
где красавицам ночью от томленья не спится,
а ревнуй меня к тихим, обидным словам,
на которые ты, как никто мастерица.*

*Если я заблужусь среди белого дня –
Никого не вини в неизбежной пропаже:
Ты себя отняла у себя, у меня,
И потери своей не заметила даже.*
(М. Сергеев. «Жестокий романс»)

Пример 9

*Пусть стены круты, башни стройны
И ослепительны огни;
Пусть льют потоки крови войны;
Пусть переменны наши дни;*

*Пускай кипят, звенят, трепещут,
Грохочут гулко города;
Пусть время неумолчно плещет, –
Ты надо всем горшишь, звезда!*

*Прости мне, свет иной основы,
Неизменяемых начал, –
Что я тебя в борьбе суровой
Так безрассудно забывал.* (В. Ходасевич. «Звезде»)

По поводу выразительных возможностей рассмотренных двух зеркально симметричных структур М. Ройтерштейн пишет: «Если структура ААБ напоминает о типичном приеме народно-повествовательных жанров (в третий раз происходит нечто отличное от первых двух), то структура АББ вы-

зывает представлением о явлении, типичном для песни (повторение второй половины куплета, достаточно ясно отличающейся от первой)» [6, с. 340].

Наконец, все три строфы могут опираться на разные структуры АБВ. Из большого разнообразия образцов приведем три наиболее известных. У А. Пушкина в «Узнике» чередуются суммирование, периодичность и дробление, в «Приметах» – суммирование, двойное суммирование и периодичность. В основе структурного развития лермонтовского «Паруса» лежит последовательная смена дробления, двойного суммирования и простого суммирования, более подробный анализ текста содержится в учебнике М. Ройтерштейна [7, с. 95-96].

В стихотворениях большего объема выявляются признаки соответственно более крупных музыкальных форм – вариационности, рондо, сонатности, двойной трехчастности и концентричности, что также свидетельствует о близости процессов формообразования в двух смежных искусствах, имеющих общую временную природу.

Список литературы:

1. Карпенко В.Е. Масштабно-тематические структуры в поэзии А. Демтьева // Язык и культура: сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2017. – С. 90-95.
2. Карпенко В.Е. Масштабно-тематические структуры в двухстрофных стихотворениях // Язык и культура: сборник материалов XXX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2017. – С. 94-102.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
4. Мазель Л. Строение музыкальных произведений. – М., 1979.
5. Мазель Л.А., Цуккерман В.А. Анализ музыкальных произведений. – М., 1967.
6. Ройтерштейн М. «Музыкальные» структуры в поэзии Блока // О музыке. Проблемы анализа. – М., 1974. – С. 323-343.
7. Ройтерштейн М.И. Основы музыкального анализа. – М., 2001.
8. Сапаров М.А. Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – С. 85-103.

Секция 8

***РУССКИЙ ЯЗЫК:
КОНСТРУКЦИОННЫЕ
И ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ***

ОСОБЕННОСТИ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИНТЕРЪЯЗЫКОВЫХ ЛАКУН ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Скворцов Е.А.¹

ЧУ ЦО «Аврора», г. Москва

Интеръязыковые лакуны терминологического характера, являясь элементом межкультурного общения, играют важную роль в процессе коммуникации. Лексические инновации английского языка, технический прогресс – всё это ведёт к образованию новшеств в языке, а, следовательно, к развитию лакун. Точный перевод, знание особенностей языковой системы, отслеживание технических и информационных нововведений – залог успешной коммуникации и верного понимания интеръязыковых лакун терминологического характера.

В статье говорится о том, что каждой интеръязыковой лакуне, обозначающей понятие или явление, существует определённый способ перевода, обеспечивающий её точную передачу в языке перевода. Применение того или иного способа элиминирования определяется контекстом, менталитетом и характером представителя той или иной нации.

Делается следующий вывод: интеръязыковые лакуны – это элемент повседневного общения представителей разных культур.

Ключевые слова: лакунарность, интеръязыковые лакуны, межкультурная коммуникация, терминология, менталитет.

Благодаря достижениям научно-технических и информационных революций, в различные сферы современной жизни стремительно проникают новшества. Изобретение нового влечёт за собой возникновение новшества в лексической системе языка, связанное с появлением терминов в той или иной сфере деятельности человека.

Несомненным является тот факт, что для языка и межкультурной коммуникации в целом, появление нового иноязычного термина тождественно появлению новой лакуны, поэтому элиминируя неологизм в языке перевода, необходимо грамотно и чётко формулировать вариант его адаптации.

¹ Директор.

Проанализировав различные сферы жизнедеятельности человека с точки зрения языка, можно прийти к выводу, что интеръязыковые лакуны терминологического характера существуют во всех сферах его деятельности в той или иной степени.

Прочное вхождение компьютерной и электронной техники в нашу жизнь принесло с собой закрепление в русском языке интеръязыковых лакун терминологического характера. Ярким примером могут стать следующие лакуны, которые были заимствованы из английского языка в оригинале: “*CD*” – «диск; *cu – di; сиди*»; “*CD player*” – «СД – плейер, *сиди – плейер*»; “*VJ*” – «*video – жокей*»; “*port*” – «порт»; “*antivirus*” – «антивирус»; “*browser*” – «браузер»; “*smiley*” – «смайлик»; “*email*” – «имейл, *и – мейл, Емеля*»; “*server*” – «сервер»; “*Internet*” – «интернет»; “*multimedia*” – «мультимедиа»; “*spam*” – «спам»; “*CD – ROM*” – «сидиром, *си – ди – ром*»; “*DVD*” – «ДВД, *ди – ви – ди*»; “*Web*” – «веб» [4, с. 114].

Однако, среди компьютерных интеръязыковых лакун имеются случаи компенсации, когда для снятия национально – специфических (культурологических) барьеров в тексте в той или иной форме вводится специфический элемент культуры реципиентов, тождественный элементу исходной культуры. В следующих примерах применяется перевод лакун, адаптация к русскому звучанию: “*compatibility*” – «совместимость»; “*cyberspace*” – «киберпространство»; “*virtual reality*” – «виртуальная реальность»; “*reboot*” – «перезагружаться»; “*CD – ROM drive*” – «компакт – дисковод» [4, с. 114].

Помимо появления компьютерных и информационных новшеств, изменения происходят в сфере музыки. Последнее время в этой области развиваются новые направления, основанные на сознательном смещении различных музыкальных стилей, что, несомненно, отражается на терминологии. Ярким примером могут послужить нижеприведённые интеръязыковые лакуны терминологического характера, заимствованные из английского языка в оригинале: “*rap music*” – «рэп – музыка, *рэп*»; “*break – dance*” – «брейк – данс»; “*trash rock*” – «трэш – рок»; “*techno*” – «техно»; “*acid house*” – «эсид – хаус»; “*trash*” – «трэш»; “*hip – hop*” – «хип – хоп»; “*grunge*” – «грандж»; “*rave*” – «рейв»; “*trans music*” – «транс – музыка»; “*trip – hop*” – «трип – хоп». Интересным является тот факт, что словосочетание “*soap opera*” имеет перевод на русский язык «мыльная опера», в то время, как остальные слова и словосочетания являются заимствованиями и представляют интеръязыковую лакуну для русского языка [4, с. 116].

Сфера экономики и бизнеса представляет не меньший интерес для исследователей, т.к. в данном случае интеръязыковые лакуны образуются путём полного транскрибирования термина. Например, “*smart – card*” – «*смарт – карта*»; “*market*” – «*маркет*»; “*organizer*” – «*органайзер*»; “*euro*” – «*евро*». Приведённые примеры являются интеръязыковыми лакунами в русском языке [4, с. 117].

Сходной со сферой экономики и бизнеса является тема спорта, т.к. здесь также распространено полное заимствование терминов из английского языка, которое приводит к образованию интеръязыковых лакун в русском языке. Ярким примером являются следующие лакуны: “*jumping*” – «*джампинг*»; “*snowboarding*” – «*сноубординг*»; “*fitness centre*” – «*фитнес центр*»; “*street style*” – «*стритстайл*» [4, с. 118].

Говоря о сфере политики и обществе в целом, следует отметить, что образование интеръязыковых лакун в данной сфере в русском языке осуществляется с помощью калькирования английских терминов на русский язык и заимствований. В качестве примера можно привести следующие лакуны, пришедшие в русский язык путём калькирования: “*Star Wars*” – «*звёздные войны*»; “*serial killer*” – «*серийный убийца*»; “*political correctness*” – «*политическая корректность*», а также лакуны, появившиеся в русском языке через заимствование: “*sound bite*” – «*саунд байт*»; “*harassment*” – «*харассмент*» [4, с. 118].

Анализируя особенности проявления интеръязыковых лакун терминологического характера в системе языка, следует упомянуть о том, что помимо терминов, состоящих из слов и словосочетаний, в языке существует большая группа терминов, представляющих собой сокращения. Данному аспекту исследователи уделяют особое внимание, т.к. интеръязыковые лакуны терминологического характера, являющиеся сокращением, представляют интерес с точки зрения межкультурной коммуникации в силу сложности своего понимания и перевода на другой язык.

За последнее время тенденция образования новых терминов в одном языке и, следовательно, лакун в другом языке путём сокращения существующих слов или словосочетаний усилилась. Рост числа сокращений объясняется тем, что сложные слова и словосочетания громоздки и неудобны и, естественно, появляется стремление передать их кратко.

Среди большого числа сокращений терминов, наиболее интересными представляются следующие:

- буквенные сокращения: “*Emf = electromotive force*” – «электродвижущая сила»; “*e-mail = electronic mail*” – «электронная почта» [7, с. 90];
- слоговые сокращения: “*intercom = intercommunication*” – «интерком, система связи» [7, с. 92];
- усечённые слова: “*Ry = railway*” – «железная дорога»; “*memo = memorandum*” – «докладная записка» [7, с. 95];
- стяжение: “*frog + smoke = smoge*” – «смог» [7, с. 97].

В число интерязыковых лагун, основанных на сокращениях слов, входит большое количество фирменных наименований, которые создаются ради рекламы и закрепляются в языке. Нередко для создания фирменных наименований сознательно искажается орфография слова, что способствует возникновению лагуны в языке перевода (например, “*cheez rollz*” = “*cheese rolls*”). Также фирменное название зачастую совпадает с фамилией владельца фирмы, например, “*Energetic Shoes = Enna Jettic Shoes*” [7, с. 100].

Следует отметить, что интерязыковые лагуны терминологического характера могут встречаться как в научной, так и в повседневной литературе. В отличие от научной, повседневной английской литературе, а именно газетам и журналам, присущ ряд особенностей: наличие клише, своеобразный способ построения предложений, особенности заголовков, изобилие сокращений. Так, например, такие сокращения как: “*GOP = Grand Old Party*”; “*DD = Defense Department*”; “*Rocky = Rockefeller*”; “*Mo. = Missouri*”; “*E – W = East – West*” являются интерязыковыми лагунами терминологического характера в русском языке и требуют точного перевода для понимая их реципиентом [7, с. 108].

Таким образом, интерязыковые лагуны терминологического характера, являясь элементом межкультурного общения, играют важную роль в процессе коммуникации. Лексические инновации английского языка, технический прогресс – всё это ведёт к образованию новшеств в языке, а следовательно, к развитию лагун. Точный перевод, знание особенностей языковой системы, отслеживание технических и информационных нововведений – залог успешной коммуникации и верного понимания интерязыковых лагун терминологического характера.

Менталитет – это система своеобразия психической жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре, качественная совокупность особенностей восприятия и оценки ими окружающего мира, имеющие надситуативный характер, обусловленные экономическими, политическими, историче-

скими обстоятельствами развития данной конкретной общности и проявляющиеся в поведенческой активности [1, с. 47].

Изучение культуры народа через язык позволяет пролить свет на целый ряд проблем, связанных с менталитетом и культурой разных народов. С этой точки зрения особый интерес вызывает лексический строй языка, а именно интерязыковые лакуны, которые специфичны для той или иной языковой модели мира. Кроме того, знание и понимание национальных особенностей той или иной нации позволяет наладить действие коммуникативной функции языка, делающей возможной адекватную репрезентацию деятельности человека.

Исходя из вышесказанного, можно полагать, что интерязыковые лакуны – это элемент повседневного общения представителей разных культур, а знание национальных особенностей характера – залог успешной коммуникации.

Проведя анализ особенностей национального характера и менталитета англичан, исследователи пришли к выводу, что такие аспекты как тяга к частной жизни, культу дома, личное пространство являются основой возникновения интерязыковых лакун в языке перевода в процессе межкультурного общения.

Исследователи отмечают, что ярко выраженный индивидуализм англичан, их тяга к частной жизни “privacy” – это основа национального характера представителей английской нации. Известен случай, когда в вагоне поезда пассажир сказал соседу, что тот уронил горящий пепел на брюки, на что получил ответ: “*For the last ten minutes I have seen a box of matches on fire in your back coat pocket, but I didn't interfere with you for that!*” – «*Вот уже десять минут, как горят спички кармане вашего пиджака, но я не счёл возможным вмешиваться в ваши дела!*». Данный случай есть не что иное, как свойственное англичанам “respect for privacy” – «уважение частной жизни» [8, с. 106].

В. Овчинников, пишет, что «англичане с их щепетильным отношением к частной жизни друг друга считают телефон менее подходящим каналом общения, чем почту. Телефонный звонок может неудачно прервать беседу, чаепитие, телевизионную передачу. К тому же он требует безотлагательной реакции, не оставляя возможности продумать и взвесить ответ. Почту же получатель может вскрыть, когда ему удобно, и ответить на каждое письмо с учётом содержания других» [2, с. 4].

Широко распространённое у англичан понятие *“body distance”* – «личное пространство» – ощущается везде в Англии – в очереди, где расстояние между людьми 1-2 метра, в общественных местах, где люди произносят *“sorry”* – «извините» каждый раз, когда приближается ближе, чем на 1 метр., извиняясь, таким образом, за нарушение личного пространства [8, с. 106].

Следует отметить, что понятия *“body distance”* – «личное пространство» не существует в русском национальном характере, следовательно, данный аспект является интерязыковой лакуной для русского национального языка и соблюдение таких условностей способствует успешной коммуникации.

Интересно отметить, что дом для представителей английской нации является неким культурологическим аспектом. *“My home is my castle”*, *“There is no place like home”*, *“home, sweet home”*, – вот немногие из языковых репрезентаций значимости этого понятия для англичан. «Дом является центром вселенной для англичан. К нему стремится душа его после работы, о нём мечтает он во время странствий, им дорожит больше, чем другими ценностями», – отмечает А.В. Павловская. «К дому у англичан отношение действительно особое, трепетное. Не случайно почти все дома в Англии имеют имена, это создаёт неудобства для гостей и почтальонов, но демонстрирует очень личное, очень трепетное отношение англичан к своему жилью. Имена эти очень разные, порой трогательные, порой странные, порой очень старые. Например, «Под дубом», хотя вокруг на много миль не видно ни одного, или «У ивы», которую, видимо, срубили много лет назад, или «Кошкин дом» – а на подоконнике и впрямь сидит большая кошка, или «Приют контрабандистов» – над дверью уютного трогательного коттеджа» [8, с. 109].

По сравнению со многими народами на континенте, и в частности, с французами, которые проводят большую часть времени на публике, и, точнее, на улице, просиживая за чашкой кофе в маленьком кафе на улице, англичанин предпочитает свой дом и внутренний дворик. «Действительно, Англия – это царство частной жизни. Англичанин подсознательно стремится отгородить свою частную жизнь от внешнего мира. И порог его дома служит в этом смысле заветной чертой», – отмечает В. Овчинников [2, с. 209].

Более того, верной представляется и точка зрения о том, что на национальный характер оказывает большое влияние географическое устройство. Англичане живут на острове, отделённые от всей остальной Европы и всего мира. *“Every person is an island”* – эта «невидимая стена» окружает каждого англичанина, который как бы мысленно изолирует себя от всех окружающих [8, с. 107].

Так, подобные интеръязыковые лакуны встречаются, встречающиеся не только в устной речи, но и печатных источниках, вызывают непонимание иноязычного высказывания, ведь «У ивы» – больше походит на название какого-то заведения, чем на наименование дома англичанина.

Следует отметить, что проблема иностранцев занимает особое место в менталитете англичан. Туристы в Англии всегда восхищены любознательностью, с которой к ним относятся англичане. Однако, это, как и многое другое, особая вежливость англичан. На самом же деле, отношение к иностранцам снисходительное, хотя и прикрытое вежливой улыбкой. Отмечая что “Deep own, the English don’t really care for foreigners”, Дж. Пэкмен полагает, что “the English are great lovers of themselves, an of everything belonging to them; they think that there are no other men than themselves and no other world but English; and whenever they see a handsome foreigner they say “he looks like an Englishman” an that “it is a great pity that he should not be an Englishman” [8, с. 108].

В наибольшей степени неприязнь к иностранцам проявляется по отношению к французам и голландцам, с которыми их связывают своеобразные “love – hate relationships” и многовековое соперничество.

Ярко выраженный индивидуализм, свойственный англичанам, позволяет им дистанцироваться и от такого мощного органа контроля и управления, как государство. Достаточно известный пример, соответствующий русскому выражению «в нашей стране» является интеръязыковой лакуной в языке перевода. То есть, по английски «в нашей стране» будет “in this country”, но не “in our country”. Выразиться по английски “in our country” было бы слишком интимно и поэтому некорректно с точки зрения английского социума. Англичанин, как ярко выраженная индивидуальность, как своего рода «человек – остров», предпочитает дистанцироваться даже от своей страны. «... англичане в соответствии со своим национальным характером проявляют обычную сдержанность и в отношениях со своей родиной, называя её очень нейтрально и подчеркнуто отдалённо “this country”, – отмечает С.Г. Тер – Миасова. Интересно отметить, что дословный перевод этого выражения на русский язык придаёт ему негативный оттенок «в этой стране» [8, с. 110].

Интересным является тот факт, что если англичанин ругается, то он сопровождает это идиомами “Pardon my French”. Плохое поведение характеризуется как “Done like a Frenchman” – «уйми по английски» [8, с. 112].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что дистанционность англичан – это результат влияния географических условий, в кото-

рых проживает данный этнос. Последние формируют своеобразную «островную психологию», выражающуюся в поведенческих, ментальных, языковых проявлениях, что находит своё преломление в английском искусстве, образе жизни, традициях и, естественно, в языке.

Таким образом, вступая в процесс межкультурной коммуникации, читая литературу на английском языке, необходимо обращать особое внимание на особенности национального характера представителей этой нации, понимать интеръязыковые лакуны невербального общения. Своеобразные жесты, высказывания – это всё элементы интеръязыковых лакун, вызывающие межкультурные барьеры в общении.

Список литературы:

1. Ахманова О.С., Краснова И. Е. О методологии языка // Вопросы языкознания. – 2007. – № 6. – С. 32-48.
2. Быкова Г.В., Лакунарность как категория лексической системологии. – Благовещенск, 2009. – 357 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. язык, 2007. – 247 с.
4. Гудков Д.Б., Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / Ред. В.В. Красных. – М.: Филология, 2007. – Вып.1. – С. 114-127.
5. Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. – 2009. – № 7. – С. 136-146.
6. Сорокин Ю.А., Теория лакун и оптимизация межкультурного общения. – Барнаул, 2007. – 183 с.
7. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: ВШ, 2006. – 196 с.

Секция 9

***СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ***

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ИНТЕРЬЯЗЫКОВОЙ ЛАКУНАРНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Ачкасов А.В.¹

Муниципальное собрание района Люблино, г. Москва

Лакунарность, как феномен языковой системы, обнаруживается практически во всех языках мира и тем самым является элементом межкультурной коммуникации. Значимости данного феномена не иссякнет никогда в силу развития и совершенствования общества, дающего жизнь и развитие лакун.

В статье рассматривается национально-культурный и исторический компонент интерязыковой лакунарности, а именно: традиции, уровень культуры, повседневное поведение, «национальная картина мира», художественная культура.

Делается вывод о том, что национально-культурные и исторические компоненты интерязыковой лакунарности играют важную роль при общении. Ведь, вступая в контакт с «чужой» культурой, инокультурным текстом, реципиент осознанно и неосознанно оценивает её в «кодах» своей культуры.

Ключевые слова: лакуна, национально-культурный и исторический компонент, языковая система, межкультурная коммуникация.

Понятие «лакуна» – это феноменальное явление современной лингвистической теории, вызывающее споры исследователей о природе своего возникновения и существования в языке и культуре.

«Заусеницы», которые задираются в процессе межкультурной коммуникации», – так определяет российский философ, один из исследователей интерязыковой лакунарности Г.Д. Гачев понятие «лакуна» и отмечает, что залогом успешной коммуникации между представителями различных лингвокультурных сообществ является владение общим языковым и социокультурным кодом [3, с. 35].

Однако, контактируя с чужой культурой, реципиент интуитивно воспринимает её через призму своей локальной культуры, вследствие чего неизбежно

¹ Депутат.

возникает различной степени непонимание. Указывая на тесную взаимосвязь лексического значения с культурой народа, Н.Г. Комлев отмечает значительный удельный вес культурного компонента в значении слова [7, с. 20].

В научной литературе можно обнаружить разнообразные понятия, термины, фиксирующие расхождения в языках и культурах в целом: от сугубо научных и точных (безэквивалентная лексика), до менее чётких – тёмные места, заусеницы.

В зарубежной литературе известны попытки таких исследователей как Ж.П. Вине, Ж. Дарбельне, Н. Мунен зафиксировать расхождения в языках и культурах с помощью термина “gar” – «пробел». В отечественной науке наибольший интерес представляют попытки описания таких расхождений с помощью понятия «лакуна».

Различные направления современной науки о языке занимаются изучением данного специфического явления. Так, например, этнопсихолингвистика изучает особенности поведения людей, принадлежащих к разным лингвокультурным общностям, и рассматривает лакуну как несовпадение в формировании языковой картины мира вследствие различных поведенческих особенностей той или иной нации.

Впервые в научное употребление термин «лакуна» ввели канадские лингвисты Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне. Учёные определили лакуну как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» [9, с. 67].

В отечественной лингвистике теорию лакун развивали такие исследователи как Г.А. Антипов, Г.В. Быкова, Е.М. Верещагин, О.А. Донских, В.И. Жельвис, И.Ю. Марковина, З.Д. Попова, С.Г. Тер-Минасова, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин.

Жельвис В.И. считает, что «лакуна – это то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других не сигнализируется, то есть не находит общественно закреплённого выражения» [4, с. 136]. Так же в соавторстве с И.Ю. Марковиной он толкует это понятие следующим образом: «... под лакунами подразумеваются несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур» [4, с. 137].

Две национальные культуры никогда не совпадут из-за того, что каждая из них имеет собственные национальные и интернациональные компоненты [2, с. 10].

Процесс общения между представителями разных культур – это встреча реципиентов с элементами чужой, незнакомой и непонятной культуры. Начиная коммуникативный акт, реципиент получает информацию о расхождении на языковом уровне двух локальных культур и успех общения будет зависеть от собственного опыта человека или степени его знакомства с данной культурой.

Нормы «своих» ценностей нельзя применять к иным национальным характеристикам в ситуации межкультурной коммуникации. Суждениям и действиям в «чужом» этносе должна предшествовать компетентность в области морально – этических и культурных правил этого этноса, их корнях, этнокультурных отличиях и о последствиях их игнорирования [8, с. 109].

Несовпадение, различие картин мира, мировоззрений сплошь и рядом является источником непонимания, напряжённости, конфликтов в повседневной жизни, религии, политике. При отсутствии лингвистических барьеров именно национально-культурные и исторические расхождения могут стать препятствиями, получившими названия лакуна, в межкультурном общении.

Историческая память в своих различных проявлениях служит источником разного понимания одних и тех же явлений и одним из основных барьеров межкультурной коммуникации. Поскольку историческое сознание гетерогенно, то у разных социальных групп и индивидов осознание исторического прошлого опыта будет происходить по-разному. Влияние социальных интересов на этот процесс может быть столь различно, что детерминация прошлым может оказаться крайне неожиданной. Так, многие сторонники «возрождения корней» собственной культуры часто не подозревают, что обращение к прошлому также чревато варваризацией. «Красные» и «белые», «западники» и «почвенники» являются столь различными носителями исторической памяти, что между ними пролегает глубокая пропасть непонимания и исторической вражды [8, с. 115].

Естественно, что узуальный опыт носителя некоторой культуры изменится в процессе своего развития, из чего следует, что культура в разные эпохи не совпадает. Например, исследователь Р.А. Будагов отмечает, что современники У. Шекспира никогда не жаловались на «тёмные места» в его произведениях и лишь гораздо позднее эти места стали нуждаться в лингвистических комментариях. Следовательно, носители некоторой лингвокультурной общности оказываются не в состоянии понять не только слова, реалии, но и поведенческие нормы, относящиеся к предшествовавшему этапу развития его культуры [8, с. 117].

Неоспоримым является факт того, что непонимание и вражда между представителями разных культур – это результат незнания и непонимания национально-культурных особенностей разных культур.

Верещагин Е.М. и Костомаров В.Г., занимаясь изучением лакун, пришли к выводу о том, что расхождения в лексическом фоне тождественных в понятийном отношении слов могут стать причиной нарушения коммуникации. Следствием расхождения лексического фона таких слов может быть неадекватное понимание текста, а также неадекватная реакция (поведение) на ту или иную ситуацию в незнакомой культуре [2, с. 29].

Именно из-за отсутствия фоновых знаний об исходной локальной культуре у носителей языка перевода переводчики нередко отказываются от вполне возможной дословной передачи некоторых фрагментов художественного текста, чтобы не задерживать внимание читателя языка перевода примечанием, нетрадиционным сравнением в тех случаях, когда такая ретардация не предусмотрена автором. Например, нетрадиционное для русского языка английское сравнение “*wide as a bed stat*” в тексте перевода заменяется русским «*широкая, как лопата*». Будучи переведённым дословно «*широкая, как перекладина кровати*», такое сравнение показалось бы русскоязычному реципиенту странным и не очень понятным, т.к. в русском языке нет такого высказывания и не известно какими бывают перекладины у кроватей в США [2, с. 56].

Исследователь Л.С. Бархударов так же отмечает разницу в понятийном объёме слов двух языков. Так, пользуясь терминами «объединяющее» и «объединяемое», он сопоставляет национальный объём понятий «*масло*» в русском языке и “*oil*” и “*butter*” в английском: не связанные между собой английские понятия “*oil*” и “*butter*” соответствуют «объединяющему» русскому понятию «масло». При этом английское “*oil*” является «объединяющим» для некоторого множества, элементы которого не имеют компактного «объединяющего» русского понятия [1, с. 110].

Ряд исследователей отмечают, что наиболее ярко национально – культурные компоненты языка проявляются через эмоции, жесты, используемые представителями разных культур. По-разному «прочитываются» в культурах одни и те же позы, а также мимические знаки эмоционального состояния. Ярким примером межкультурного непонимания стала ситуация, связанная с Н.С. Хрущёвым. Когда в разгар холодной войны Н.С. Хрущёв приехал в США, он приветствовал представителей прессы, потрясая сцеплёнными над головой руками в знак дружбы между народами. Американцы

интерпретировали этот жест в соответствии со своими культурными установками как символ победы, поэтому пресса истолковала смысл жеста как намерение СССР одержать верх над США [10, с. 167].

Эмоции и эмоциональные оценки в своей непосредственности наиболее чутко реагируют на культурные различия. По мнению В.И. Шаховского, «эмоционально-культурные концепты, будучи национальными по духу, часто непередаваемы на другие этнокультурные планеты, что и объясняет их лакуарность. Эта лакуарность ощутима как в сфере человеческих эмоций, так и в способах и средствах их выражения» [11, с. 80]. Ярким примером этого являются следующие лакуны: *I'll eat my boots.* / *Даю голову на отсечение.*; *Not room to swing a cat.* / *Яблоку негде упасть.*; *Under the rose.* / *По секрету, тайком* [11, с. 81].

Взаимодействие разных культур всегда сопровождается эмоциональными модальностями, и знание культурно-вариативных правил этих модальностей речевыми партнёрами непосредственно влияет на эффективность их общения. Так, например, у всех американцев доминирует патриотизм, гордость за свою страну, чувство превосходства над другими народами, которые не всем нравятся, но которые необходимо учитывать в общении с ними во избежание «эмоционального удара» по ним или от них [11, с. 85].

Принимая во внимание всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что к национально-культурным и историческим компонентам интерязыковых лакун можно отнести следующее:

1. Традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи и обряды;
2. Бытовой уровень культуры;
3. Повседневное поведение, а также связанное с ним мимический и пантомимический коды, используемые носителями данной лингвокультурной общности;
4. «Национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира; национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;
5. Художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Таким образом, национально-культурные и исторические компоненты интерязыковой лакуарности играют важную роль при общении. Ведь, вступая в контакт с «чужой» культурой, инокультурным текстом, реципиент осознанно и неосознанно оценивает её в «кодах» своей культуры. Этим за-

кладывается основа для неадекватного распредмечивания специфических особенностей «чужой» культуры, которые могут быть либо неадекватно интерпретированы реципиентом, либо вовсе не поняты. Поэтому, вступая в контакт с представителем другой культуры, и во избежание коммуникативных барьеров, необходимо знать и понимать его исторические ценности и национально-культурные особенности. На ряду с этим, для полного понимания иноязычного высказывания необходимо уметь различать виды и типы лакун.

Лакунарность – это явление поистине феноменальное: с точки зрения семиотики лексическая лакуна – это означаемое при отсутствии означающего в виде однословного наименования (нулевая лексема, лексический нуль); в аспекте семасиологии – нематериализованный фонетически и графически некоторый конструкт (концепт), набор семем, лишенный своего формата; с оппозиций ономасиологии – идеальное содержание, предшествующее его объективации в новом слове; в ракурсе системы языка – это естественная, незаполненная ниша в его лексическом ярусе, брешь, провал в семантическом пространстве языка (системная, потенциальная лакуна); с точки зрения межкультурной коммуникации – отсутствие в языке по тем или иным причинам общеупотребительной лексемы для обозначения информации, обобщенно отражающей внеязыковую действительность, т.е. для наименования коммуникативно значимых понятий или предметов (коммуникативные лакуны), причины появления которых лежат за пределами самого языка и обусловлены влиянием экстралингвистических факторов – традициями, культурой, обычаями, историческими условиями.

Принципиально важным является разделение лакун на лингвистические и экстралингвистические (культурологические). Промежуточное положение занимают лингво-культурологические лакуны. Лакуны, выявляемые при сопоставлении языков или единиц внутри языка, называются языковыми, или лингвистическими: они и обнаруживают расхождения (пустоты, бреши, пробелы, провалы) между единицами сопоставимых языков (межъязыковые лакуны) или единицами (реальными и потенциальными) внутри одного языка (внутриязыковые лакуны). Предметом внимания в данном исследовании являются в основном межъязыковые (интеръязыковые) лакуны.

Национально-культурные и исторические компоненты интеръязыковых лакун играют важную роль при общении. Ведь, вступая в контакт с «чужой» культурой, инокультурным текстом, реципиент осознанно и неосознанно оценивает её в «кодах» своей культуры. Этим закладывается основа для неадекватного распредмечивания специфических особенностей «чужой» куль-

туры, которые могут быть либо неадекватно интерпретированы реципиентом, либо вовсе не поняты. Поэтому, вступая в контакт с представителем другой культуры, и во избежание коммуникативных барьеров, необходимо знать и понимать его исторические ценности и национально-культурные особенности. На ряду с этим, для полного понимания иноязычного высказывания необходимо уметь различать виды и типы лакун.

Список литературы:

1. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Вопросы языкознания. – 2009. – № 1. – С. 108-110.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. язык, 2007. – 247 с.
3. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира. – Новосибирск, 2007. – 180 с.
4. Жельвис В.И., К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально – культурная специфика речевого поведения. – 2009. – №7. – С. 136-146.
5. Жельвис В.И., Марковина И.Ю. Опыт систематизации англорусских лакун // Исследование проблем речевого общения. – М.: Наука, 2008. – 214 с.
6. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 259 с.
7. Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения. – М.: МГУ, 2007. – 238 с.
8. Маслов Ю.С. Знаковая теория языка // Вопросы общего языкознания. – 2008. – № 5. – С. 109-126.
9. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты. – М.: Наука, 2008. – 145 с.
10. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: ВШ, 2006. – 196 с.
11. Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, 2007. – С. 80-96.

Секция 10

***СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
ДИНАМИКА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
И В ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА***

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ В.Ф. РАЕВСКОГО

© Егорова И.Д.¹

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

В статье рассматриваются особенности словоупотребления и характерные стилистические приемы, свойственные лирическим стихотворениям В.Ф. Раевского, выявляется связь основных мотивов его романтических произведений с лексическим выражением.

Ключевые слова: основные стилистические приемы, поэтизмы, архаизмы, антитеза, аллитерация, метафоры, эпитеты, инверсия.

Редкий поэт не обращался к теме любви, тем более в юные годы. Однако, как отмечает П.А. Бейсов [1], эпикурейская лирика Раевского после блестящих образцов этого жанра, представленных в творчестве К.Н. Батюшкова, которому поэт подражал, казалась А.С. Пушкину безнадежно устаревшей, и отдельные поэтические находки В.Ф. Раевского не искупали в глазах Пушкина существенных недочетов его поэтической системы.

Тема любви в лирических стихотворениях Раевского раскрывается, в первую очередь, с помощью тематической лексики, а также за счет выразительных возможностей единиц всех уровней языковой системы. Часто поэт прибегает к повторам ключевых слов *любовь, страсть, наслаждение, восторг, блаженство, нега*, которые проходят через все эти стихотворения. В «Непорочности любви» чувство еще восторженно и безмятежно: «Я страстью горел / И чашу восторгов на персях девицы / При шуме перуна мгновенно испил.../ Всё смолкло, всё тихо, но нежны ланиты Шарлоты /Румянец покрыл...» [7].

Говоря о восторгах любви, автор называет ее «святою», так как «любви святой устав натуральный не есть преступленье!», поэтому юная любовь чиста, непорочна. Несмотря на то, что лирический герой «страстью горел», в его чувстве к возлюбленной много нежности, что раскрывается в повторах прилагательного «нежный» (*нежный друг, нежны ланиты*). Как и для К.Н. Батюшкова, для молодого Раевского любовь, юность и красота есть символы земной жизни, в них проявляется полнота земного бытия.

¹ Доцент кафедры Теории и методики начального образования, кандидат филологических наук.

Рисуя образ любимой, Раевский в соответствии с традицией использует поэтизмы: *ланиты, перси, лобзать, зефир, вяя, вкусить, вежды, стезя, пламенник* (поэт. устар. «факел»), *глас, возвещать*; эпитеты: *нежный* (друг), *белоснежная* (грудь), *блистающая* (заря), *сладострастный* (жар), *сладчайший* (дар) и другие; метафоры: *горел страстью, испил чашу восторгов, зефир ... перси лобзает, вкусил сладчайший дар, пламенник желаний, превратность жребия, мрачное сомнений покрывало* и другие. Эти метафорические образы, устаревшая, поэтическая лексика характерны для любовной лирики поэтов XIX века.

В «Непорочности любви» повествуется о ее начале, когда все чувства обострены, о чем свидетельствует повтор слова *восторг*: «И чашу восторгов ... мгновенно испил»; «Но, друг мой, с тобой / Мне жизнь лишь восторги, а смерть – утешенье». Герой испытывает чувство сейчас, поэтому и говорит о нем в настоящем времени: *волнует, щадят, гордится, стремится*. И что бы ни уготовила им судьба, «жизнь лишь восторги».

Стихотворение имеет подзаголовок «Идиллия», оно написано амфибрахией и представляет собой астрофический стих, в котором композиция сюжета представлена двумя частями. Первая часть – собственно идиллия – это изображение природы, грозы и описание страстных чувств влюбленных. Буря в природе и в душах героев подчеркивается изменением классического размера стиха в двух (несмежных) строках и перекрестной рифмой, мужской и женской. Кроме того, короткие, знаковые части высказываний автор выносит в середину отдельной строки (с отступом):

Туманится небо, перун загремел...
Сокрылся за тучами луч яркий денницы...
Я страстью горел...

.....
Всё смолкло, всё тихо, но нежны ланиты Шарлоты
Румянец покрыл...

Первое (бессоюзное сложное) предложение построено как хиазм с умолчанием в конце его, а также в конце второй строки, что позволяет читателю представить картину грозы. Описание внутреннего состояния возлюбленной, её чувственности, эротичности поддерживается многосоюзием *и*: «**И** локоны зефир волнует развиты/ **И** перси лобзает под дымкой сквозной. / **И** грозное небо **и** громаы щадят наслажденье». Вторая часть стиха – это обращение к любимой (*Друг нежный, Шарлота...*), размышления о любви,

оправдание любовной страсти. И в этой части поэт использует прием коротких фраз после большого отступа, чтобы подчеркнуть их значимость:

Взгляни, после бури природа гордится
Творенья красой!

Лирический герой рассматривает красу природы после бури в качестве союзника красоты любовных чувств, и автор акцентирует эту мысль логическим ударением и паузой при переносе-метафоре *гордится*, а также риторическим восклицанием. А в последних строчках своего обращения к любимой лирический герой утверждает непоколебимость в служении любви, свою преданность возлюбленной, что подчеркивается анафорой *пусть*, риторическим восклицанием, акцентированным переносом *с тобой* (в строке с большим отступом), оксюмороном *смерть – утешенье*:

Пусть снова ударит перун над головой!
Пусть небо готовит нам сильное мщенье,
Но, друг мой, с тобой

Мне жизнь лишь восторги, а смерть – утешенье.

Сильное чувство влюбленного юноши раскрывается на фоне грозы: «Туманится небо, перун загремел...». Перун – бог грозы и покровитель воинов (в индоевропейской и славяно-русской мифологии), но в качестве нарицательного существительного употреблялось как поэтический символ грозы. Хотя вокруг уже «всё смолкло, всё тихо...», гроза уже далеко – «и грозное небо и громы шадят наслажденье», ничего не угрожает влюбленным. Поэтому в этом стихотворении слова *перун*, *громы*, *буря* многозначны: они не только называют явление природы, но и одновременно подчеркивают силу страсти, не случайно слово «буря» имеет в русском языке и переносное значение «очень сильное душевное волнение» (книжн.) [8]. Однако в последних строках эти слова приобретают иной смысл – «несчастье, потрясение» [8]. В них пока предчувствие будущих бед, небо (т.е. боги) еще только готовит «сильное мщенье», а в стихотворении «Шарлоте» (Давно ли в нег утопал...) «буря» уже грянула, и поэт выражает надежду, что «буря грозная минет». В третьем стихотворении «Шарлоте» (О, если и тебе назначено судьбою...) Раевский пишет: «Беспечный, я не мог предвидеть бури бед...».

Эмоциональный план этих стихотворений подчеркивается аллитерацией: нагнетание [р] иллюстрирует смысл, выраженный словами «заг**р**емел», «бур**я**», «пер**у**н», «гроз**н**ый», «удар**и**т». Журавлев А.П. в книге «Фонетическое значение» [4] дает такую характеристику [р] – сильный, грозный, темный, тяжелый, страшный, злой, что соответствует как смыслу «сильное ду-

шевное переживание», так и смыслу «потрясение», не говоря уже о звуко-подражательной стороне этой аллитерации.

Одной из функций аллитерации является подчеркивание сходства и различия смыслов. Так, аллитерации на [р]/[р'] в этих стихотворениях противопоставлена аллитерация на [л]/[л'] в строках, повествующих о любви: «Всё смолкло, всё тихо, но нежны ланиты Шарлоты / Румянец покрыл, / И локоны зефир волнует развиты, / И перси лобзает под дымкой сквозной» («Непорочность любви»); « Давно ли в неге утопал, / Пылая страстью безмятежной? / Давно ль зари восход блистающей встречал / На груди белоснежной?...» («Шарлоте»). По Журавлеву, звук [л] – нежный, хороший, сильный, красивый, величественный. Эта положительная коннотация усиливает смыслы, выражаемые лексически. Но судьба была безжалостна к влюбленным: «Шарлота! грозен взор завистливой судьбы – / Она нас разлучила, / Не внемля голосу мольбы, / Утехи цвет скосила» («Давно ли в неге утопал...»). Поэтому о любви поэт говорит в прошедшем времени, подчеркивая анафорой «давно ли» и риторическими вопросами сожаление об ушедшей любви.

Вспоминая о любви, поэт прибегает к тем же словам *нега*, *страсть*, *утехи*. Для усиления их смысла Раевский вводит метафоры: *в неге утопал*, *пылая страстью*, *утехи цвет*; эпитеты: *безмятежная* страсть, *блистающая* заря, *грудь белоснежная*. Связь с первым стихотворением прослеживается и в употреблении синонимов *перси* – *грудь*, *денница* – *восход зари*, однако поэтизмы практически отсутствуют. Из архаизмов можно отметить слова: *нега*, *внимать*, *обитель*, *недуг*. Это объясняется изменением тональности стихотворения: от восторгов первого чувства поэт переходит к мотивам грусти и страданий, которые в тексте подчеркиваются фигурой умолчания: «Душа надеждою живет...». Умолчание сопровождается и второй риторический вопрос («Давно ль зари восход блистающей встречал / На груди белоснежной?...»). Даже риторические восклицания в этом стихотворении употребляются с умолчанием: «Разлука не страшна мечтою!...». Чувство тоски по прежним радостным дням, проведенным с любимой, подчеркивается и характером рифмы: в трех строфах она перекрестная, а в последней, четвертой, – кольцевая.

Главной темой стихотворения «Давно ли в неге утопал...» является разлука, которую послала влюбленным «завистливая судьба». Это отражается в употреблении однокоренных слов *разлука* – *разлучила*; антонимов *разлучить* – *свидеться*; *разлука* – *надежда*, которые используются для выражения противоречивых чувств героя.

В первой и второй строфе звучит печаль и страдание от разлуки, ведь судьба, «не внемля голосу мольбы, утечи цвет скосила». Метафоры («грозен взор завистливой судьбы», «утечи цвет скосила», «буря грозная минет» и др.) усиливают семантику ключевых слов. Но третья и четвертая строфы выражают надежду на встречу: «Мы свидимся с тобою – / Душа надеждою живет...». Главное – верить и сохранять верность любимому человеку: «Пусть верность будет твой закон, / Добро – путеводитель, / И спутник верных, Абеон, / Нам снова возвратит обитель».

Важную роль в раскрытии смысла этих произведений играет противопоставление слов и образов. Любовь как яркое, светлое чувство соотносится с образом утренней зари (*луч яркий денницы; зари восход блистающей; зоря безбедного дня*), судьба же, немилосердная к влюбленным, предстает в образе грозы (*грозное небо; ударит перун; перун загремел; буря грозная; бури беды; гром опасный*).

Оппозиция «любовь» – «превратности судьбы» раскрывается в лексических повторах противоположных по эмоциональной окраске слов: *наслаждение, нега, сладкий, восторги, страсть, желание, нежный*, с одной стороны, и *грозный, буря, беды, мрачный, гром, зло* – с другой. Однокоренные слова (*сладость, сладкий, сладчайший; страсть, сладострастный; мрак, мрачный; грозный, гроза; гром, греметь*), общеязыковые и контекстуальные синонимы (*перун – гром – гроза – буря – непогода; восторг – наслаждение – блаженство; жар чувства – пламенный желаний; небо – судьба – жребий – провидение*) создают семантические цепочки, расставляющие смысловые акценты, усиливающие экспрессию всего стихотворения.

Из трех произведений, посвященных Шарлоте, наиболее контрастна антитеза в стихотворении «О, если и тебе назначено судьбою...», в котором «сладости любви», «сладкий сон», «сладчайший дар неспелой жизни сей», «светлый пламенный желаний» противопоставлены иным чувствам – «тайным слезам», «мрачному томлению души», вызванным следованием «уста-вы святой природы».

Любовь не выделена в некий обособленный мир наслаждений, а связана с обширным кругом высоких ценностей человеческой жизни. Поэт убежден, что следование голосу сердца не может быть злом, в этом состоит нравственная свобода: «Не может зла творить устав святой природы. / Покорствуй ей, она ведет добра рукой / От бурь и непогод сокрытою стезей / Под кров прямой любви и нравственной свободы!» («О, если и тебе назначено судьбою...»).

В стихотворении «О милая, прости минутному стремлению...» В.Ф. Раевский опять говорит о слабости человека перед зовом любви. В последних строчках, сравнивая себя с Франческо Петраркой, называя его «Лауры пламенным певцом, Лаурой вдохновенным», Раевский отдает ему пальму первенства как поэту, но за собой, за «юным поэтом», оставляет силу чувств: «Я не могу, как он, быть изумленьем света, / Но пламенной его могу тебя любить!». В этих заключительных строках появляется кольцевая рифма в отличие от перекрестной в предыдущих. Стихотворение, таким образом, рифмованное, однако оно состоит из 13 строк. «Лишней» оказывается 5-я строка, представляющая собой парцеллят сочинительной конструкции: «О милая, прости минутному стремлению: / Желаньем движимый причину благ познать, / Могу ли, слабый, я всеильному влеченью / Природы-матери в борьбе противустать? / И чувства покорить холодному сужденье?».

Парцелляция как прием экспрессивного синтаксиса еще не была распространена в XIX веке так, как в современном русском языке, поэтому интересно отметить эту синтаксическую фигуру в данном стихотворении как средство выделения кусочка содержания. Всё стихотворение предельно эмоционально, и все пять предложений, составляющих его, являются или риторическими вопросами, или риторическими восклицаниями.

К образцам анакреонтической поэзии можно отнести и «Оду другу», в которой воспеваются радости жизни – вино, любовь, нежные девы, застольные друзья. Слово «ода» (от греч. ὕμνη – песня) в названии стихотворения скорее употреблено в его античном значении – «песня», «стихотворение». Античные филологи применяли этот термин по отношению к различного рода лирическим стихотворениям [2].

«Ода другу» написана белым (нерифмованным) стихом со своеобразной архитектурикой. Белый стих не исключает ритмико-мелодической структуры произведения: превалирующий размер стихотворения – амфибрахий с перекрестными женскими и мужскими окончаниями в конце строк, однако такой порядок окончаний и размер стиха иногда нарушаются.

Ода содержит 6 строф, из которых первые четыре построены одинаково: каждая строфа состоит из 5-ти строк разной протяженности и разного местоположения. С начала строки на листе начинается самая длинная в строфе 4-я строка (от 6-и до 8-и слов), в которой и наблюдается перебой размера. С довольно большим отступом располагаются 1-я, 2-я и 5-я строки (от 3-х до 6-и слов). С еще большим отступом в середину стиха вынесена самая короткая в строфе 3-я строка из трех слов.

Такая разнострофная организация оды объясняется композицией сюжета. Стихотворение состоит из двух частей, содержащих разные микротемы. В первой части поэт обращается к другу с пожеланиями радоваться жизни, любовным утехам, веселиться с друзьями, пока не прошла молодость, – ведь «годы как миг пролетят». И в каждой из четырех строф этой части ключевыми выразителями содержания являются самые короткие строки по центру стиха: «Здесь всё ненадолго...»; «И злато рекой...»; «И дева прелестна»; «Сонм юношей резвых...».

Вторая часть представляет собой обращение-предупреждение об опасности стать «жертвой страстей», пожелание избежать «гордости с пороком», выбрать в качестве жизненных ориентиров «свободу и совесть», следовать разуму, который «превыше ничтожных сует». В этой части ключевые строчки – «Душа унывает...»; «А разум нас высит».

Большая часть слов первой половины стихотворения имеет положительную коннотацию (*лоно ласкательной неги, душистые цветы, радости, фортуна лелеет, любви сладострастный огонь, ложе восторгов, роскошные столы* и др.), так как в этих строфах говорится о чувственных удовольствиях, к которым стремятся юноши. Однако вторая часть окрашена в унылые, мрачные тона, что создается концентрацией лексем: *страшился, жертва страстей, тьма, померкнет, сумрак, унывает, мрак*. Беззаботная жизнь быстротечна, о чем говорят тесно связанные по смыслу слова и метафоры: *ненадолго, спеши, годы как миг пролетят, рукою беспечной срывать, заря безбедного дня*.

Анакреонтика в целом была чужда творчеству Раевского. Поэтому праздная жизнь в череде удовольствий в «Оде другу» названа «ничтожными суетами», душа «унывает, когда не стремится ко благу прямою и верной стезей».

Встречающаяся во многих лирических стихотворениях В. Раевского оппозиция *заря* (денница) – *мрак* присутствует и в этой оде. Радость, удовольствия сравниваются со светом зари, который, в свою очередь, ассоциируется с золотом: «И злато рекой / Лиется в обитель твою зарею безбедного дня...». Золото часто рассматривалось как символ жизненной энергии, удачи, солнечного света, отсюда повторы однокоренных слов (*злато, златой*) в первой части стихотворения. Тема света, огня раскрывается в ключевых словах *заря, денница, златой, злато, искра, пылает*. Но золото может быть и символом духовного опустошения, тщеславия [6, с. 224], что видно из следующих строк: «Да гордость с пороком / Тебя не коснется во тьме под видом змеи золотой...».

Хотя данное произведение не является одой в традиционном понимании этого термина, но нельзя не отметить в нем обилие славянизмов и архаизмов, которые сосредоточены в первой части, повествующей о радостях жизни: *нега, лоно, златой, ланита, яствы, сонм, стезя, благо, денница, дева, лелеать, лиется* и другие. В этой же части сконцентрированы метафоры (*лоно ласкательной неги, злато рекою лиется...зарю безбедного дня, ланиты и сердце пылают любви сладострастным огнем, ложе восторгов, клубится алмазной струей*), эпитеты (*белолилейный, златой, ласкательный, душистый, роскошный, резвый*), что мотивировано изображением беспечной жизни в вихре удовольствий.

Во второй части поэт говорит о ведущей роли жизни духовной, к которой человек и должен стремиться «прямою и верной стезей». Здесь тоже встречается устаревшая лексика, но в значительно меньшем объеме (*благо, стезя, высит, прах*). Интересно, что если в первой части употребляется старославянизм *злато, златой*, то во второй – восточнославянский вариант *золотой*, что лишает слово высокой окраски. Раевский дает наставление другу:

Жизнь наша есть искра во мраке –
 Пылает душою она,
 А разум нас высит
 Превыше ничтожных сует к Источнику жизни миров
 И прах сотрясает земной!

В последних строках можно отметить повторение ключевых смыслов: *искра – пылает; высит – превыше; ничтожные суеты – прах земной; душа – Источник жизни миров*. Под последним понимается Дух, духовное бытие, свидетельство чему мы находим в стихотворении «Бог» Г.Р. Державина: «Тебя душа моя быть чае, / Вникает, мыслит, рассуждает: / Я есмь – конечно есть и ты!.../ Твое создание я, создатель! / Твоей премудрости я тварь, / Источник жизни, благ податель, / Душа души моей и царь!».

Использует автор и другие средства выразительности. Так, дважды встречается перенос части предложения из одной строфы в другую как экспрессивный прием, когда оставшаяся в предыдущей строфе или перенесенная в следующую строфу строка выделяется семантически, получает дополнительную смысловую нагрузку.

 Душа унывает
 Когда не стремимся ко благу прямою и верной стезей,
 Свобода и совесть твой путь.

Исследователи отмечают, что «интонационно-синтаксическое течение строфы властно диктует и границу предложения, и размещение его частей. Почти никогда предложение не переходит из одной строфы в другую; на этом фоне редкие случаи рассчитанного межстрофичного переноса служат сильным выразительным средством» [5, с. 388].

Анакреонтика в целом была чужда творчеству В. Раевского, однако в его ранних лирических стихах (элегиях, идиллиях) присутствуют эти мотивы. Для выражения сердечных переживаний употребляются традиционные поэтизмы, архаизмы – лексические (например, *денница*, *пламенник*, *лани-ты*), семантические (*жребий* – судьба, участь; *устав* – установившийся порядок жизни, поведения), словообразовательные (*предчувство*, *воздремал*, *противустать*) и грамматические (*в безвестну даль*, *нежны ланиты*, и *локны зефир волнует развиты*).

Метафорическое словоупотребление выступает как один из ведущих принципов лексико-семантической организации стихотворений. Метафоры и близкие к ним по функционированию сравнения придают эмоционально-экспрессивную окраску нейтральным единицам контекста. Практически во всех стихотворениях Раевский прибегает к антитезе отдельных слов и целых образцов, умело используя общеязыковые и индивидуально-авторские антонимы.

Употребление повторяющихся словосочетаний и слов-образов (заря, буря, перун, гром, мрак и др.), переходящих из одного стихотворения в другое, характерны для всего творчества поэта, хотя их выбор определяется содержанием произведения и его жанром. За этими повторами закрепляются определенные ассоциации, которые раскрываются в совокупности смыслов всех стихотворений. Данные слова-образы могут использоваться и в прямом значении, но чаще на их основе создаются метафоры. Помимо словесных повторов нужно отметить корневые и синонимические, с помощью которых акцентируется главная мысль произведения. Эти черты поэтического стиля В.Ф. Раевского прослеживаются во всех его произведениях, независимо от жанровой принадлежности [3].

Список литературы:

1. Бейсов П.С. В.Ф. Раевский // История русской литературы: в 10 т. Т. VI. Литература 1820-1830-х годов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
2. Бродский Н.Л. Ода // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. Т. 1. А-П. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – Стб. 525-528.

3. Егорова И.Д. Особенности словоупотребления в стихотворениях В.Ф. Раевского // Известия Смоленского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 66-75.
4. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – С. 46-49.
5. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974.
6. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. К.М. Королев. – М.: Мидгард, 2005.
7. Тексты приводятся по изданию: В.Ф. Раевский. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. – М.; Л.: Советский писатель, 1967.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – М., 1935; Т. 3. – М., 1939.

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АЛЁШИ КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

© Сараева И.В.¹

ПГУ (бывш. ПГПУ им. В.Г. Белинского), г. Пенза

Статья посвящена исследованию сравнительных конструкций как средства создания образа главного героя – Алёши Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Выявлены и проанализированы особенности функционирования сравнительных конструкций в романе: сравнение рассматривается как одно из синтаксических средств художественной выразительности, использование которого напрямую связано с особенностями мировоззрения самого Ф.М. Достоевского, выраженного через образ главного героя.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, средство выразительности, образ положительного героя, концепт «всеобщей любви», авторский голос.

¹ Магистрант 2 курса.

Сравнение – один из важных приёмов человеческого познания, логического мышления, восприятия действительности, а также одно из средств создания стилистической окраски произведения, передачи оценки, используемое автором через выбор различных по стилистическим возможностям разновидностей сравнительных конструкций.

Сравнением называется образное словесное выражение, в котором изображаемое явление явным образом уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку, и при этом в объекте сравнения выявляются новые, неординарные свойства. В результате сопоставления лиц, характеров, событий с другими объектами сравнения, изображаемое как бы конкретизируется, становится более очевидным и выразительным.

Сравнительные конструкции – конструкции, «с помощью которых некоторый предмет, признак или ситуация Р (объект сравнения – то, что сравнивается) описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации Q (стандарт сравнения – то, с чем сравнивается). Критерием сопоставления является некоторый признак Z (признак сравнения – то, по чему сравнивается), принимающий значение V (значение признака сравнения)» [2, с. 34].

В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский активно использует сравнение как одно из средств художественной выразительности (выделено и проанализировано более 400 сравнительных конструкций), в том числе как средство создания образа главного героя – Алёши Карамазова.

В основе сравнения всегда лежит субъективная эмоциональная оценка, следовательно, употребление тех или иных сравнительных конструкций в романе напрямую связано с особенностями мировоззрения самого Ф.М. Достоевского и его умением как тонкого психолога точно подметить художественные детали при описании главного героя произведения.

Наиболее частотны в романе сравнительные конструкции, выраженные 1) сравнительными оборотами с союзами *как*, *будто*, *точно* и другими: «Алеша стоял, смотрел и вдруг, **как подкошенный**, повергся на землю»; «Алеша вдруг вскочил из-за стола, **точь-в-точь как**, по рассказу, **мать его**, всплеснул руками, потом закрыл ими лицо, упал как подкошенный на стул и так и затрясся вдруг весь от истерического припадка внезапных, сотрясающих и неслышных слез» 2) сравнительными придаточными: «Благодарю вас, что направили его по задам и он попался ко мне, **как золотая рыбка старому дурню рыбаку в сказке**»; «Алеша, все слушавший его молча, под конец же, в чрезвычайном волнении, вдруг заговорил, **точно сорвался с ме-**

ста». Менее употребительны сравнения, выраженные творительным падежом, который синонимичен обычному сравнительному обороту: *«Такие воспоминания могут запоминаться (и это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь выступая всю жизнь как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка»* (воспоминания Алёши о матери).

Так, одним из ярких способов выражения авторского голоса в романе является образ положительного героя – Алёши Карамазова. Поэтому, создавая образ центрального героя, автор использует различные средства выражения сравнений с целью описать главные черты, определяющие характер Алёши – открытость, непорочность, искренность, человеколюбие.

Особую роль играет образ матери Алёши, Софьи Ивановны, мистически связанной с образом Богородицы: *«Он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, перед ним зажженную лампадку, а перед образом на коленях рыдающую как в истерике со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице...»*. Данное сравнение позволяет наиболее полно раскрыть христианские устремления Алёши, его решение связать свою жизнь с Богом. Сам же герой нередко сравнивается с матерью: *«Алеша вдруг вскочил из-за стола, точь-в-точь как, по рассказу, мать его, всплеснул руками, потом закрыл ими лицо, упал как подкошенный на стул. Необычайное сходство с матерью особенно поразило старика»*, поскольку именно с её образом связаны самые светлые воспоминания Алёши: он отдан ею под покров Божией Матери; он – посвященный, и на нём с детских лет почивает благодать. Частые сравнения героя с матерью позволяют понять, что религиозный строй души Алёша унаследовал именно от неё. Лексема «Богородица» в контексте неразрывно связана с образом страдальницы Софьи Ивановны. Мать становится мистически связана с Пречистой Матерью Богородицей. Поэтому в ранней юности Карамазов обнаруживает стремление уйти из суетного мира: земные страсти чужды ему. Алёша, как обычный житейный герой, уже в детстве обнаруживает незаурядные свойства будущего подвижника.

Алёша имел особый дар возбуждать всеобщую любовь: *«Я бы взял тебя, Алешка, и прижал к груди, да так, чтобы раздавить, ибо на всем свете ...*

по-настоящему ... люблю только одного тебя!» (Митя Алёше); отец, человек не способный на глубокие чувства, полюбил его *«искренно и глубоко и так, как никогда, конечно, не удавалось такому, как он, никого любить...»* (сравнения показывают сильную душевную привязанность Фёдора Павловича к младшему сыну).

Более детально образ Алёши раскрывается через восприятие героя другими персонажами, которые видят в герое «божье начало», а потому нередко в их характеристике Алёши даются сравнения, заключающие концепт всеобщей любви героя ко всему живому на земле: *«И приличнее тебе будет у монахов, чем у меня, с пьяным старикашкой да с девчонками ... хоть до тебя, как до ангела, ничего не коснется»* (Фёдор Павлович об Алёше); *«Вы ничего не наделали, вы действовали прелестно, как ангел»* (Хохлакова об Алёше); сравнения, раскрывающие Алёшу как «божьего человека», способного спасти чужие души от нравственного падения и наставить на путь просветления: *«Напротив, вы поступили как ангел, как ангел, я это тысячи тысяч раз повторить готова»* (Хохлакова и Lise об Алёше); *«Да ведь я низкая, я ведь неистовая, ну, а в другую минуту я, бывало, Алеша, на тебя как на совесть мою смотрю»* (Груша об Алёше); *«И ты пошел по задам? О боги! Благодарю вас, что направили его по задам и он попался ко мне, как золотая рыбка старому дурню рыбаку в сказке»* (Митя об Алёше); *«я к вам теперь как к моему отцу ... потому что мать тут совсем не идет... Ну, все равно как к старцу Зосиме на исповеди, и это самое верное, это очень подходит»* (Хохлакова Алёше). Сравнения Алёши с ангелом, совестью, опытным старцем, золотой рыбкой в тексте романа не случайны: они являются важным средством создания образа человеколюбца, всеобъемлющая любовь которого «не есть какое-то расплывчатое физиологическое добродушие; она исходит из духовной связи его со всем миром и особенно со всеми людьми в добре, объединяющем мир с Богом» [3, с. 192].

Сравнительные конструкции часто встречаются в речи и мыслях Алёши, характеризую персонажей, с которыми он сталкивается: *«Но вы смеетесь как маленькая девочка, а про себя думаете как мученица»* (Алёша о Lise); *«Она глядела как дитя, радовалась чему-то как дитя, она именно подошла к столу, «радуясь» и как бы сейчас чего-то ожидая с самым детским нетерпеливым и доверчивым любопытством»*; *«И однако же, этот выговор и интонация слов представлялись Алеше почти невозможным каким-то противоречием этому детски простодушному и радостному выражению лица, этому тихому, счастливому, как у младенца, сиянию глаз!»*

(Первая встреча Алёши с Грушей); «... улыбнулся вдруг Иван, совсем **как маленький кроткий мальчик**» (Разговор Алёши с Иваном); «Господа, милые мои господа, будем все великодушны и смелы, **как Илюшечка**, умны, смелы и великодушны, **как Коля** (но который будет гораздо умнее, когда подрастет), и будем такими же стыдливými, но умненькими и милыми, **как Карташов**» (Разговор Алёши с детьми). В данном случае через отношение Алёши к другим героям романа можно проследить особенности его мировосприятия: он старается видеть в людях только положительное начало, что и делает его «юным человеколюбцем».

Подчёркивает главные черты характера Алёши – открытость, искренность, детскую наивность и чистоту помыслов авторское сравнение героя с ребёнком: «Алеша взглянул было на него, открыв свое распухшее от слез, **как у малого ребенка**, лицо, но тотчас же, ни слова не вымолвив, отвернулся и снова закрылся обеими ладонями».

Описывая мысли главного героя, автор нередко обращает внимание на светлые, чистые намерения Алёши, сравнивая его мысли с небесным светиллом: «Обрывки мыслей мелькали в душе его, загорались, **как звездочки**, и тут же гасли, сменяясь другими, но зато царило в душе что-то целое, твердое, утоляющее, и он сознавал это сам».

В Алёше соединяются два типа житийного героя: он чувствует высокое предназначение с детства и обращается к Богу и предается подвижничеству после многих испытаний. В раскрытии образа Алёши важным является понимание образа старца Зосимы, духовная связь с которым помогает Алёше преодолеть земные искушения: «В чудесную силу старца верил беспрекословно и Алеша, точно так же, **как беспрекословно верил и рассказу о вылетавшем из церкви гробе**». Данное сравнение отражает непоколебимую твёрдость духа, верность христианским идеалам Алёши.

Таким образом, сравнения в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского являются одним из средств создания образа Алёши Карамазова, в котором воплотились жертвенная любовь к близким и духовное единение с Богом. Сравнительные конструкции, составляющие структурно-семантическое поле данного антропонима, заключают концепт всеобщей, «всеобъемлющей» любви героя ко всему живому на земле.

Используя сравнительные конструкции как синтаксическое средство выразительности, Ф.М. Достоевский раскрыл образ главного героя произведения – Алёши Карамазова, являющегося ярким способом выражения авторского голоса в романе.

Список литературы:

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Издательство «АСТ», 2001. – 463 с.
2. Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. – М.: Языки русской культуры, 2007.
3. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
4. Черемисина М.В. Сравнительные конструкции в русском языке. – Новосибирск: НГУ, 1976.

Секция 11

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «МЕНТАЛИТЕТ»

© **Абильдинова Ж.Б.**¹

Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева,
Киргизия, г. Бишкек

В статье раскрывается значение понятия «менталитет», а также схожего с ним понятия «ментальность», приводятся различные трактовки данных терминов. Автором предпринята попытка рассмотреть содержание данных понятий в тесной взаимосвязи друг с другом и в тоже время конкретизировать их. Важным в определении понятия «менталитет» оказывается его связь с языком, историей и культурой народа.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, этнический менталитет, мировоззрение, архетип, язык, история, культура, концепт, концептосфера.

В последние несколько десятилетий в современной лингвистике наблюдается интерес к проблемам национальной языковой личности, языкового сознания, языковой картины мира и этнического менталитета. Возросший научный интерес к данной проблематике обусловлен как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Стремительный рост глобализации, развитие интенсивных межкультурных и межэтнических контактов, возрастание роли национального самосознания, вызванного геополитическими изменениями конца XX века – факторы, которые побудили лингвистику к переходу на антропоцентрическую парадигму исследования, т.е. на изучение языка в тесной связи с человеком, его этнической принадлежностью, сознанием, мышлением, и духовно-практической деятельностью. В этой связи З.К. Дербишева отмечает, что с активизацией антропоцентрического и этнолингвистического вектора исследований в современном языкознании язык стал рассматриваться как ментальный «портрет» этноса, который эксплицирует его языковое мировосприятие, вербально аккумулирует духовный и материальный опыт народа [1, с. 4].

В процессе межкультурного и межэтнического общения жизнь и культура других народов рассматривается сквозь призму культуры, традиционных установок и ценностных ориентаций своего этноса, поэтому важно учитывать особенности психологического склада, мышления, образа мыс-

¹ Докторант кафедры Общего и русского языкознания, кандидат филологических наук.

лей, т.е. их менталитет. В этой связи представляется важным изучение менталитета как одного из ключевых понятий культуры, которое отражает исторический опыт, мировосприятие, ценностные установки, а также модели поведения, присущие членам конкретной этнической общности.

Если говорить о истоках возникновения термина «менталитет», то они возникли в 20-30 гг. XX века на Западе, во французской школе «Анналов», представленной именами А. Лефевра, Ж. Ле Гоффа, Л. Февра, М. Блока, Ж. Дюби, и др. В 1921 г. французский психолог и этнограф Леви-Брюль в книге «Первобытный менталитет» применил данный термин для описания «пралогического мышления» древних людей.

Термин «менталитет» относится к интернациональной лексике и происходит от латинского слова *mens* (*mentis*), которое означает «мышление, образ мыслей, разум, ум, интеллект». В словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой менталитет определяется как «осмысление мира, прежде всего с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями, тесно связанными с традициями, настроением, чувством» [2, с. 350]. В западных языках термин менталитет имеет широкий круг значений, что объясняется существованием давней научной и философской традиции. Так, в Универсальном словаре немецкого языка Duden, слово *Mentalität* трактуется как: «склад ума», «особый вид мышления», «характер чувств» (перевод наш – Ж.Б.). [3].

Словарные дефиниции менталитета дополняют различные определения российских и казахстанских ученых, осуществляющих теоретический анализ специфики менталитета как научного понятия. Так, по определению российского ученого И.Г. Дубова, «менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику реагирования на него» [4, с. 21]. По мнению Э.Д. Сулейменовой и Н.Ж. Шаймерденовой, «менталитет – особенности индивидуального и общественного сознания людей, их жизненных позиций, культуры, моделей поведения, обусловленные социальной средой, национальными традициями, складом ума, мировосприятием» [5, с. 15]. Как следует из приведенных выше определений, принципиально важным является рассмотрение менталитета как сложного, многогранного проявления психической деятельности субъектов, включающую как когнитивную область сознания (то есть знания, воззрения, которыми обладает данная общность людей), так и иерархию ценностей, стереотипы мышления и поведения людей. Осознание

человеком своего места и роли в окружающем мире, способность оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными установившимися в социуме нормами и образцами поведения – свидетельствует о том, что менталитет носит сознательный характер. Вместе с тем менталитет включает и другие психические элементы – архетипы коллективного бессознательного, лежащие в основе коллективных представлений, неосознаваемые, естественные для данного этноса ценностные ориентации, поведенческие реакции, эмоции, ассоциации, а также национальные образы культуры. Согласно К. Юнгу, архетипы как когнитивные образцы не только лежат в основе образов, всплывающих в сознании, но и задают их последовательность [6]. Так, мы склонны утверждать, что менталитет несет на себе архетипический отпечаток прошлого, который выражается в коллективных представлениях, мифах, религиозных верованиях и обрядах, нормах морали и права и др. феноменах культуры.

Менталитет как бессознательная способность мироощущения складывается на основе этнической картины мира. Этническая картина мира представляет собой особым образом структурированное представление о мироздании, характерное, для членов того или иного этноса, которая, с одной стороны, имеет адаптивную функцию, а с другой – воплощает в себе ценностные доминанты, присущие культуре данного народа [7, с. 295]. Это представление о мире выражается через мифологию, литературу, философию, идеологию, традиции. Оно проявляется через поступки людей, представителей данной культуры, выражаясь также через, стереотипы поведения и мышления. Большое значение в этнической картине мира несет противопоставление на «свое» и «чужое». Именно противопоставление «своего» и «чужого» обнаруживает социальные, культурные и этнические различия.

Этническая картина мира как ментальная структура, которая конструируется человеческим сознанием в процессе взаимодействия субъективного мира с реальностью, «проецируется» в язык, а если быть точным, в его семантику, поэтому функционирование и реализация менталитета, не возможны без языка. Язык, будучи продуктом и орудием культуры, отражает сознание коллектива, способствует воспроизводству менталитета и обеспечивает идентификацию этноса. Размышляя о менталитете как научном феномене, о его взаимоотношении с языковыми явлениями, И.Г. Дубов отмечает: «Отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценки этих явлений достаточно полно зафиксированы в языке, который является в силу этого одним из объектов анализа при изучении менталитета.

Кроме специфики связей между элементами языка, отражающей отношение людей к окружающему миру, особое внимание привлекают здесь различия в значениях, которыми в разных культурах наполняется одно и то же понятие (например, демократия). По существу, эти различия применительно к этносу в целом являются различиями в социальных смыслах этого понятия для тех или иных обществ» [4, с. 21-22]. «В этническом менталитете – пишут Г.Н. Билялова и А.А. Акишев – главную значимость имеет язык в контексте двух ипостасей как результат культурного творчества и как знаковая система, общезначимая для этноса, обеспечивающая функционирование общества и общение между этнофорами (представителями этноса – Ж.Б.)» [8, с. 7]. По мнению М.А. Хакуй, язык общества является важным каналом трансляции менталитета, так как структуры языка небезразличны к содержанию передаваемой на нем информации [9, с. 8]. В настоящее время в лингвистике разрабатывается понятие языкового менталитета, под которым понимается соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением.

Менталитет формируется в процессе исторического развития нации и обладает стабильностью и устойчивостью, что не раз подтверждалось в эмпирических исследованиях. Между тем устойчивость менталитета относительна: в результате исторических событий или перемен он может изменяться и трансформироваться. Качественные изменения в структуре менталитета не могут регулироваться членами общества, они происходят спонтанно, под воздействием факторов, связанных с социокультурными, политическими, экономическими, природно-климатическими условиями.

Наряду с термином «менталитет» в научном обиходе используется термин «ментальность». В одних работах данные термины понимаются как равнозначные и тождественные (А.Я. Гуревич, Л.А. Микешина, Л.И. Жуковская, З.К. Сабитова, А.Т. Хроленко и др.), в других подчеркивается более узкий, направленный характер ментальности (Л.Н. Пушкарев, В.В. Козловский, Н.Ф. Алефиренко, Т.Б. Радбиль и др.). Так, А.Т. Хроленко рассматривает менталитет и ментальность как тесно взаимосвязанные друг с другом понятия, которые выполняют практически одинаковые функции. По мнению ученого, менталитет обнаруживается в поведении, оценках, манере мыслить и говорить, но его можно «впитать» вместе с языком. В понятие менталитета входят мировоззрение человека и коды родной ему культуры. Ментальность проявляется в повседневности, в полуавтоматическом поведении человека, т.е. понимается как понятие, которое глубже мышления, норм поведения, сферы чувств, она являет собой предрасположенность че-

ловека к действиям, воспринимается как совокупность образов и представлений определенной эпохи [10, с. 42]. Радбиль Т.Б. высказал предположение, что возможно, имеет смысл говорить о тяготении словоупотребления менталитет к значению «определенная категория сознания», а ментальность – к значению «способ реализации менталитета, совокупность определенных свойств указанной категории» [11, с. 13].

Мы рассматриваем данные понятия как родственные (близкие), т.к. и менталитет и ментальность соотносятся с когнитивной сферой, т.е. каждое из этих понятий является частью сознания человека, а вместе они образуют единую ментальную целостность. Вместе с тем, мы склонны к пониманию того, что ментальность является видовым понятием по отношению к родовому – менталитету.

В научной литературе описываются различные виды менталитета: этнический менталитет, менталитет определенных исторических эпох, менталитет личности, социальной группы, слоя, класса, этноса, региональный менталитет. Первичной формой менталитета является этнический менталитет, другие формы менталитета представляют собой конкретные модификации этнического менталитета. Этнический менталитет – «немецкий», «русский», «киргизский», «казахский» и т.д. представляет собой национально-обусловленный способ восприятия и понимания действительности, присущую этносу систему ценностей, взглядов, черт характера, совокупность когнитивных стереотипов.

Список литературы:

1. Дербишева З.К. Язык и этнос: монография. – М.:Флинта: Наука, 2017. – 256 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Издательство: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
3. DUDEN DUW – Deutsches Universalwörterbuch // Bibliographisches Institut Mannheim / Wien / Zürich; Mannheim: Dudenverlag, 1983. 1054 S.
4. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20-29.
5. Словарь социологических терминов / Отв. ред. Э.Д. Сулейменова. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 330 с.
6. Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие. – М.: Академический проект, 2004. – 624 с.
7. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М., Киев, 1997.

8. Билялова Г.Н., Акишев А.А. Менталитет и этническая память в методологическом контексте // Вестник КазНУ. Сер. Философия. Политология. Культурология. – 2014. – № 1. – С. 3-10.

9. Хакуй М.А. Лингвокогнитивные способы экспликации ментальности языковой личности Дж. Голсуорси (на материале романа «Сага о Форсайтах»): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Майкоп, 2011. – 27 с.

10. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2006. – 184 с.

11. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2010. – 328 с.

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ВЫВЕСКА-МИФОЛОГЕМА: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

© Самохвалова Л.Д.¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Статья посвящена выявлению механизмов и особенностей трансфера / трансформации смысловых импликаций мифологем в функции вывесок, обладающих свойствами текста-примитива, выводные знания которого формируются за счет приращения ассоциативного фона мифологем в новых условиях употребления и отражают особенности современного массового сознания, его когнитивные доминанты.

Ключевые слова: вывеска, текст-примитив, выводные знания, мифологема, прецедентный феномен, глубинные импликации, механизмы трансфера смыслов.

Мифологические тексты, представленные в русской культуре фольклорными жанрами поверий, сказаний, преданий, былины, сказки и др., обладают прецедентной значимостью, поддерживаемой модусной природой мифа, призванного к отражению «одного и того же, все время одного и того же смысла» [Аверинцев, 1975: 279]. Порождаемые мифологическим тек-

¹ Доцент кафедры Русского языка как иностранного и методики его преподавания, кандидат филологических наук, доцент.

стом сюжеты, образы, персонажи – «мифологемы» (К. Юнг) – входят в особый круг прецедентных феноменов, запускающих механизмы трансфера / трансформации архетипических смыслов в новых условиях употребления, в данном случае – в качестве вывески.

Использование мифологем в качестве вывески стало распространенным явлением в наши дни, что обусловлено двумя факторами. Первый фактор связан со спецификой самой мифологемы как прецедентного феномена, содержащего глубинные стереотипизированные смысловые импликатуры, отражающие характерные черты исторически обусловленного национального мышления и воссоздающие целый пласт востребованных временем ассоциаций. Второй фактор опирается на особенности жанра вывески [см. Китайгородская, Розанова, 2003:148], представляющей собой поликодовый «текст-примитив», в котором содержится «свернутая до предела программа его дальнейшего возможного развертывания», т.н. «выводные знания», что и «позволяет назвать результат речемыслительной деятельности человека текстом» [Кубрякова, 1994: 20; 2001: 79]. Вывеска обладает некоторым набором текстовых признаков: информативностью, интертекстуальностью (в условиях прецедентности), диалогичностью, интенциональностью рекламно-воздействующего характера. Вывеске, как и рекламе, присущи социальная направленность, установление контакта адресанта с массовым адресатом, максимальная оценочность в целях рекламирования. Выполняя эти функции в предельно ограниченном, «свернутом», формате, вывеска, тем не менее, остается скрытым текстом, в котором присутствуют необходимые содержательные рекламные элементы. Восприимчивость вывески, ее прагматическая функция усиливаются при использовании прецедентных феноменов, восходящих к «сильному», прецедентному тексту (В.Н. Топоров). Мифологема в такой ситуации употребления является универсальной дискурсивной единицей, знаком интертекста.

В процессе интерпретации текста-примитива прецедентной вывески, связанной в новом употреблении с нетипичным референтом, на стереотипизированные базовые значения накладываются ассоциаты, активизирующие выводные знания. Этот процесс происходит на когнитивном и функционально-прагматическом уровнях, что позволяет задействовать структуру языковой личности в качестве алгоритма выявления механизмов трансфера / трансформации смысловых импликаций прецедентных вывесок. Алгоритм анализа прецедентного феномена включает три этапа, соответствующих модели языковой личности Ю.Н. Караулова (2004), позволяя определить: 1) ин-

формацию о прецедентном феномене, восходящую к тексту-источнику, как правило, фиксированную в справочниках, словарях (вербально-грамматический / семантический уровень); 2) глубинные базовые смысловые имплицатуры, устоявшиеся в лингвокультуре (когнитивный уровень); 3) приращения-ассоциаты, возникающие в условиях употребления прецедентного феномена в качестве вывески и активизирующие ее интенцию, выводные знания. Данный алгоритм универсален и может быть применен к выявлению функционально-семантических наслоений других лингвокультурных единиц в динамике, что подчеркивается и в исследованиях Ю.Н. Караулова.

Лингвистическая семантика предполагает наличие в плане содержания языковых и речевых единиц таких составляющих, как *значение* и *смысл* [Кобозева, 2004: 13], полагаем, что прецедентные феномены в условиях дискурсивного / интертекстуального включения обладают аналогичными свойствами [см. Самохвалова, 2013: 88]. Под значением понимается «устойчивое, закрепленное за знаком содержание», «его можно *устанавливать*, затем *знать*»; под смыслом – «нечто изменчивое, нерегламентированное», его «приходится *искать*, *улавливать*, *разгадывать*, подбирать *ключи к раскрытию* и т.п.» [Кобозева, там же]. Смысл (во всем своем множестве) проявляется в конкретных ситуациях употребления какой-либо единицы «во времени», он связывает автора и читателя с его восприятием [см. Кобозева, там же]. Значение прецедентного феномена имеет как минимум две составляющие: историко-культурную информацию о нем (первый, вербально-семантический, уровень структуры языковой личности) и ядерную, устоявшуюся зону инварианта восприятия (второй, когнитивный, уровень языковой личности). Смысл же прецедентного феномена динамичен, связан с ситуацией употребления. Опора на общеизвестные фоновые знания, восходящие к мифологическим текстам, исторически задающим систему оценок и представлений, запускает в тексте-примитиве прецедентной вывески-мифологемы механизмы трансфера глубинных имплицатур, рождающих ситуативные ассоциаты, позволяющие интерпретировать текст вывески, определить ее выводные знания (уровень смысла).

В современном лингвокультурном пространстве выделяется несколько групп прецедентных вывесок-мифологем, образы которых, восходя к той или иной фольклорной традиции или жанру, отличаются схожими принципами семантической трансформации в синхроническом аспекте.

В первую, достаточно обширную, группу входят вывески, включающие образы (в том числе – бестиарии) восточно-славянской языческой мифоло-

гии, например: *Берегиня* – вывеска издательства одноименной экологической газеты, вывеска завода минеральных вод, вывеска детского сада / начальной школы; *Велес* – вывеска зоомагазина; *Макошь* – вывеска магазина вышивки, вывеска компании по уходу за детьми и обеспечению домашнего уюта; *Перун* – вывеска отеля; *Русалка* – вывеска салона красоты; *Сварог* – вывеска академии вина; *Стрибог* – вывеска кайт-клуба; *Ярило* – вывеска кафе, *Домовой* – вывеска магазина домашней утвари, *Леший* – вывеска бара и др. Референтная соотнесенность таких вывесок требует определенного анализа, ориентирована на наличие скрытых ассоциаций, связанных с глубинными импликациями мифологем.

Вторую группу образуют вывески, содержащие имена былинных героев, референтная соотнесенность таких вывесок предсказуема (номинация спортклубов), опирается на прозрачный ассоциативный фон (богатырская сила, выносливость, здоровье): *Алеши Попович* – вывеска фитнес-клуба; *Добрыня Никитич* – вывеска спортклуба; *Илья Муромец* – вывеска спортклуба, вывеска байк-клуба.

Вывески третьей группы связаны с жанром русской народной сказки (которую Ф. Буслаев также причислил к мифологическим текстам), в ней выделяются: а) вывески – прецедентные имена: *Жар-птица* – вывеска кафе; *Колобок* – вывеска кафе; *Василиса Прекрасная* – вывеска салона красоты; б) вывески – прецедентные высказывания: *Жили-были* – вывеска кафе, *По щучьему велению* – вывеска рыбного ресторана; *Тридевятое царство* – вывеска отеля; в) вывески – атрибуты прецедентных ситуаций: *Живая вода* – вывеска бара; *Молодильные яблоки* – вывеска салона красоты; *Скатерть-самобранка* – вывеска ресторана и др.

Анализ вывесок-мифологем с опорой на предложенный выше алгоритм показывает, что механизмы семантического трансфера мифологем применительно к новому референту соотносимы с тремя типами: 1) трансфер по функции, 2) трансфер по доминантному признаку-характеризации внешности, черт характера, 3) трансфер смешанного типа, когда активизируется две составляющие: с одной стороны, трансфер смыслов обеспечивается ассоциативным фоном внутренней формы слова-мифологемы, с другой – ее глубинными смысловыми импликациями.

В качестве примера семантического трансфера *первого типа* (трансфер по функциям) обратимся к анализу вывески-мифологемы *Велес*, соотносимой в современном употреблении с двумя новыми референтами: *Велес* – вывеска зоомагазина и *Велес* – *Капитал*, вывеска инвестиционной компа-

нии. Первый, вербально-семантический, уровень, связывает мифологему с древними текстами, где Велес характеризуется как языческий бог – покровитель домашних животных и богатства [см. Мелетинский, 1992: 120]. Второй, когнитивный, уровень дает представление о возможных глубинных импликатурах прецедентного имени-мифологемы, функциях его носителя, восходящих к мифологическим источникам: *защитник домашнего скота, помощник в приобретении богатства*. Третий уровень позволяет определить особенности трансфера смыслов прецедентного имени в новом референтном употреблении в качестве вывески городского объекта: 1) *Велес – вывеска зоомагазина*, устроители зоомагазина апеллировали к исконной, устоявшейся в сознании функции Велеса как *защитника домашних животных*, из чего следуют выводные знания текста вывески: «Покупайте животных только здесь, где они неуязвимы, защищены самим Велесом»; 2) *Велес – Капитал: вывеска инвестиционной компании*, сопровождается рекламным текстом: «Инвестиционная компания (Москва) работает на российском финансовом рынке с 1995 года, предоставляя частным и корпоративным инвесторам широкие возможности для сохранения и приумножения капитала (...)». Ассоциативный фон также связан с традицией, опирается на другую характерную функцию Велеса как *умножителя богатства*, отсюда мплицированный рекламный текст (выводные знания) – *Банк обеспечит вам богатство*.

Аналогичными признаками (переноса по функциям) отличается трансфер смыслов в таких вывесках, как *Макошь* – вывеска магазина вышивки, вывеска компании по уходу за детьми и обеспечению домашнего уюта (*Макошь / Мокошь* – одно из центральных женских божеств в восточнославянской мифологии, она соединяла древний солярный круг, являлась покровительницей женского начала, плодородия, брака, родов, домашнего очага, рукоделия); *Перун* – вывеска отеля (*Перун* – не только бог-громовержец, но и защитник, покровитель древних восточных славян, эта функция и доминирует в ассоциативном фоне мифологемы в указанном ее употреблении); *Стрибог* – вывеска кайт-клуба, сопровождается слоганом «Кайт весесезонен – нужен только ветер» (*Стрибог* – бог ветра, он «ярил ветрами», в такой функции упоминается и в «Повести временных лет», где ветра называют «стрибожьими внуками»).

Примером *второго типа* семантической трансформации (по характеристике) является мифологема *Леший*: вывеска кафе-бара. *Леший* в мифологии древних славян, в русских народных сказках – хозяин леса (что отражено и во внутренней форме слова, но не является доминирующим ассо-

циатом в данном употреблении), несмотря на то, что это дух-бестиария, его характеристики раздваиваются: хорошим людям он помогает в лесу, плохих губит, заставляет блуждать [Русское культурное пространство, 2004: 211]. Глубинные импликатуры мифологема *Леший* на когнитивном уровне связаны с характеристиками замкнутого, угрюмого, нелюдимого человека с бородой, как правило, живущего одиноко; человека, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с Лешим [Русское культурное пространство 2004: 211]. Трансфер смыслов мифологема *Леший* в функции вывески, ее выводные знания связаны с добавочными ассоциативными приращениями мифологема как прецедентного имени – *свободный, независимый, brutальный мужчина-одиночка*, из чего следуют выводные знания вывески бара: *Место для настоящих мужчин-одиночек, свобода дресс-кода и поведения*.

Подобным типом семантической трансформации обладают мифологема *Русалка* в качестве вывески салона красоты (осуществляется трансфер ассоциатов *красивая, загадочная, соблазнительница*); вывески-мифологема, являющиеся именами былинных богатырей – *Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец*, характеризующихся *силой, отвагой, мужеством* (вывески спортивных клубов).

Черты семантического трансфера *третьего, смешанного, типа* демонстрирует, например, мифологема *Берегиня*, соотносимая в современном городском лингвокультурном пространстве с несколькими референтами: вывеска издательства одноименной экологической газеты (1); вывеска завода минеральных вод (2); вывеска детского сада и начальной школы (3). В восточнославянской мифологии *Берегини* – божества, являющиеся хранительницами рек, водоемов, что было исторически важно, поскольку древние славяне преимущественно селились на *берегах* рек, озёр. Внутренняя форма мифологема (*'берег' / 'беречь' / 'оберег'*) этимологически обладает позитивным ассоциативным фоном и на когнитивном уровне рождает глубинные смысловые импликатуры *защитница, хранительница*. Функции *Берегини* в комплексе с внутренней формой слова и обеспечивают трансфер смыслов и выводные знания в соответствии с конкретной референтной соотношенностью вывески: *защитница, хранительница* (1) *окружающей среды*, (2) *выпускаемой заводом воды*, (3) *детей, обучающихся в данной школе или посещающих данный детский сад*.

Аналогичными признаками семантического трансфера отличаются вывеска-мифологема магазина домашней утвари «*Домовой*», вывеска бара *Живая вода*, вывеска салона красоты *Молодильные яблоки* и др.

Обращение к анализу типичных проявлений семантического трансфера мифологем в функции вывесок позволяет сделать вывод о том, что в случае трансфера по функциям (первый тип) происходит опора на стереотипизированные глубинные импликатуры мифологемы, которые и активизируют выводные знания текста-примитива вывески; во втором (трансфер по характерным признакам) и третьем (смешанном) типах трансфер опирается либо на устоявшиеся глубинные импликатуры, либо на добавочные ассоциативные приращения, также участвующие в формировании выводных знаний. Наблюдение над особенностями семантической трансформации мифологем дает представление о когнитивных доминантах современного русского лингвокультурного пространства. В ассоциативном поле прецедентных вывесок-мифологем доминируют такие импликатуры, как *чудо, защита/оберег, красота, сила, мужественность, свобода, счастье, молодость, удача, веселье*, а также *хорошая еда, домашний уют* и некоторые др., отражающие систему оценок и предпочтений массового адресата.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (Общие замечания) // *Античность и Византия*. Отв. ред. Л.А. Фрейберг. – М., 1975. – С. 226-285.
2. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / Д.Б. Гудков [и др.]. – М., 2004. – 320 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 261 с.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. – М., 2003. – С. 103-156.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. – М., 2004. – 352 с.
6. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // *Текст. Структура и семантика*. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81.
7. Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. – М., 1992. – 736 с.
8. Самохвалова Л.Д. Прецедентные феномены советской эпохи в заголовках информационного жанра современных газет (динамический аспект) // *Язык. Литература. Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания*. Сб. научных и научно-методических статей. Вып. 9. / Ред. кол. Л.П. Клобукова, Л.А. Дунаева и др. – М., 2013. – С. 85-92.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЯЗЫКА-ДОНОРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© Шкапенко Т.М.¹

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

В статье анализируется роль английского языка в процессе лингвокультурной глобализации мира. Аргументируется, что отрицание различными учеными факта трансформации этнонациональных языковых картин мира в условиях унифицирующего воздействия англоглобализмов не соответствует содержанию происходящих в данных языках внутренних процессов.

Ключевые слова: языковая глобализация, лингвокультурная глобализация, англоглобализмы, англо-американские заимствования.

Существующие в научном дискурсе дефиниции культурной, лингвокультурной, или языковой глобализации можно подразделить на две принципиально отличные друга от друга группы. В первую входят определения, описывающие глобализацию в терминах интеграции, взаимопроникновения или комплементарности компонентов различных национальных культур. Ко второй относятся определения, рассматривающие глобализацию как унификацию, указывающие, что под постулируемым сближением лингвокультурных моделей скрывается безальтернативное принятие различными этносоциумами американской модели мироустройства.

Вполне определенный ответ на вопрос о том, что же таит в себе лингвоглобализация – унификационный диктат или равноправный транскультурный обмен, может быть получен посредством использования методики case study, предписанной в качестве продвинутой формы исследования всей глобализирующейся академической среде. Заметим, что, если ранее в русском языке слово *случай (case)* сочеталось преимущественно с прилагательным *клинический*, то в англо-американской оболочке стало тяготеть к определению *научный*. Впрочем, такая трансформация вполне укладывается в тенденцию интеллектуализации, диагностируемую многими исследователями как одно из направлений воздействия английского языка.

¹ Доцент Института гуманитарных наук, кандидат филологических наук, доцент.

Проведенное нами case study содержало вопрос, который был адресован студенческой аудитории из университетов Польши, Германии, Чехии, Словакии, Австрии, Аргентины и Колумбии. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Если глобализация определяется как транскультурный обмен и взаимопроникновение различных лингвокультурных компонентов, то назовите, какие компоненты ваших национальных культур или языков подверглись глобализации и стали достоянием всего человечества».

Не нуждающийся в комментариях единообразный ответ снимал все сомнения по поводу «комплементарной» природы процесса глобализации. Конечно, исключение в одновекторной картине объединения человечества могли бы составить итальянские паста, пицца и джакузи, или японские суши, однако несколько гастро-гедонистических денотатов неамериканского происхождения вряд ли способны существенным образом изменить звездно-полосатый окрас глобальной деревни. Казалось бы, полученный в ходе case study недвусмысленный результат неопровержимым образом свидетельствует о солидарном продвижении различных этносообществ к единой, американской модели мировидения и мироустройства.

Однако, не только тайное способно становиться явным, но и, как известно, явное нередко утрачивает свойство очевидности. В трудах американских и британских лингвистов факт лингвокультурной гомогенизации (т.е. американизации) не представляется однозначным или бесспорным. Более того, ученые пытаются убедить себя и других в том, что объединительное воздействие глобального языка лишено англо-американской этнокультурной или идеологической составляющей.

В своем фундаментальном труде «English as a global language» Д. Кристал анализирует все причины (исторические, политические, культурные, коммуникационные), по которым именно английский язык стал языком глобализации. Язык глобализации характеризуется ученым как язык возможностей и действия, символ мирового духа и поиска новых смыслов, как язык – посредник, способствующий сближению культур [5]. Как «феномен мирового духа» описывает английский язык Г. Стейнер, разъясняя его привлекательность для различных этносообществ тем, что этот язык «дает ощущение надежды, материального успеха, прогресса, научных и эмпирических исследований» [7, p. 450].

Вполне оправданную национальную гордость ученых за «успешность» родного языка ограничивает рожденная в лоне англосаксонской цивилизации идея о толерантности и мультикультурализме. Движимые высокими

смыслами и идеалами, лингвисты пытаются доказать, что, выступая в роли языка-посредника, английский язык утрачивает свою этническую и культурную идентичность, становясь этнокультурно безликим, беспристрастным медиатором. Алгоритм утраты этнических черт в условиях выполнения функции посредника не разъясняется, хотя, отчасти можно согласиться с тем, что в ситуации использования языка в качестве *lingua franca* его идио-этнические черты ослабевают, примерно так же, как притупляются вкусовые качества пищи, используемой исключительно с целью насыщения.

Однако, кроме использования английского языка в роли всеобщего посредника, языковая глобализация выражается в проникновении в самые различные языки мира весомого массива англо-американских лингвокультурных элементов, или «англоглобализмов». Под влиянием донора глобализации представители самых различных наций и культур говорят на языке «вызовов», передвигаются по «дорожной карте», ощущая при этом «драйв» и делая «селфи», и сопровождают свои креативно-мобильные действия возгласами «супер!» и «вау!». В сущности, мир разделился на две неравные части: в одной находится зона действия «челленджа», производства смыслов или бессмысленностей, в то время как на все другие территории распространяется действие «мессиджа», приводящего реципирующие массы в состояние благодарной консумпции американских лингвокультурных (или не очень) продуктов.

Массовое внедрение в различные языки мира англо-американских элементов рассматривается в работах ученых-носителей языка-донора как естественный прогрессивный феномен, лишенный трансформирующего этнокультурного влияния. В посвященной данному вопросу литературе находим изысканные попытки доказать, что и в этом случае английский, как язык высоких смыслов и антиципаций, вызывает некие дремлющие в культурном слое наций-реципиентов языковые потенции, реализуя при этом свои собственные, естественные глобализационные потребности. Высочайшую степень виртуозности в измышлении доказательств этнокультурной беспристрастности языка-донора демонстрирует Д. Грэддол, утверждающий, что лингвокультурная глобализация ведет не к гомогенизации и однообразию, а к созданию новых *гибридных* форм языка, культуры и политических организаций в результате глобальных воздействий, *отвечающих местным традициям, ценностям и социальным контекстам* [6].

Убежденность автора в соответствии глобальных воздействий местным ценностям и традициям сродни уверенности американской нации в абсо-

лютой ценности идеи демократии, которая также не содержит черт англосаксонского менталитета, даже в том случае, если принимает форму военной интервенции. Просто не каждый этнос успевает осознать «дремлющие» в нем потребности в демократизации.

В качестве доказательства негомогенной глобализационной роли английского языка Д. Грэддол приводит существование гибридных языковых форм, таких как Spanglish, Danglich, Chinglish и т.п. С одной стороны, в аргументации такого рода присутствует определенная логика: кто возразит, что гибридная форма не есть отрицание формы гомогенной? Особенно, если остаться на уровне анализа самих этих словоформ, вне их соотношения с конкретной референтной ситуацией. Если же мы рассмотрим все вышеперечисленные гибриды в их стройном ряду, то они явят нам удивительно гомогенную картину, единообразие которой обеспечивается за счет одинаковой «хвостовой» части – форманта *-glish*. Таким образом, даже самого поверхностного взгляда на продукты гибридизации достаточно, чтобы идентифицировать гомогенизирующее влияние языка глобализации.

Крайне интересными представляются идеи об обязательности усвоения неанглосаксонскими этносами положенной им доли англоглобализмов. По мнению отдельных ученых, неприятие данных форм способно обернуться «нереализацией каких-то культурных и когнитивных потенциалов соответствующего этноса» [6, с.485].

Стремясь мыслить в унисон с политкорректными англоязычными исследователями, О.В. Одегова отыскивает в корневой толще романо-германских языков ростки глобальных смыслов. По мнению автора, «калькированные или транслитерированные с имеющего в генезисе романо-германские корни английского языка понятия, обнаруживают корреляты во многих языках. Передавая другой объем значения в соотношении с родным языком, они становятся не просто терминами, а *символами нашей жизни* или маркерами общей картины мира. К таковым можно отнести, например, «событие» (event), «зрелище» (performance), «наслаждение» (groove), стимул (drive), «классный» (cool), «удачливый» (happy), успех (success), креатив (creative), мобильность (mobility) и т.д. [3].

Согласно логике автора, изменение объема семантики коррелятов до уровня главных культурных символов не означает трансформации языковой картины мира. Хотя, даже в этом списке случайно собранных этноростков глобального смысла обнаруживается некая общность, дающая представление об участии новых, англо-американских лингвоконцептов в процессе фор-

мирования эгоцентричной, мобильной, нацеленной на достижение индивидуалистического успеха личности, стремящейся к гедонистическим ценностям, каузируемым определенным набором стимулов.

Не вдаваясь в подробный анализ характера влияния американского варианта английского языка на все подвластные ему лингвокультуры мира, заметим, что вошедшие в них заимствования относятся к самым значимым областям существования социума и индивида. Перенос форм ведения финансово-экономической деятельности вместе с их номинациями представляется вполне мотивированным с точки зрения большей успешности функционирующей американской модели и не нуждается в дополнительных комментариях. Одновременно наблюдается социальная стратификация общества средствами английского языка: на одной стороне – *успешные люди, ВИПы, селебрити*, на другой – *лузеры*, время от времени превращающиеся в электорат. Прилежным образом копируется с оригинала и политическая жизнь американского истеблишмента – от появления рядом с Красной площадью Белого дома, до инаугураций и весьма неблагозвучных экзит-полов.

В области высоких концептуальных смыслов особое значение приобрел гордый и непреклонный, призывающий к борьбе с самим собой и со всеми остальными американский регулятивный концепт *challenge*, надежно спрятавшийся за спиной автохтонных неосемантизмов – *вызовов*.

Во всех странах-консументах американского лингводонора сменилась аксиологическая составляющая информационных программ, отдающих приоритет мелкокалиберным событиям криминального характера, преимущественно с сексуальной подоплекой. Привычными «нюсами» на федеральных каналах стали браки и разводы голливудских звезд, а уход из жизни основателя журнала „Playboy” 28.09.17 получил в новостной программе НТВ концептуальный заголовок «Конец эпохи». Во всех детективах российские сыщики прикрепляют к настенной доске фото подозреваемых и прочие «ключевые» бумажки, и во всех сообщениях о катастрофах с потерпевшими и их родственниками «работают психологи». Внедряемые американские матрицы поведения не только не имеют внутренних коррелятов в национальном менталитете, но представляются в высшей степени идиосинкразийными тому видению мира, в котором горе лечится только временем, а эпохи контурируются не сексуально-коммерческими «ивентами», а социальными, политическими или культурными событиями.

Пытаясь выявить общие тенденции глобализационного влияния английского языка, В.К. Журавлев описывает их как «тенденцию трех «И»: интер-

национализация, интеллектуализация и интеграция [2, с. 190]. Под интернационализацией предлагается понимать усиление значимости международных языков и распространение билингвизма. Пополнение национальных языков интернационализмами с все возрастающей долей английского в национальных литературных языках приравнивается к интеллектуализации. Наконец, интеграция языков, в основе которой лежит интернационализация, проявляется в смешении литературных и разговорных вариантов естественных языков в конкретных сферах.

Вывод об интеллектуализирующем влиянии англо-американизмов на принимающие лингвокультуры требует отдельного изучения и верификации. Однако, уже проведенные в данной области исследования позволяют нам утверждать, что для вводимых в другие культуры англоглобализмов характерны: примат формы над содержанием (*имидж, ивенты, контент, перформанс, презентация* и т.п.), примат структуры над смыслом (*кластеры, модули*), примат действия над рефлексией (*вызовы, драйв, экстрим*), примат развлечения над наукой (*научные пикники, эдьютейнменты, learn by play* и т.п.), примат тела (секса) над духом (*секс-символы, фитнес, мейкап, лифтинг, шейпинг* и т.п.), эмоций над интеллектом. Таким образом, имеются все основания, чтобы выдвинуть идею о пяти разновидностях «приматов», или тенденции «5 П», противостоящей тенденции «3И».

Следует также обратить внимание и на прагматическую поддержку американских лингвоконцептов, осуществляемую междометиями *вау* и *йес!*. Заимствование первичных междометий не имеет прецедентов во всей истории межъязыковых и межкультурных контактов. Вхождение в речевые навыки носителей различных языков американских интеръективов представляет собой средство формирования адекватных рефлексов, обеспечивающих усвоение новой, англо-американской системы ценностей на рефлекторном уровне.

В целом, если мы составим полный ряд англоглобализмов, то увидим, что лингвокультурный донор, в чьей этнокультурной беспристрастности пытаются убедить нас многие ученые, произвел вполне успешный «*get-mapping*», или передел концептуально-прагматической картины мира. И, хотя формант *-glish* находится в хвостовом отсеке гибридных образований, значимость его содержимого не оставляет никаких сомнений в том, что именно хвост вертит собакой.

Wag the dog, как говорится на языке американских политтехнологов.

Список литературы:

1. Агейкина С.В., Режабек Е.Я. Значение литературной формы родного языка для культуры // В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. – М.: Академический проект; РИК, 2005. – С. 485.
2. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – 2-е изд., доп. – М., 2004. – С. 190-199.
3. Одегова О.В. Трансформация языковой картины мира под воздействием фактора лингвокультурной глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/9_128437.doc.htm (дата обращения: 15.10.2015).
4. Coupland N. (ed). The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – D Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – 662 p.
5. Crystal D. English as a global language / David Crystal. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – 150 p.
6. Graddol D. The Future of English? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://c-faculty.chuo-u.ac.jp/~mikenix1/co/we/Future_of_English.pdf (дата обращения: 15.10.2015).
7. Steiner G. After Babel: Aspect of Language Translation. Oxford: Oxford University Press, 1975. 563 p.

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

I Международной научно-практической конференции

г. Новосибирск, 28 сентября, 25 октября 2017 г.

Под общей редакцией С.С. Чернова

Подписано в печать 30.10.2017. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 12,56 Печ. л. 13,50 Заказ

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39